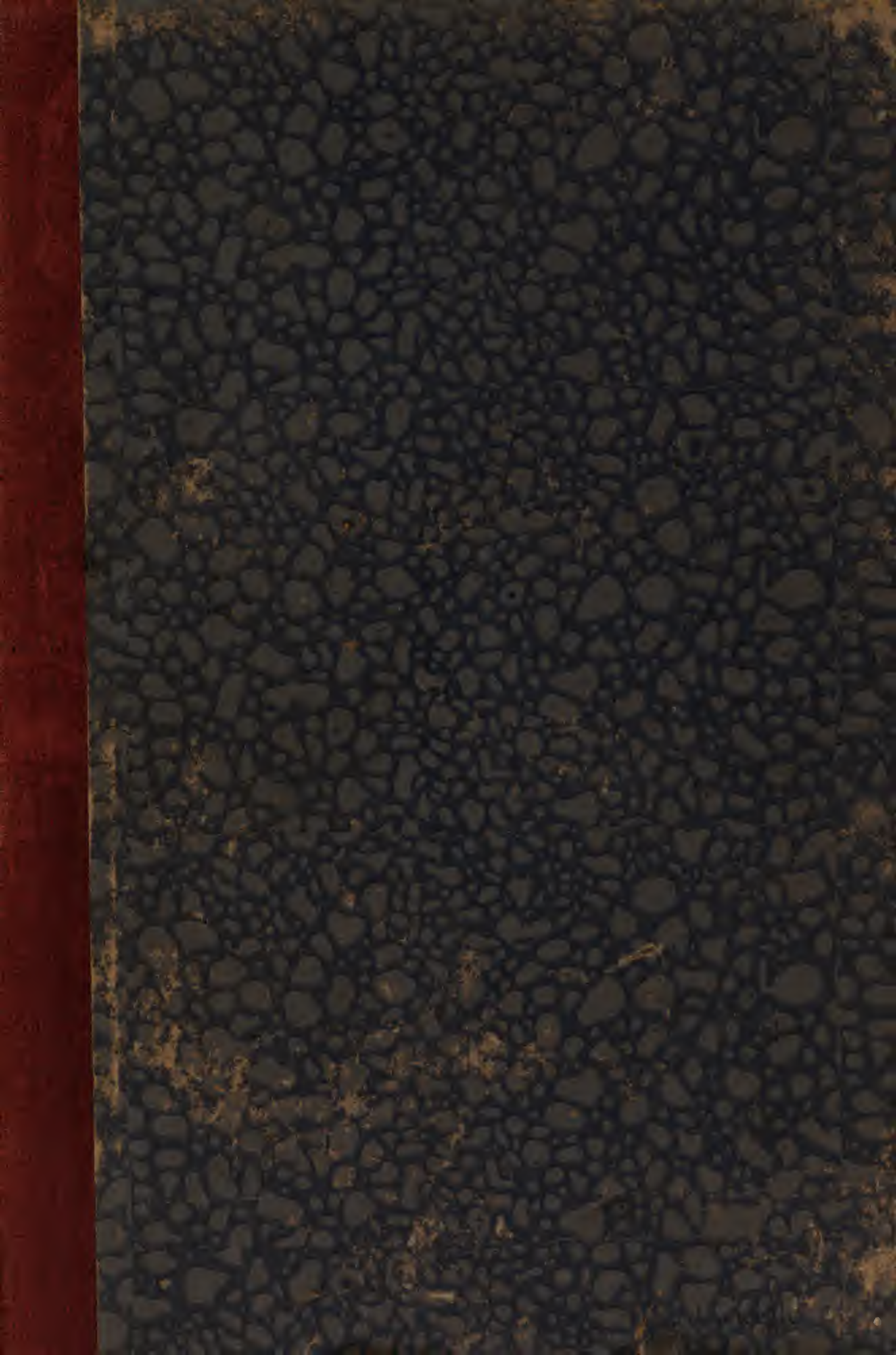

Digitized by Google

Годъ 15-й. **Кн. LVI.**

ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ
ОБОЗРѢНІЕ.

Изданіе Этнографическаго Отдѣла

Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи,

состоящаго при Московскомъ университетѣ.

1903, № 1.

подъ редакціей

Предсѣдателя Отдѣла **В. Ѳ. Миллера**

и

Товарища Предсѣдателя Н. А. Янчука.

МОСКВА.

Т-во Скоропеч. А. А. Левенсонъ. Коммиссіонеры ИМПЕРАТОРСКАГО Общества Любителей Естествознанія въ Москвѣ. Тверская, Мамоновскій пер., с. д.

1903.

Печатано съ разрѣшенія Совѣта Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи.

СОДЕРЖАНІЕ.

Сказка съ двѣнацатью персонажами[1]).

I.

Двѣнадцать учениковъ.

Сказка о двѣнадцати ученикахъ распространена у великоруссовъ, малоруссовъ, бѣлоруссовъ, у поляковъ и записана также у нѣмцевъ и у аваровъ на Кавказѣ. Начинается сказка по большей части разсказомъ о томъ, что старикъ и старуха, имѣющіе сына, хотятъ отдать его въ науку или въ школу, или въ наймы съ тѣмъ, чтобы его чему-нибудь научили; старикъ уводитъ сына изъ дому искать учителя, дорогой встрѣчаетъ человѣка, который выдаетъ себя за учителя, и отдаетъ ему сына.

Въ великорусскихъ и бѣлорусскихъ сказкахъ этотъ учитель иногда носитъ имя Охъ [2]), въ бѣлорусскихъ Вохъ [3]). Встрѣча съ

---

[1]) Я не имѣлъ намѣренія въ этой статьѣ сдѣлать общій обзоръ сказочныхъ случаевъ, въ которыхъ являются двѣнадцать персонажей; я останавливаюсь только на четырехъ сюжетахъ, сходство которыхъ мнѣ представляется основаннымъ на ихъ происхожденіи изъ общаго источника; число двѣнадцать явилось въ нихъ не въ видѣ бродячаго мотива, случайно введеннаго въ сказку; оно лежитъ въ самой основѣ сказки, оно было соединено съ той реальностью, наблюденія надъ которой послужили матеріаломъ для сюжета сказки. Сообразно съ числомъ разсматриваемыхъ сюжетовъ статья состоитъ изъ четырехъ главъ: 1) Двѣнадцать учениковъ, 2) Двѣнадцать царевенъ, 3) Двѣнадцать заговорщиковъ и 4) Двѣнадцать азовъ.

[2]) Аѳанасьевъ, Народн. русск. сказки, М., 1897 г., II, 131; Рудченко, Народн. южнорусск. сказки, Кіевъ, 1869 г., II, 107; Добровольскій, Смоленскій Сборникъ, Спб., 1891 г., I, 615; Чубинскій, Труды этногр.-статистич. экспедиціи въ западнорусск. край, Спб., 1878, II, 368 и 372; Драгомановъ, Малорусск. нар. пред. и разсказы, Кіевъ, 1876 г., 326; Живая Старина, годъ VII, в. III и IV, Спб., 1898 г., стр. 443; Худяковъ, Великорусскія сказки, в. 1, стр. 65, Мордовцевъ, Малорусскій литерат. сборникъ, Саратовъ, 1859 г., стр. 559.

[3]) Добровольскій, I, 615.

нимъ обыкновенно описывается такимъ образомъ. Старикъ, утомившись, садится отдохнуть возлѣ дороги на пенекъ или на колоду, или на могилку и говоритъ: „Охъ, какъ я усталъ"! Тотчасъ передъ нимъ, откуда ни возьмись, выростаетъ человѣкъ и спрашиваетъ: „Зачѣмъ ты меня звалъ? меня зовутъ Охомъ". Въ одной малорусской сказкѣ [1]) Охъ лѣсной царь, живетъ подъ землей; онъ выскакиваетъ изъ обгорѣлаго пенька, на который сѣлъ старикъ отдохнуть; у него зеленая хата и зеленая жена. Въ аварской сказкѣ учитель называется Охай; это имя вызываетъ такой же эпизодъ, какъ Охъ въ русскихъ; усталый отецъ, ведущій сына отдавать въ науку, садится на холмикъ и произноситъ: охай! Холмъ раскалывается и изъ него выходитъ Охай. Когда условіе сдѣлано, когда старикъ далъ согласіе отдать сына, Охай, вмѣстѣ съ сыномъ старика, уходитъ въ отверстіе въ холмѣ [2]); это намекъ на темную сверхъестественную природу учителя. Въ другихъ варіантахъ нѣтъ указанія на мѣстопребываніе учителя подъ землей, гдѣ народное воображеніе помѣщаетъ темныя силы, но и въ нихъ болѣе или менѣе ясно выступаетъ темный характеръ учителя. Онъ выдается то за чернокнижника [3]), то за нечистаго [4]), то за колдуна [5]), то за чорта [6]); въ одной самарской онъ „славущій еретикъ, колдунъ" [7]); въ другой, великорусской, это богатый купецъ, который „до всего дошелъ, всѣ премудрости зналъ" [8]); въ бѣлорусской панъ, который выучиваетъ оборачиваться звѣрями и птицами [9]); въ самарской мастеръ, который

[1]) Рудченко, II, 108.

[2]) Сборникъ свѣдѣній о кавказск. горцахъ, вып. II, Отд. V, Чиркеевскій. Аварскія народн. сказанія, стр. 52.

[3]) Kulda, Moravské národné pohádky, pověsti, obyčeje a pověry. V Praze, 1875. № 82.

[4]) Иваницкій, Матеріалы по этнографіи вологодск. губ. въ Сборникѣ свѣдѣній для изуч. быта крестьянск. населенія Россіи. В. II. М. 1892 г. стр. 182.

[5]) Аѳан., № 140, *a*.

[6]) Аѳан., № 140, *c*; въ подстрочномъ примѣчаніи на стр. 131.

[7]) Садовниковъ, Сказки и преданія самарскаго края, Спб., 1884, стр. 216.

[8]) Аѳан., № 140, *б*.

[9]) Шейнъ, Матеріалы для изученія быта и языка русскаго населенія сѣверозападн. края, т. II, Спб. 1893 (въ Сборникѣ Отдѣл. русск. яз. и словесн. И. Акад. Наукъ, т. LVII; № 26, *a*).

учитъ разнымъ языкамъ и оборачиванью [1]); въ другихъ, великорусскихъ—языкамъ птичьему и звѣриному [2]). Въ немногихъ случаяхъ учитель вводится въ разсказъ безъ подобнаго аттестата; это купецъ или просто учитель [3]).

Срокъ обученія или одинъ годъ [4]) или три [5]) или семь лѣтъ [6]). Плата за обученіе или сто рублей или карбованцевъ, или копа ложечекъ или тарелочекъ [7]), или „полна мишяча шкура" [8]).

Въ нѣкоторыхъ варіантахъ, какъ наприм. у Рудченка, въ малорусской, описывается первый урокъ волшебства, данный учителемъ сыну старика. Учитель послалъ своего новаго ученика рубить дрова и, когда тотъ заснулъ, соннаго связалъ, положилъ на костеръ дровъ, сжегъ и пепелъ развѣялъ; одна углина выпала; волшебникъ спрыснулъ ее живою водою, снова работникъ ожилъ, только болѣе сильнымъ; волшебникъ послалъ ученика въ другой разъ по дрова и снова также сжегъ его и снова окропилъ углину. Это онъ продѣлалъ до трехъ разъ. Послѣ третьяго раза изъ ледящаго парня вышелъ гарный казакъ [9]).

Въ малорусской сказкѣ изъ Галиціи Охъ спалилъ четыре стосы дровъ, бросилъ хлопца въ огонь, сробилось яйцо; изъ яйца вылѣзъ хлопецъ. Охъ во второй разъ сжигаетъ шесть стосъ дровъ, въ третій восемь; во второй разъ изъ сожженнаго костра выходитъ волошскій орѣхъ, въ третій—маковое зерно; хлопецъ, выходящій изъ орѣха и маковаго зерна, съ каждымъ разомъ становится мудрѣе и когда онъ выходитъ изъ послѣдняго костра, онъ знаетъ, що ся въ пивъ-сьвити діе (Яворскій въ Живой Старинѣ, годъ VI (1898), вып. III и IV, стр. 443).

---

1) Садовниковъ, стр. 212.

2) Аѳан. № 140, *d* и *e*.

3) Аѳан., № 140, *б*. Худяковъ, III, стр. 71.

4) Аѳан., № 140, *d*; въ аварской сказкѣ въ Сборникѣ свѣд. о кавк. горцахъ, в. II, стр. 54.

5) Аѳан., № 140, *a*, *б*, *e*; Добровольскій, II, 616; Иваницкій, 182 и 183. Радловъ (въ телеутской сказкѣ). Proben der Volksliteratur der türkisch. Stämme Süd-Sibiriens I, S.-Ptb., 1866, S. 208.

6) Аѳан. № 140, *c*.

7) Чубинскій, II, 368 и 372.

8) Драгомановъ, 326.

9) Рудченко, II, 107.

Учениковъ у этого волшебника въ большинствѣ варіантовъ насчитывается съ вновь-приведеннымъ юношей двѣнадцать. Всѣ они были взяты подъ условіемъ отпустить въ родительскій домъ, если родители узнаютъ своего сына въ обращенномъ видѣ, но такъ какъ родители одиннадцати учениковъ не сумѣли узнать своихъ дѣтей, то послѣдніе и остались навѣки во власти волшебника.

Ученики являются обращенными въ двѣнадцать жеребцовъ, медвѣдей, волковъ, собакъ, барановъ, голубей, лебедей, пѣтуховъ, скворцовъ; иногда являются подъ видомъ двѣнадцати стариковъ купцовъ, двѣнадцати нищихъ съ кошелями, двѣнадцати дѣвицъ и даже двѣнадцати молодцовъ; въ послѣднихъ двухъ случаяхъ дѣвицы или молодцы похожи одна на другую или одинъ на другого, волосъ въ волосъ, голосъ въ голосъ. Изрѣдка число учениковъ не дается; они являются въ неопредѣленномъ числѣ; такъ у Мордовцева, въ малорусской сказкѣ, множество голубей слетается на высыпанную волшебникомъ пшеницу; у Рудченка пѣтухи слетаются на посыпанное просо. Въ двухъ случаяхъ вмѣсто двѣнадцати три: три пѣтуха, три селешка [1]), или три ястреба, три пѣтуха и три жеребца [2]); въ одномъ случаѣ два: два барана, два огкера [3]) и въ одномъ случаѣ тридцать: тридцать молодцовъ, тридцать коней, тридцать сизокрылыхъ голубей [4]).

Отецъ былъ бы не въ состояніи узнать, который его сынъ, еслибъ послѣдній самъ не подсказывалъ, какъ его узнать. Когда отецъ по истеченіи условленнаго времени идетъ искать волшебника, сынъ обращается въ голубя или сокола, летитъ ему на встрѣчу, на его глазахъ обращается въ добраго молодца и учитъ отца, по какой примѣтѣ онъ можетъ быть узнанъ. Онъ будетъ стоять седьмымъ слѣва [5]), или вторымъ слѣва [6]), или на третьемъ мѣстѣ справа, [7]) или будетъ сидѣть въ видѣ голубя подъ грушею отдѣльно отъ остальной стаи, не будетъ клевать

---

1) Чубинскій, II, 369.
2) Чубинскій, II, 373.
3) Чубинскій, II, 376.
4) Афан., № 140, *d*.
5) Афан., № 140, *c*
6) Садовникъ, № 64.
7) Афан., № 140, *б*.

пшеницу и будетъ оскубаться [1]), или подъ видомъ голубя, который взлетитъ выше всѣхъ и будетъ обчищать свои перья [2]); или это будетъ одинъ изъ стаи голубей, который не будетъ клевать проса [3]), или это будетъ голубь, который оттопыритъ крыло [4]) или взмахнетъ крыломъ, или лебедь, который пролетитъ вдоль стаи [5]), или конь, который будетъ топать ногой, [6]) или переступать съ ноги на ногу, или стоять потупившись [7]), или шерсткой вздрагивать [8]); волкъ, который оглянется, медвѣдь, который будетъ сосать лапу, собака, которая будетъ волочить лѣвую ногу [9]); когда онъ будетъ въ видѣ человѣка, онъ будетъ какъ будто сгонять муху съ правой стороны или бороду поправлять, или поправлять кошель, если это нищій съ кошелемъ, или уронитъ платокъ и подниметъ, если это дѣвица или молодецъ [10]). Иногда онъ будетъ подъ видомъ коня, у котораго подъ гривой бѣлое пятно [11]). Въ двухъ варіантахъ онъ узнается по тому, что на его лицо (на правую щеку) сѣла муха [12]); въ одномъ варіантѣ по тому, что изъ праваго уха у него идетъ дымокъ. Когда отецъ гладитъ по головѣ дѣвицъ, у одной дѣвицы булавки уколютъ его руку [13]). Одиннадцать пѣтуховъ щиплютъ двѣнадцатаго, т. е. того, за которымъ пришелъ отецъ [14]).

Волшебникъ выводитъ учениковъ до трехъ разъ, напримѣръ, сначала въ видѣ двѣнадцати жеребцовъ, потомъ двѣнадцати голубей, потомъ двѣнадцати молодцовъ и т. п. Старикъ отецъ, предупрежденный сыномъ, всякій разъ узнаетъ сына. Не во всѣхъ однако варіантахъ секретъ, какъ узнать сына, выдаетъ сынъ; въ

---

1) Рудченко, II, № 29.
2) Аѳан., № 140, *а*.
3) Чубинскій, II, 377.
4) Чубинскій, II, 370; Иваницкій, 183.
5) Иваницкій, 183.
6) Чубинскій, II, 373; Аѳан., 140, *а*.
7) Добровольскій, 616.
8) Худяковъ, вып. I № 19, стр. 65.
9) Эрленвейнъ, Народн. сказки, М. 1863, стр. 87.
10) Иваницкій, 183.
11) Добровольскій, 616.
12) Аѳан., 140, *б*.
13) Аѳан., 140 *б*.
14) Шейнъ, № 26.

одномъ случаѣ эту тайну выдаетъ дѣвка, которая сначала колеблется и сознается, что боится желѣзной печи [1]); въ другомъ наймычка [2]); у Рудченка какой-то бѣлый дѣдъ, у Добровольскаго просто дѣдъ.

Въ нѣкоторыхъ варіантахъ искусство обращаться въ птицу и летать по воздуху или обращаться въ рыбу и плавать въ водѣ пріобрѣтается ученикомъ помимо воли волшебника, какъ бы похищается у него. У Худякова [3]) мальчикъ учится за моремъ у учителя *семь* лѣтъ и повидимому безплодно; но вотъ онъ увидалъ, какъ учитель выпустилъ изъ окна двѣнадцать молодцовъ, обращенныхъ соколами. Онъ сдѣлалъ ключи къ этому дому, досталъ книги, сталъ учиться и выучился лучше учителя. Въ аварской сказкѣ дочь Охая совѣтуетъ ученику притворяться безтолковымъ и на вопросы учителя: понялъ ли? отвѣчать: „не понялъ". Если бъ онъ сказалъ, что понялъ, Охай убилъ бы его, какъ убилъ уже многихъ другихъ. „Онъ не хочетъ, говоритъ его дочь, чтобы, кромѣ него, другой человѣкъ узналъ искусство—разумъ" [4]).

Волшебное искусство, пріобрѣтенное сыномъ у волшебника, должно питать стариковъ, отца и мать. Возвращаясь домой отъ волшебника, отецъ и сынъ встрѣчаютъ охотниковъ, которые съ хортами или собаками гоняются за лисицей; сынъ обращается въ хорта, который на глазахъ охотниковъ показываетъ свою ловкость, и они покупаютъ хорта; старикъ продастъ, но снявъ съ хорта мотоузъ; черезъ нѣсколько времени хортъ возвращается къ старику. Далѣе сынъ превращается въ сокола; соколятники, охотившіеся за перепелами, покупаютъ сокола у старика, и соколъ возвращается къ старику, потому что былъ проданъ безъ путцевъ или безъ ретязя.

Въ третій разъ сынъ обращается въ коня; отецъ долженъ свести его на базаръ и продать безъ узды; на базарѣ коня торгуетъ у старика учитель, т. е. колдунъ, явившійся на базаръ въ неузнаваемомъ видѣ; старикъ продаетъ ему коня вмѣстѣ съ уздой. Это неисполненіе запрета объясняется въ сказкѣ или жадностью

---

1) Чубинскій, II, № 104. стр. 377.
2) Чубинскій, II, № 103, стр. 373.
3) Худяковъ, III, № 94, стр. 71.
4) Сборн. свѣд. о кавк. горцахъ, II, отд. V, стр. 54.

старика, который польстился на надбавку въ цѣнѣ, если конь будетъ отданъ съ уздой, или насиліемъ покупателя; колдунъ вырвалъ узду изъ рукъ старика и ускакалъ. Иногда старика заставляютъ отдать узду барышники, т. е. торговцы конями [1]), иногда присуждаетъ къ тому судъ.

Колдунъ садится на коня и начинаетъ гонять его. Въ одномъ варіантѣ конь несетъ его „вище дерева, нижче хмари" [2]); въ другомъ онъ носитъ колдуна по воздуху наравнѣ съ крестами церквей [3]). Пріѣхавъ домой, колдунъ туго привязываетъ коня къ столбу, иногда такъ высоко подтянувъ его голову, что переднія ноги коня не могутъ достать до земли и висятъ на воздухѣ [4]). Отпускаютъ коня чьи-то дѣти: или дѣти самого колдуна, или дочь, или дочери колдуна [5]), или просто дѣвица, въ одномъ варіантѣ сестра колдуна [6]) или служанка, служащая на кузницѣ [7]); въ одной великорусской дочь колдуна, которую старикъ отецъ встрѣчаетъ дорогой въ видѣ сороки; она отпускаетъ коня не нечаянно, какъ въ большинствѣ предыдущихъ случаевъ, а по обѣщанію, данному старику отцу [8]); въ другомъ варіантѣ это дѣлаетъ мать ученика [9]).

Въ описаніи погони колдуна за ученикомъ во всѣхъ варіантахъ непремѣнно упоминается рѣка. Конь, добѣжавъ до рѣки, обращается въ ерша; колдунъ, гнавшійся за конемъ, иногда въ видѣ волка, обращается въ щуку [10]). Иногда вмѣсто ерша конь обращается въ окуня [11]).

---

1) Аѳан., № 140, *a*.
2) Рудченко, II, № 29.
3) Чубинскій, II, № 102.
4) Аѳан., № 140, *a*; Драгомановъ, 326; Добровольскій, I, 619.
5) Аѳан., № 140, *a*, *б*. Образцы мордовской словесности, изд. правосл. миссіон. общества, Казань, 1883, вып. II, стр. 191. Сборн. свѣд. о кавказск. горцахъ, II, 56.
6) Иваницкій, 183; Аѳанас., № 140, *d*; Худяковъ, I, № 19.
7) Етнографічний Збірник, У Львові. 1898, т. IV, стр. 30.
8) Аѳан., № 140, *a* въ подстрочномъ примѣчаніи на стр. 129.
9) Добровольскій, I, 619.
10) Аѳан., № 140, *a*.
11) У Мордовцева, Рудченка и Эрленвейна, а также у Чубинскаго, II, № 103, стр. 374.

Въ самарской сказкѣ у Садовникова вмѣсто послѣдовательности: конь и волкъ, ершъ и щука, превращенія слѣдуютъ такими парами: соколъ и ястребъ, ершъ и щука. Въ малорусской голубь и шпакъ, плитка и щупакъ [1]); въ бѣлорусской волкъ и охотникъ, огонь и вода, ершъ и щука [2]). Въ другихъ варіантахъ этотъ эпизодъ еще сложнѣе, напримѣръ: собака и волкъ, медвѣдь и левъ, лебедь и соколъ, ершъ и щука. Другими словами сказать, конь, прежде чѣмъ превратиться въ рыбу, перекидывается въ голубя, или сокола, или лебедя и летитъ по воздуху, а колдунъ гонится за нимъ въ видѣ шпака, сокола или ястреба [3]). Если четыре пары послѣдняго случая есть излишнее усложненіе, то двѣ пары: конь и волкъ, ершъ и щука можетъ быть не полная редакція; въ другихъ разсказахъ о преслѣдованіи преслѣдуемый, кромѣ земной поверхности и воды, ищетъ спасенія еще и въ третьей средѣ, въ воздухѣ; сначала онъ спасается на дно морское, потомъ летитъ по воздуху къ небу.

Ершъ, убѣгая отъ щуки, выскакиваетъ на плотъ и превращается въ перстень. На плоту въ это время полоскали бѣлье служанки изъ царскаго дворца или полоскала сама царевна; въ варіантахъ на мѣстѣ царевны у Мордовцева княжеская дочь, у Шейна паненка, въ одномъ варіантѣ у Афанасьева купеческая дочь [4]).

Царевна поднимаетъ перстень и надѣваетъ себѣ на палецъ, или перстень попадаетъ въ ведро служанкѣ; та относитъ его во дворецъ и отдаетъ царевнѣ. Колдунъ превращается въ купца, проситъ отдать ему перстень и говоритъ, будто онъ плылъ на корабляхъ по морю и обронилъ этотъ перстень въ воду. Царевна не хочетъ отдать перстень, но купецъ доходитъ до ея отца и царь велитъ дочери отдать. Тогда царевна бросаетъ перстень на полъ и онъ разсыпается на зерна [5]) или горохомъ [6]), макомъ [7]),

---

1) Чубинскій, II, № 104, стр. 379.
2) Добровольскій, I, 619.
3) Афан., № 140, *c*.
4) Афан., № 140, *a*.
5) Афан., № 140, *a*; Худяковъ, I, № 19, стр. 69.
6) Чубинскій, № 104, стр. 379.
7) Чубинскій, № 103, стр. 375.

пшеницей [1]), мелкимъ просомъ [2]), искрами [3]) или жемчугомъ [4]), мелкимъ камнемъ [5]); или, у Мордовцева, распадается на десять горошинъ, или, у Шейна, на десять маковыхъ зеренъ. Колдунъ перекидывается пѣтухомъ и склевываетъ зерна, но одно зерно подкатилось подъ башмакъ царевны. Склевавши зерна, пѣтухъ взлетаетъ на окно или на блюдо, стоящее на столѣ и кричитъ: кукуреку! побѣдилъ непріятеля [6])! Но въ это время царевна отнимаетъ свою ногу [7]), скрывавшееся подъ ней зерно обращается въ ястреба или сокола, который отрываетъ пѣтуху голову [8]); затѣмъ ястребъ перекидывается молодцемъ и царевна выходитъ за него замужъ. Въ мордовской сказкѣ зерно превращается въ солдата съ саблей, который зарубаетъ пѣтуха.

Въ смоленскомъ варіантѣ у Шейна перстень или жуковина разсыпалась на десять маковыхъ зеренъ; изъ нихъ пять зеренъ царевна затоптала ногой. Учитель, обратившись пѣтухомъ, склевалъ пять зеренъ; царевна подняла ноги, изъ пяти скрывавшихся подъ ними зеренъ стала большая птица, которая съѣла пѣтуха [9]).

Въ литературѣ о сказкѣ, здѣсь насъ занимающей, было уже указано на ея сходство съ монгольской книжной сказкой, которая служитъ вступительнымъ разсказомъ въ монгольскомъ сборникѣ сказокъ „Шиддикуръ“ [10]). Устно передаваемыхъ сказокъ съ

---

[1]) Иваницкій, 184.

[2]) Аѳан., № 140, *c*; Драгомановъ, 328; Сборн. свѣд. о кавк. горцахъ, II, стр. 56.

[3]) Эрленвейнъ, 91.

[4]) Аѳан., № 140, *б*, стр. 131, *d*, стр. 134; Худяковъ, III, № 94, стр. 75.

[5]) Добровольскій, 619.

[6]) Худяковъ, III, № 94.

[7]) Царевна бросаетъ перстень на полъ, потомъ снимаатъ свою ногу съ зерна—все это она дѣлаетъ по совѣту юноши, обратившагося въ перстень; чтобы дать совѣтъ, перстень падаетъ съ ея руки, обращается въ молодца; давъ совѣтъ, молодецъ снова обращается въ перстень.

[8]) У Худякова, I, стр. 69: „убилъ этого, своего учителя“.

[9]) Возстановленіе погибшаго цѣлаго изъ одной уцѣлѣвшей части—мотивъ, который уже являлся въ нѣкоторыхъ варіантахъ въ началѣ сказки, именно въ разсказѣ о томъ, какъ колдунъ сжегъ ученика на кострѣ, пепелъ развѣялъ, но одна углина уцѣлѣла и подъ дѣйствіемъ колдуна превращается въ ожившаго ученика, который былъ сожженъ.

[10]) Русскій переводъ этого сборника, сдѣланный г. Гомбоевымъ, помѣщенъ въ Этногр. Сборникѣ, изд. Имп. Русск. Геогр. Общ., т. VI, Спб., 1864. Ука-

этимъ сюжетомъ пока не записано ни у монголовъ, ни у киргизъ. Кромѣ Шиддикура, мы знаемъ только двѣ восточныя записи: аварскую сказку объ Охаѣ на Кавказѣ и телеутскую, записанную г. Радловымъ въ Алтаѣ въ Сибири; правда, онѣ могутъ возбуждать вопросъ, не съ запада ли онѣ зашли въ Сибирь и на Кавказъ, но существованіе сказки въ Шиддикурѣ даетъ право предполагать, что сюжетъ этотъ не чуждъ народной памяти орды и что аварская и телеутская сказки можетъ быть и восточнаго происхожденія. Въ пользу востока говоритъ также и замѣчаемый нѣкоторый параллелизмъ этой сказки съ мотивами ордынскаго звѣзднаго эпоса, на что будетъ сейчасъ указано.

Одинъ изъ главныхъ эпизодовъ нашей сказки—преслѣдованіе одного персонажа другимъ. Въ сѣверной Азіи тотъ же мотивъ пріурочивается къ созвѣздію Большой Медвѣдицы; по повѣрью остяковъ, созвѣздіе это—лось, котораго преслѣдуетъ охотникъ Тункъ-похъ или три охотника; по одному варіанту остяцкаго сказанія лось былъ наконецъ пойманъ, привязанъ къ ели, но оторвался, убѣжалъ и вновь преслѣдуется [1]). Въ русской сказкѣ, какъ мы видѣли, колдунъ Охъ преслѣдуетъ своего ученика, обратившагося въ коня; онъ уже овладѣлъ имъ, привязалъ его къ столбу, но конь вырвался и убѣжалъ; Оху пришлось вновь гнаться за нимъ, подобно остяцкому герою Тункъ-поху. Разница въ томъ, что въ остяцкомъ сказаніи преслѣдуемое животное лось, въ русской сказкѣ конь; такая разница обусловлена культурой племени; звѣроловное племя должно было искать образъ между дикими лѣсными звѣрями, въ степномъ преданіи вмѣсто дикаго звѣря можетъ встать домашнее животное, напримѣръ, конь. И въ самомъ дѣлѣ, киргизы если не видятъ въ самомъ созвѣздіи коня, то представленіе о конѣ все-таки ставятъ въ связь съ созвѣздіемъ; семь звѣздъ Б. Медвѣдицы, по ихъ повѣрью, это семь воровъ, скрадывающихъ двухъ лошадей, которыя ходятъ вокругъ желѣзнаго прикола или коновязи, т. е. вокругъ Полярной звѣзды, привязанныя къ нему арканомъ; значитъ семь воровъ преслѣдуютъ этихъ лошадей; въ одной передачѣ этого

заніе на Шиддикуръ было сдѣлано Афанасьевымъ (Народн. русск. сказки, изд. 1897 г., т. II, стр. 135).

1) S. Patkanof, Die Irtysch-Ostjaken, St.-Ptb., 1897, S. 117—119.

повѣрья привязана къ желѣзному колу одна лошадь. Эти данныя даютъ поводъ предполагать, что въ ордѣ могло существовать представленіе о Бол. Медвѣдицѣ, какъ о конѣ, за которымъ кто-то гонится. Въ своей книгѣ „Восточн. мотивы" я указалъ на монгольскую сказку, въ которой включенъ разсказъ о ловлѣ коня пастухомъ; конь пойманъ и привязанъ къ вершинѣ скалы, но вырвался, и преслѣдованіе продолжается; я вижу въ этомъ монгольскомъ разсказѣ передѣлку остяцкаго преданія о Тункъпохѣ и лосѣ [1]). Вершина скалы монгольскаго сказанія отвѣчаетъ ели остяцкаго, къ которой былъ привязанъ лось; эти представленія о ели и вершинѣ скалы можетъ быть находятся въ связи съ представленіями о Полярной звѣздѣ, какъ о колѣ или столбѣ, къ которому, по киргизскому повѣрью, привязана лошадь.

Остяцкое повѣрье представляетъ Бол. Медвѣдицу преслѣдуемымъ животнымъ; по киргизскому, она сама преслѣдователь, но алтайское повѣрье опять обращаетъ созвѣздіе въ преслѣдуемый персонажъ; Идыганъ или Б. Медвѣдица украла одну изъ семи звѣздъ Плеядъ, и съ той поры Плеяды гонятся по небу за Идыганомъ [2]). Послѣ этого похищенія въ Плеядахъ осталось только шесть звѣздъ, почему Плеяды по-монгольски и называются часто Дзурганъ-Мечинъ (дзурганъ по-монгол. „шесть"). Число двѣнадцать удвоеніе числа шесть; не отсюда ли двѣнадцать учениковъ въ русской сказкѣ? Плеяды, скученное созвѣздіе, часто принимается или за стаю птицъ или за сборище людей; по осетинскому представленію, это собраніе пирующихъ нартовъ (богатырей), по бурятскому—на Плеядахъ боги устраиваютъ свой суглань, т. е. совѣщательное собраніе; первоначально звѣзды созвѣздія принимались, вѣроятно, за собравшихся въ кучу боговъ. Къ нашему предположенію, что въ двѣнадцати ученикахъ Оха можно видѣть кучку звѣздъ Плеядъ, придется кстати и мотивъ объ утраченной Плеядами звѣздѣ. Плеяды хотятъ возвратить потерянную звѣзду; Охъ потерялъ одного изъ своихъ двѣнадцати учениковъ и старается вернуть его; онъ гоняется за нимъ (между прочимъ летаетъ по воздуху) подобно тому, какъ гоняются Пле-

---

[1]) Потанинъ, Восточные мотивы въ средневѣковомъ европейскомъ эпосѣ, М., 1899. Стр. 293.

[2]) Потанинъ, Очерки Сѣв. Зап. Монголіи, IV, 193 и 194.

яды за Бол. Медвѣдицей. Нужно однако оговориться, что совпаденіе сказаній не полное: Охъ преслѣдуетъ утраченнаго члена компаніи учениковъ, Плеяды же гоняются не за утраченнымъ членомъ созвѣздія, а за его похитителемъ. Расхожденіе сказаній, впрочемъ, ослабляется тѣмъ, что преслѣдуемый ученикъ въ своемъ родѣ тоже похититель, какъ и Идыганъ; онъ похитилъ волшебное знаніе Оха. Цѣль погони въ русской сказкѣ не въ томъ, чтобы вернуть потеряннаго ученика; ученикъ Оху не дорогъ; онъ хочетъ его убить и, обратившись въ пѣтуха, чуть было не исполнилъ своего намѣренія; Оху нужно только, чтобы волшебное знаніе сохранилось въ его власти.

Распаденіе перстня на зерна или на жемчугъ также можетъ быть принято за мотивъ изъ ордынскихъ повѣрій о Плеядахъ; по киргизскому и монгольскому повѣрью, Плеяды это былъ змѣй или чудовище, которое распалось на части подъ ногами преслѣдователя [1]). По нѣкоторымъ записаннымъ мною ордынскимъ повѣрьямъ лошадь и корова соперничали, кому должна достаться честь истребленія этого чудовища; корова упредила коня и придавила чудовище своимъ копытомъ, но чудовище распалось и только часть его была раздавлена, а шесть частей выскользнули въ расщепъ копыта, поднялись на небо и превратились въ созвѣздіе Плеяды. Разница съ русской сказкой въ томъ, что въ сказкѣ зерно, прижатое башмакомъ царевны, спасается отъ гибели, въ ордынскомъ повѣрьѣ часть чудовища, прижатая копытомъ коровы, гибнетъ; въ сказкѣ большинство зеренъ, на которыя распался перстень, склевано и погибло, въ повѣрьѣ большинство частей (шесть звѣздъ) спаслось отъ истребленія.

Во всѣхъ варіантахъ сказки о колдунѣ и его двѣнадцати ученикахъ встрѣчается рѣка. Рѣка или море почти неизбѣжное явленіе въ разсказѣ о погонѣ. Такъ въ русской сказкѣ „Звѣриное молоко“ и въ ея варіантахъ убѣгающія отъ змѣя дѣти добѣгаютъ до рѣки или до моря и переправляются черезъ него, а ихъ гонитель тонетъ въ немъ; въ тибетской или тангутской ле-

---

1) Очерки Сѣв. Зап. Монг. II, 125; IV, 194, 203. Якутское преданіе: верховный богъ приказалъ сжечь шамана Анъ-Аргыла за его гордость, но шаманъ состоялъ изъ многихъ гадовъ и одна лягушка ускользнула отъ преслѣдованія и поднялась на небо. См. Вост. мотивы, 567.

гендѣ убѣгающій отъ погони Балъ-Дорчжи переплываетъ черезъ рѣку; въ монгольской Абатай съ похищенной святыней спасается на другой берегъ моря; въ тюркской сказкѣ Идыге находитъ убѣжище за рѣкою Адиль [1]). Если столбъ, къ которому Охъ привязываетъ коня, напоминаетъ намъ Полярную звѣзду, представляемую народнымъ преданіемъ въ видѣ коновязи; если конь напоминаетъ Бол. Медвѣдицу, и если двѣнадцать учениковъ Оха можно видѣть въ звѣздахъ Плеядъ, то и рѣку можно искать въ сосѣдствѣ съ этими созвѣздіями. Не будетъ ли это Млечный путь, который могъ своей формой напоминать и рѣку и змѣя [2])?

Если изъ разсматриваемой сказки отбросить всѣ детали и побочные эпизоды и извлечь только самое существенное, то содержаніе сказки можетъ быть очерчено такими чертами: двѣнадцать персонажей сгруппированы вмѣстѣ и объединены тѣмъ, что они ученики одного учителя; одного изъ двѣнадцати учениковъ нужно взять, но котораго слѣдуетъ взять, тому, кто пришелъ взять, неизвѣстно; указаніе, котораго ученика нужно взять, дѣлаетъ одинъ изъ учениковъ же; онъ сдѣлаетъ жестъ; по этому жесту пришедшій взять одного ученика узнаетъ, котораго нужно взять. Указаніе это дѣлаетъ тотъ самый ученикъ, за которымъ пришли. Но мы видѣли, что въ другихъ варіантахъ это указаніе дѣлаетъ другой персонажъ—дочь Оха или какой-то бѣлый дѣдъ.

Вступительный разсказъ монгольскаго сборника Шиддикуръ, на сходство котораго съ русской сказкой объ Охѣ было уже указано въ русской литературѣ, совпадаетъ съ нею не во всѣхъ частяхъ, но нѣкоторые эпизоды дѣйствительно представляютъ большое сходство. Изъ двухъ царевичей старшій поступаетъ въ обученіе къ семи чародѣямъ; однако чародѣи не хотятъ подѣ

---

[1]) Афан. № 118; Потанинъ, Танг.-Тиб. окраина Китая, II, 200, 250; Живая Старина, 1898 г., вып. III и IV, стр. 294.

[2]) Въ монгольской повѣсти Гэсэръ укралъ Эрдэни у небожительницы Мандзанъ-Гёрмö и убѣгаетъ съ ними; небожительница гонится за нимъ; по аналогіи тутъ надо было бы ожидать, что небожительница взмахнетъ рукой и впереди вора явится препятствіе, рѣка, но этого нѣтъ; вмѣсто того она взяла свои груди и прыснула изъ нихъ молокомъ; явился на небѣ Млечный путь. См. Потанинъ, Тангуто-тиб. окраина Китая, II, 340.

литься своимъ знаніемъ съ царевичемъ и совершаютъ свои волшебныя дѣйствія отъ него секретно, такъ что царевичъ, проживъ у нихъ семь лѣтъ, ничему не выучился; младшій царевичъ, пришедшій навѣстить брата, украдкой высмотрѣлъ въ дверную щель, что дѣлаютъ волхвы и научился волшебнымъ дѣйствіямъ (превращеніямъ въ животныхъ). Онъ уводитъ своего брата домой, потомъ посылаетъ его въ конюшню, гдѣ онъ увидитъ прекраснаго коня, и совѣтуетъ продать коня, но только не семи чародѣямъ. Отсюда начинается сходство съ русской сказкой; до этого же момента, какъ видно, сказанія не вполнѣ совпадаютъ. Во-первыхъ, учениковъ всего только двое или, вѣрнѣе, одинъ, а не двѣнадцать, учителей же вмѣсто одного семь. Такое видоизмѣненіе, можетъ быть, находится въ зависимости отъ происхожденія сказки изъ звѣзднаго эпоса. Если тутъ въ самомъ дѣлѣ фигурируютъ два созвѣздія, то можно предположить, что въ созвѣздіи, подавшемъ поводъ къ представленію о гонителѣ, въ одномъ случаѣ народное преданіе видѣло одно лицо, въ другомъ, подъ впечатлѣніемъ его многочленности, видѣло въ немъ нѣсколько персонажей [1]); представленіе его однимъ лицомъ дало русскаго гонителя Оха, представленіе семью лицами (созвѣздіе, повидимому, состояло изъ семи звѣздъ) дало монгольскихъ гонителей, семь волхвовъ. Другое созвѣздіе также представлялось такъ и этакъ; представленіе его нѣсколькими лицами дало двѣнадцать учениковъ русской сказки, представленіе однимъ лицомъ—монгольскаго ученика, царевичева товарища. Во-вторыхъ, въ связи съ отсутствіемъ группы учениковъ въ монгольской сказкѣ нѣтъ разсказа о выборѣ ученик изъ среды другихъ.

Старшій царевичъ дѣйствительно находитъ въ конюшнѣ коня; не сказано, что это обратившійся въ коня младшій царевичъ, но что это онъ, въ этомъ убѣждаетъ дальнѣйшій ходъ разсказа. Вопреки наставленію брата, старшій царевичъ продаетъ коня семи волхвамъ. Чародѣи поняли, что это бѣжавшій отъ нихъ оборотень и потому порѣшили зарѣзать его, „имѣя въ виду, что если всякій узнаетъ силу чародѣйства, то чрезъ это унизится достоинство его". Они поставили лошадь въ „темную крѣпкую

[1]) Киргизы видятъ въ Бол. Медвѣдицѣ семь воровъ; по одному же алтайскому преданію Б. Медвѣдица это богатырь Идыганъ.

конюшню" и передъ тѣмъ, какъ зарѣзать коня, они повели его на водопой; „при этомъ они шли въ такомъ порядкѣ: одни шли по сторонамъ, цѣпляясь руками за бока лошади; другіе держались за хвостъ и за ноги, а остальные стегали ее". Эта картина можетъ быть поставлена рядомъ съ той, которую даетъ русская сказка о Климкѣ ворѣ; Климка долженъ украсть коня, а коня караулятъ пять сторожей (въ варіантѣ четыре): одинъ держитъ за узду, другой за хвостъ, третій за ноги, четвертый сидитъ верхомъ, пятый „вартуе коля стані" [1]). Обѣ картины не что иное, какъ детальная разработка татарскаго повѣрья о Бол. Медвѣдицѣ, представляющаго ее въ видѣ семи караульщиковъ, стерегущихъ коня, привязаннаго къ Полярной звѣздѣ [2]), а это повѣрье, въ свою очередь, есть только преобразованное киргизское повѣрье о семи братьяхъ, скрадывающихъ коня, прикованнаго къ Полярной звѣздѣ.

Конь однако ускользаетъ изъ рукъ чародѣевъ; слѣдуетъ описаніе погони. Конь обращается въ рыбку, чародѣи въ семь чаекъ и продолжаютъ преслѣдовать бѣглеца. Преслѣдуемая рыбка обращается въ голубя; чародѣи обращаются въ семь ястребовъ и летятъ за голубемъ. Голубь залетаетъ въ пещеру горы Цохто, гдѣ отшельничаетъ Нагадзана, садится ему на колѣни и проситъ спасти отъ гонителей; говоритъ, что онъ обратится въ главный шарикъ въ четкахъ въ рукахъ отшельника и учитъ, что долженъ сдѣлать отшельникъ, когда прилетятъ семь ястребовъ; тутъ монгольская сказка близко подходитъ къ русской, такъ какъ и въ русской ершъ, обратившійся въ перстень, самъ даетъ наставленія царевнѣ, какъ поступать, когда явится его преслѣдователь. Разница только въ томъ, что въ монгольской сказкѣ вмѣсто царевны стоитъ отшельникъ Нагадзана.

Семь ястребовъ, прилетѣвъ къ пещерѣ, обратились въ семь щегольски одѣтыхъ молодцовъ и стали просить отшельника отдать имъ четки. Отшельникъ, согласно полученному отъ царевича наставленію, откусилъ главный шарикъ и оставилъ во рту, а остальную связку бросилъ передъ молодцами. Каждый шарикъ четокъ

---

1) Чубинскій, Труды этн.-стат. экспед., II, 362; см. также Вост. мотивы въ среднев. европ. эпосѣ, стр. 197 и 198.

2) См. Потанинъ, Тангуто-тиб. окраина Китая, II, статья: „Полярная Звѣзда".

обратился въ червячка, молодцы обратились въ семь пѣтуховъ, которые и начали склевывать червяковъ. Въ это время отшельникъ вынимаетъ изъ рта откушенный шарикъ; шарикъ обращается въ человѣка и этотъ человѣкъ палкой избиваетъ всѣхъ семерыхъ пѣтуховъ [1]).

Въ монгольской сказкѣ рѣзче, чѣмъ въ русской выраженъ воровской характеръ главнаго героя. Семь чародѣевъ хотѣли монополизировать за собой вѣщее знаніе и не открываютъ его живущему у нихъ семь лѣтъ старшему царевичу. Младшій царевичъ похищаетъ у нихъ вѣщее знаніе, подсматривая секретно въ дверную щель; за эту дерзость чародѣи хотятъ казнить его смертью.

Замѣчательно, что въ русской сказкѣ вмѣсто отшельника поставлена царевна; это можетъ быть принято за указаніе, что въ древнемъ преданіи полъ персонажа, стоящаго на этомъ мѣстѣ, былъ неустойчивъ, что этотъ персонажъ то принимался за мужчину, то за женщину въ родѣ того, какъ буддійское божество Арья-Бало то признается мужчиной, то женщиной [2]).

Штрихи, которыми очерчена духовная фигура отшельника, какъ будто отражаютъ характеристику, которая дается обыкновенно богу Арья-Бало, представляемому, какъ воплощеніе милосердія. Когда влетѣвшій въ пещеру голубь сѣлъ на колѣни отшельника, послѣдній замѣтилъ испугъ голубя и спросилъ его: „Что за причина, что ты такъ испугался"? Отшельникъ съ участіемъ отнесся къ гонимому; когда же явились чародѣи и потребовали четки, отшельникъ отдалъ ихъ безпрекословно, какъ будто подчиняясь заповѣди, обязательной для каждаго буддійскаго святого—отдавать безъ замедленія все, что бы у него ни просили. Когда юноша перебилъ пѣтуховъ, отшельникъ въ отчаяніи; онъ сдѣлался соучастникомъ въ убійствѣ семи живыхъ существъ [3]). Подозрѣнія, что богъ Арья-Бало представлялся въ

---

[1]) Этнограф. Сборникъ, изд. Имп. Русск. Географ. Общества, 1864 г., т. IV, стр. 7.

[2]) См. мои Восточные мотивы, стр. 15; Этн. Обозр., кн. VIII, стр. 139.

[3]) Сказка на этомъ не кончается. Юноша смущенъ тѣмъ, что онъ своимъ поступкомъ уничтожилъ всѣ заслуги долгаго отшельничества Нагадзаны, и спрашиваетъ его, чѣмъ же онъ можетъ поправить дѣло. Отшельникъ говоритъ, что для этого нужно добыть и принести „шиддикура", который сидитъ гдѣ-то

видѣ отшельника въ пещерѣ и что представленія объ отшельникѣ въ пещерѣ пріурочивались къ Полярной звѣздѣ высказаны были мною въ книгѣ „Восточные мотивы" (стр. 418) [1]). Если отшельникъ монгольской сказки первоначально выдавался за бога, то и царевна русской сказки не стоитъ ли на мѣстѣ богини? Можетъ быть, это Дара, которая то смѣшивается съ богомъ Арья-Бало, то выдается за жену тибетскаго царя Сронцзанъ-Гамбо, который почитается за воплощеніе бога Арья-Бало.

Сходная сценка съ отшельникомъ въ пещерѣ изображается въ монголобуддійской легендѣ объ отшельникѣ Меле-гуру. Жестокій охотникъ Гамбо преслѣдуетъ трехъ оленей; олени добѣгаютъ до пещеры, въ которой спасается отшельникъ Меле, и ложатся передъ входомъ въ пещеру. Когда вслѣдъ за оленями въ пещеру приходитъ и Гамбо, отшельникъ Меле, беря подъ свою защиту напуганныхъ животныхъ, уговариваетъ охотника прекратить преслѣдованіе. Монгольское народное повѣрье видитъ теперь этихъ трехъ оленей въ трехъ звѣздахъ пояса Оріона; если народъ находитъ гонимыхъ животныхъ на небѣ, то тамъ же, конечно, онъ находилъ и отшельника и, вѣроятно, подъ видомъ Полярной звѣзды [2]). Въ своей книгѣ „Восточн. мотивы" я ука-

на деревѣ. Юноша идетъ за „шиддикуромъ" (вѣроятно, благодѣтельный предметъ), добываетъ и несетъ на загривкѣ; „шиддикуръ" разсказываетъ сказку, юноша прерываетъ ее восклицаніемъ и „шиддикуръ" возвращается на дерево. Болѣе двадцати разъ юноша пробуетъ унести его, но всякій разъ не можетъ удержаться, чтобы не прервать разсказчика, и тотъ всякій разъ возвращается на дерево. Такимъ образомъ изъ разсказовъ „шиддикура" составился сборникъ болѣе, чѣмъ изъ двадцати сказокъ. Первоначально, можетъ быть, была всего одна сказка, состоявшая изъ двухъ эпизодовъ; 1-й эпизодъ: семь чародѣевъ, ихъ ученикъ и отшельникъ; 2-й—добываніе „шиддикура" по порученію отшельника, что, можетъ быть, совершалось въ опредѣленномъ эпическомъ числѣ, напримѣръ только три раза, и только уже потомъ вмѣсто трехъ появилось болѣе двадцати хожденій. Можетъ быть, сказка кончалась доставленіемъ „шиддикура" или части его. См. Восточн. мотивы, стр. 767. Въ русской сказкѣ объ Охѣ второго эпизода нѣтъ; сказка круто завершилась женитьбой на царевнѣ.

[1]) Къ сказанному тамъ надо прибавить, что въ тангутской сказкѣ Егъ-таму-нцо параллельной монголотибетской сказкѣ объ Эрдэни-Хараликѣ, лицо, отвѣчающее Эрдэни-Харалику, въ которомъ редакція сказки сама видитъ бога Арья-Бало, является въ видѣ ламы, сидящаго въ пещерѣ, т. е. въ видѣ отшельника. Танг.-тиб. окраина Китая, II, 186.

[2]) Съ именемъ Арья Бало связанъ одинъ мотивъ, напоминающій тюркомонгольскія повѣрья о Плеядахъ. О немъ передается, что его голова

залъ на двойственный характеръ бога Арья Бало; монголо-тибетское повѣрье принимаетъ за воплощеніе этого бога хитраго, вороватаго и безпардоннаго сказочнаго героя Балынъ-Сэнгэ, соотвѣтствующаго нашему хитрому Климкѣ-Злодію или Сенькѣ-Малому. Съ этимъ видоизмѣненіемъ бога совпадаетъ не отшельникъ Нагадзана, а самъ герой сказки, воровскимъ способомъ пріобрѣвшій вѣщее знаніе семи чародѣевъ [1]).

Въ литературѣ было указано на отношеніе сказки о колдунѣ и его ученикахъ также и къ повѣрью о чернокнижнической школѣ, распространенному у южныхъ славянъ, венгровъ и румынъ [2]). Въ этомъ районѣ вѣрятъ въ существованіе людей, одаренныхъ вѣщимъ знаніемъ; южные славяне такихъ людей называютъ Grabоncijaš dijak, венгры Garabonczás diak, румыны Salomonar. Эти люди имѣютъ способность посредствомъ чтенія заклинаній укрощать драконовъ; они заставляютъ ихъ показываться изъ воды озера, на днѣ котораго живутъ, накладываютъ на нихъ узду и ѣздятъ на нихъ по воздуху; драконы, по ихъ желанію, во время подобнаго полета проливаютъ надъ страной дождь или побиваютъ ее градомъ.

Появленіе этихъ вѣщихъ людей объясняется такимъ образомъ: обыкновенные студенты проходятъ двѣнадцать школъ, но нѣкоторыя исключительныя личности поступаютъ еще въ тринадцатую, въ которой обучаютъ всѣмъ существующимъ языкамъ, въ томъ числѣ звѣринымъ и птичьимъ, а также всякому колдовству и

распалась на одиннадцать частей, почему богъ и изображается на картинахъ и въ видѣ статуй съ одиннадцатью головами, насаженными пятью ярусами, по три головы въ каждомъ изъ трехъ нижнихъ ярусовъ и по одной въ двухъ верхнихъ. См. Вост. мотивы, 669.

1) Въ монгольскихъ сказкахъ о хитромъ ворѣ онъ часто противупоставляется *семи* персонажамъ, выдаваемымъ за братьевъ; воръ обманываетъ ихъ, подводитъ ихъ подъ удары и наконецъ посредствомъ обмана умудряется сдѣлать такъ, что они сами себя топятъ въ *рѣкѣ* или *морѣ*. Иногда тутъ является столбъ, къ которому привязанъ или приставленъ человѣкъ; это можетъ быть намекъ на Полярную Звѣзду въ родѣ тѣхъ намековъ на ту же звѣзду, которые можно видѣть въ „Шидикурѣ" въ столбѣ, къ которому привязанъ конь, или въ отшельникѣ, сидящемъ въ пещерѣ.

2) Этнографичный Збірникъ. У Львови. 1898, т. IV, въ примѣчаніи къ сказкѣ о Гонихмарникѣ, стр. 30. Яворскій въ Живой Старинѣ, годъ VII, вып. III и IV (1898 г. стр. 445).

расколдовыванію; вотъ кончившіе эту тринадцатую школу и становятся вѣщими людьми, способными господствовать надъ драконами. По венгерскому повѣрью, ученикъ, прошедшій двѣнадцать школъ, отправляется на извѣстную гору, гдѣ находится колесо; когда здѣсь соберется двѣнадцать такихъ же учениковъ, они становятся на колесо, и оно начинаетъ вертѣться; во время вращенія колеса одинъ изъ учениковъ исчезаетъ, какъ бы похищается кѣмъ-то въ награду за обученіе; остальные спускаются съ горы и становятся грабончасъ-дьяками. По румынскому повѣрью существуетъ гдѣ-то школа Salomantze, въ которой всего десять учениковъ и въ которой преподаетъ самъ чортъ. По окончаніи обученія, по прошествіи *семи* лѣтъ, одного ученика учитель удерживаетъ. Этотъ-то и становится „шаломонаромъ", способнымъ разъѣзжать на драконахъ. (balanzi) [1]).

Въ этихъ повѣрьяхъ есть нѣкоторыя общія черты съ русской сказкой объ Охѣ. И тутъ и тамъ число учениковъ двѣнадцать; въ руской сказкѣ одинъ изъ учениковъ удаляется изъ общества двѣнадцати, въ повѣрьяхъ одинъ изъ двѣнадцати или похищается или удерживается. Учитель въ повѣрьяхъ чортъ; и въ сказкѣ онъ колдунъ, чернокнижникъ или и прямо нечистый. Погони за ученикомъ въ повѣрьяхъ нѣтъ; вмѣсто того—вращеніе колеса. Это, можетъ быть, не случайная замѣна, а эпическій эквивалентъ; одно и то же явленіе, напримѣръ, круженіе одного созвѣздія по небу вслѣдъ за другимъ могло быть представляемо, какъ погоня одного персонажа за другимъ и какъ вращеніе колеса. Ѣзда есть и тутъ и тамъ, только въ балканскихъ повѣрьяхъ она совершается на драконѣ, въ русской сказкѣ на конѣ (иногда „вище дерева, нижче хмари"); драконъ извлеченъ со дна озера; конь въ русской сказкѣ спасается отъ погони на дно рѣки.

Гастеръ, придавая книжному вліянію больше значенія, чѣмъ, можетъ быть, оно имѣетъ, объясняетъ имя „шаломонаръ" вліяніемъ преданій о царѣ-пророкѣ Соломонѣ (знаніе птичьяго языка, ворожба), а въ имени Salamantze видитъ знаменитую въ средніе вѣка школу Саламанку [2]). Странно, однако, возникновеніе повѣ-

[1]) Г. Мошковъ нашелъ повѣрье о *балӑуру* у гагаузовъ; см. Этногр. Обозр. кн. LI, стр. 63.

[2]) Jagič, Archiv für slav. Phylologie, VII (1883), статья Gaster'a, Scholomonar, d. i. der Garabancijaš dijak nach der Volksüberlieferung der Rumänen.

рій и преданій о Саламанкѣ въ такой дали отъ Испаніи и притомъ на такомъ ограниченномъ пространствѣ (Гастеръ говоритъ, что имена шаломонары и Salamantze извѣстны только въ западной Румыніи), тогда какъ на промежуточномъ пространствѣ между Испаніей и Румыніей какихъ-нибудь слѣдовъ распространенія подобнаго преданія о Саламанкѣ Гастеръ не указываетъ. Можетъ быть, ни Саламанка, ни Соломонъ не причастны къ образованію имени шаломонаръ. Не окажется ли источникъ этихъ повѣрій и преданій въ среднеазіатскихъ преданіяхъ, связанныхъ съ тюркомонгольскимъ именемъ звѣзды Венеры—Цолмонъ?

Повѣрья, подобныя балканскимъ и тѣмъ, изъ которыхъ построилась русская сказка объ Охѣ, были распространены, повидимому, не только по-славянскому, но и по тюрко-монгольскому міру, на что указываетъ существованіе сходной сказки въ Шиддикурѣ. Небесная поѣздка на грозовомъ драконѣ извѣстна въ Монголіи. Повѣрью о чернокнижнической школѣ можно подыскать параллельныя въ сѣверно-азіатскихъ повѣрьяхъ о школѣ, въ которой обучаются шаманы; о якутскомъ повѣрьѣ о такой школѣ, состоящей изъ *девяти* ярусовъ или ступеней, которыя проходятъ ученики, было мною разсказано въ моей книгѣ „Восточн. мотивы" (стр. 582). У бурятъ также были, повидимому, подобныя повѣрья; въ одной изъ бурятскихъ сказокъ (въ собраніи г. Хангалова) Лобсоголдой учится *девять* лѣтъ въ школѣ Ханъ-Тюрмаса, и получаетъ знаніе, какъ принимать на себя образъ бога Шибэгэни, т.-е. превращаться въ него. Эти одиночныя указанія, можетъ быть, въ будущемъ будутъ умножены новыми записями. Они свидѣтельствуютъ, что на сѣверовостокѣ Азіи было представленіе о волшебной школѣ, и, можетъ быть, только скудость извѣстій о ней не позволяетъ намъ связать ее съ именемъ звѣзды Цолмонъ.

Версіи имени Цолмонъ распространены на всемъ пространствѣ отъ Якутска до Константинополя; всѣ тюрки, сибирскіе и казанскіе татары, киргизы, башкиры, крымскіе татары, оттоманскіе турки называютъ ее именами: Чолпанъ, Челпанъ, Цулпанъ и т. п. [1]);

---

[1]) Вост. мотивы, 190. Въ казанскомъ Поволжьѣ у татаръ зарница называется Чолпанъ, у черемисовъ Чолпанъ, у вотяковъ Чулпонъ (Извѣстія Общества археологіи, ист. и этногр. при Имп. Казанск. университетѣ, т. III (1880—1882), Каз., 1884, стр. 225). Въ областныхъ нарѣчіяхъ русскаго языка слово

это имя доходитъ вплоть до района, гдѣ мы находимъ повѣрья о шаломонарахъ.

Бурятское преданіе представляетъ Цолмона, т. е. звѣзду Венеру пастухомъ Эсэгэ-малана, обладателя овечьихъ стадъ. Представленіе этой звѣзды пастухомъ было распространено, повидимому, на Западъ столь же далеко, какъ и имя звѣзды Цолмонъ или Чолпанъ. И киргизы и осетины называютъ эту звѣзду „пастушьей звѣздой“ [1]).

Нѣкоторыя данныя ставятъ звѣзду Венеру въ связь съ шаманскимъ культомъ. Я сейчасъ привелъ бурятское преданіе, которое видитъ въ звѣздѣ Цолмонѣ пастуха Эсэгэ-малана; эта версія ничего болѣе не разсказываетъ объ этомъ пастухѣ; но есть другая версія, которая Цолмона выдаетъ за хозяина овецъ, а пастуху даетъ другое имя—Дебедей. Въ этой версіи пастухъ Дебедей куда-то отлучился и въ теченіе трехъ дней оставилъ стада безъ надзора (это трехдневное исчезаніе намекаетъ не на Венеру, а на луну); хозяинъ за это избилъ пастуха, вышибъ ему глазъ и сломалъ ногу; разсказываютъ, что баргузинскіе шаманы, желая вызвать въ себѣ шаманскій экстазъ и галлюцинаціи, изображаютъ изъ себя этого избитаго пастуха, щурятъ глазъ, хромаютъ на одну ногу, стонутъ и жалуются на побои. Едва ли такое дѣйствіе можетъ быть объяснено чѣмъ-либо инымъ, кромѣ сознавае-

---

чолпанъ прилагается къ предметамъ круглаго очертанія. Въ Томск. губ. *челпанъ*—масса застывшаго масла, вываленнаго изъ посуды, изъ котла или чаши, и сохраняющяя форму посуды; также—подобная масса воску; *челпаномъ*, кромѣ того, называется тѣло осетра, у котораго отрублены голова и хвостъ (Этногр. Сборн., изд. Имп. Русск. Геогр. Общества, т. VI, Спб., 1864, стр. 34). Въ селѣ Казачинскомъ Енисейск. губ. *челпаномъ* также называется масса застывшаго масла, принявшая форму чаши (сообщено г-номъ Макаренко). У уральскихъ казаковъ на Яикѣ (по сообщ. В. П. Бородина) масса застывшаго масла, вываленная изъ чаши или горшка, называется *колбанъ*. Въ словарѣ Даля *колобъ*, *колобанъ* скатанный комъ, шаръ, груда, небольшой круглый хлѣбецъ, кокурка, толстая лепешка и пр; олонецк. круглый пирогъ съ толокномъ; „сороки святые, колобаны золотые“,—въ день сорока мучениковъ пекутъ „колобы“ или жаворонки. *Колобъ*, *колобуръ*, *колобухъ*, *колобанъ*, скатанный комъ, шаръ. У Даля же (т. I, стр. 71) *челпанъ*—непочатый каравай хлѣба, пирогъ безъ начинки (Никол. у. Вологод. губ.); *колпакъ*—большая чашка (т. II, стр. 384). См. въ моихъ Восточн. мотивахъ, стр. 191—193.

[1]) Вост. мотивы, 190.

мой шаманами связи пастуха Дебедея съ шаманскимъ культомъ; вѣроятно, Дебедей былъ могущественный шаманъ, можетъ быть родоначальникъ всѣхъ шамановъ, и имитація ему дѣлала человѣка одержимымъ сверхъестественнымъ настроеніемъ. Если мы эти детали перенесемъ въ первую версію, мы получимъ такой разсказъ: у Эсэгэ-малана пастухъ Цолмонъ; онъ былъ шаманъ; онъ былъ избитъ, лишился одного глаза и охромѣлъ. Вотъ эти-то преданія о Цолмонѣ, я предполагаю, дошли до Балканскаго полуострова и сохранились въ видѣ повѣрій о шаломонарахъ, которые въ обыкновенное время, какъ объ нихъ сообщаетъ Гастеръ [1]), ходятъ бѣдно одѣтые, какъ нищіе, завязываютъ одинъ глазъ и на одну ногу хромаютъ. О томъ, что эта черта пришла на Западъ вмѣстѣ съ тюркомонгольскимъ именемъ звѣзды Венеры, показываетъ слѣдующее обстоятельство. Въ тюрко-французскомъ словарѣ Barbier de Megnard'a, Paris, 1886, для слова teholapan указано два значенія: 1) *qui marche en trainant la jambe* и 2) étoile du berger, Venus; въ тюрко-англійскомъ Iames W. Redhouse'a, Constantinople, 1890 для слова cholpan также нѣсколько значеній: 1) *that goes on the left*, 2) *Left-legged* (horse) и 3) The planet Venus when the morning star. Ту же деталь мы встрѣчаемъ и въ русской сказкѣ о двѣнадцати ученикахъ, именно въ варіантѣ изъ рязанской губ. (село Жолчино): старикъ узнаетъ своего сына, хотя онъ и въ видѣ собаки, по тому, что эта собака „волочила заднюю лѣвую ногу" [2]). Въ виду того, что версіи имени Цолмонъ распространены безъ перерыва на всемъ пространствѣ отъ Якутска до Балкановъ, и что слѣды сказанія объ охромѣвшемъ пастухѣ Цолмонѣ могутъ быть прослѣжены на Западѣ до Балкановъ, съ большей увѣренностью можно думать объ ордынскомъ народномъ происхожденіи именъ Salomonar и Salamantze, чѣмъ отъ испанской Саламанки. Что же касается до Соломона, то повѣрья и преданія, соединенныя съ этимъ именемъ въ Передней Азіи и въ восточной Европѣ, сами, вѣроятно, происходятъ отъ тѣхъ же шаманскихъ преданій о пастухѣ Цолмонѣ (или Дебедеѣ), который, какъ я догадываюсь, представлялся также и шаманомъ, т. е. человѣкомъ, знающимъ языкъ птицъ и звѣрей и умѣющимъ превращаться въ животныхъ.

---

[1]) Gaster, въ Archiw'ѣ Jagič'a, VII, стр. 287.

[2]) Худяковъ, I, № 19: „Иванъ Дорогокупленный".

Въ кавказскихъ повѣрьяхъ хромой звѣздой признавалась не Венера, а Полярная звѣзда; по крайней мѣрѣ, по-осетински Полярная звѣзда называется Темуръ-Аксакъ; представляютъ ли осетины это лицо хромымъ, мнѣ неизвѣстно, но имя это несомнѣнно взято ими у тюрковъ; темуръ или темиръ потюркски „желѣзо", аксакъ „хромой". У горцевъ сѣвернаго Кавказа записаны преданія о хромомъ Темирѣ; вѣроятно, это тотъ же персонажъ, о которомъ говоритъ осетинское преданіе въ примѣненіи къ Полярной звѣздѣ. Эти преданія, повидимому, принесены на Кавказъ тюркскими племенами и усвоены туземными горцами, а одно изъ нихъ осетинами пріурочено къ Полярной звѣздѣ, можетъ быть, по ошибкѣ. Мотивы, связанные съ именемъ хромого Темира, заставляютъ предполагать, что это имя прилагалось къ той же Венерѣ, какъ и имя Чолпанъ или Цолмонъ. Кавказское преданіе выставляетъ отца Темира такимъ же обладателемъ овечьихъ стадъ, какимъ бурятское выставляетъ Эсэгэмалака, а самого Темира такимъ же пастухомъ, какимъ Цолмонъ является въ бурятскомъ преданіи. Бурятскій хозяинъ стадъ побилъ своего пастуха и сломалъ его ногу; кавказскій овцеводъ также изломалъ Темиру ногу, хотя и по другому побужденію (Темиръ обнаружилъ въ дѣтскомъ возрастѣ такую быстроту бѣга, что хозяинъ стадъ усмотрѣлъ въ этомъ предостереженіе противъ будущаго узурпатора) [1]. Одинъ варіантъ приписываетъ сыну Темира рѣшеніе вопроса, что дороже, хлѣбъ или золото, рѣшеніе, которое западнымъ преданіемъ относится къ Соломону. Не значитъ ли это, что подобный мотивъ въ ордѣ былъ связанъ также и съ именемъ Цолмонъ и съ этого имени перешелъ на Соломона? Кавказское преданіе ставитъ Темира въ какое-то отношеніе къ кузницѣ; оно разсказываетъ о сновидѣніи, о томъ, какъ во время сна душа человѣка, спавшаго въ кузницѣ, спускалась въ пещеру и видѣла тамъ кладъ. Въ западныхъ преданіяхъ этотъ мотивъ стоитъ въ связи съ разсказомъ о хитромъ ворѣ (о ворѣ Berinus'ѣ, который похищаетъ у императора Филиппа хранившееся у него сокровище Гунтрама;

---

[1]) Въ преданіяхъ алтайцевъ подобный страхъ приписывается отцу силача Шуно; боясь непомѣрнаго развитія силы съ возрастомъ сына, отецъ-ханъ приказываетъ изломать лопатки сыну. Варіанты даютъ этому искалѣченному силачу двухъ братьевъ: Тамирсану и Амурсану.

см. у А. Н. Веселовскаго въ статьѣ: Stanisla Prato, La leggenda del tesoro di Rampsiniti въ Ж. М. Н. Пр., CCXIV, отд. 2, стр. 164). Въ „Восточныхъ мотивахъ" я отмѣтилъ нѣкоторую связь сказокъ о хитромъ ворѣ (Климкѣ) съ сказаніями о Соломонѣ [1]).

Сынъ кавказскаго Темира выросъ въ домѣ чужого князя; отецъ потерялъ его и ищетъ. Это напоминаетъ Соломона, котораго также потерялъ отецъ Давидъ и ищетъ. По одному варіанту сынъ Темира сѣлъ на коня турпальгаура, перескочилъ ворота и ускакалъ изъ чужого дома къ отцу Аксакъ-Темиру,—разсказъ, сходный съ тюркской сказкой объ Идыгэ-пи, который также выросъ не въ отцовскомъ домѣ, а въ ставкѣ хана, выскочилъ въ дымовое отверстіе и ускакалъ за рѣку Адилъ къ Сатъ-Темиру [2]). Сказку эту я сопоставлялъ съ библейскимъ разсказомъ о Саулѣ и Давидѣ (отцѣ Соломона) [3]).

Такъ какъ имя Темиръ прилагается къ Полярной звѣздѣ и тюрками (они зовутъ ее Темиръ-Казыкъ, „желѣзный колъ"), то можно допустить, что примѣненіе парнаго Темиръ-Аксакъ къ Полярной звѣздѣ совершилось не на осетинской почвѣ, а было уже усвоено этой звѣздѣ самими тюрками. И можно представить себѣ отношенія персонажей въ такомъ порядкѣ: Аксакъ Темиръ —Полярная звѣзда; это отецъ, а звѣзда Венера—это сынъ Полярной звѣзды, который въ кавказскихъ преданіяхъ является подъ именемъ сына хромого Темира; иначе сказать: сынъ Темира будетъ отвѣчать бурятскому Цолмону, а въ бурятскомъ Эсэгэмалакѣ нужно будетъ признать Полярную звѣзду.

Кавказскія преданія о хромомъ Темирѣ свидѣтельствуютъ, что ордынскія представленія о хромомъ Цолмонѣ достигли до Кавказа и были здѣсь распространены; отсюда они легко могли распространиться и до Балканскаго полуострова и дать начало румынскимъ представленіямъ о прихрамывающихъ шоломонарахъ.

Г. Потанинъ.

---

[1]) Восточн. мотивы, стр. 198 и 199.

[2]) Въ книжныхъ сказаніяхъ и лѣтописяхъ темникъ Золотой орды Едигей, поссорившись съ ханомъ Тохтамышемъ, убѣжалъ къ Аксакъ-Темиру или Тамерлану.

[3]) Восточн. мотивы, стр. 233.

Свадебные обряды Вологодской губерніи [1]).

I. Грязовецкій уѣздъ.

Всѣ свадебные обряды Грязовецкаго уѣзда можно раздѣлить на: *свáтаньё, запорýки, побывáшки, гостúнцы, свáдьбу* и *отóзмины* или *отгóзвины*.

Обыкновенно женихъ и невѣста еще до сватанья хорошо знаютъ другъ друга и нерѣдко рѣшаютъ взаимно непремѣнно обвѣнчаться. Въ такомъ случаѣ засылаютъ сватовъ, чтобы заручиться согласіемъ родителей невѣсты. На сватанье ѣдутъ двѣ свахи съ женихомъ, а иногда и съ его родителями. Свахи хвалятъ жениха и предлагаютъ родителямъ невѣсты выдать за него дочь. Послѣдніе, если не знаютъ хозяйства жениха, то ѣдутъ въ домъ жениха для осмотра. Ѣдутъ родители невѣсты и пріѣхавшіе на сватанье. Если же знаютъ состояніе жениха и женихъ имъ нравится, то заводится рѣчь о „подвыкупѣ“: „Наша невѣста меньше ста рублей не пойдетъ!“—т. е. женихъ долженъ заплатить будущему тестю 100 рублей. Начинаютъ торговаться. Чѣмъ богаче и красивѣе невѣста, тѣмъ „подвыкупъ“ или „подвыводъ“ бываетъ больше. Тутъ же рѣшаются вопросы о приданомъ, о подаркахъ невѣсты, о платѣ священнику и т. п. Если всѣ эти вопросы будутъ рѣшены, то тутъ же отдаются и подвыводныя деньги.

Невѣста, показавшись пріѣхавшимъ, въ это время сидитъ или въ сосѣдней комнатѣ, или же уходитъ къ кому-нибудь изъ сосѣдей. Теперь она призывается и ей передаютъ волю родителей. Услышавши рѣшеніе своей судьбы, невѣста начинаетъ причитать, хотя бы даже женихъ ей и нравился, или когда даже и раньше уже былъ рѣшенъ взаимно, между нею и женихомъ, вопросъ о

---

[1]) Обработаны по записи свящ. С. А. Непеина.

вѣнчаніи. Причетъ этотъ не записанъ. Обыкновенно невѣсты причитаютъ въ родѣ: „Ой, батюшка, что ты сдѣлалъ-то? А я то и не знала, не знала не вѣдала"... Передъ иконою зажигаютъ свѣчу, молятся Богу, потомъ родители благословляютъ иконою нареченныхъ, затѣмъ цѣлуютъ икону, поздравляютъ другъ-друга и цѣлуются; цѣлуется и женихъ съ невѣстой.

Если же не согласны, то отказъ дѣлается фразой: „благодарствуйте на люби!"

Невѣста послѣ благословенія считается просватанной или запорученной. Она сидитъ на лавкѣ и причитаетъ:

Благослови-ко меня, Господи,
Пресвятая Богородица,
Мнѣ садиться молодешенькѣ
Мнѣ на почётное мѣстечко,
Мнѣ подкутнё окошечко,
Прямо печи печальныё,
Прямо усья (устья) кирпичинова,
Противъ шоска (шестка) горемышнова!
Ужъ какъ Богъ судитъ родителей—
Кормилица тятеньку
И родимую маменьку!
Скоро думушку удумали:
Ужъ скажите вы, родители,
Ужъ вы что въ домѣ продали;
Что не рожь въ домѣ продали
Не пшеницу бѣлояровую,
Ужъ какъ продали родимыё
Что кормилецъ, мой тятенька,
И родимая маменька,
Ужъ вы продали, родители,
Вы свои-ли легки крылышки
И свою да праву рученьку—
Своево чада милова!
Ужъ какъ бросились родители
На чужіе слова ласковы,
На чужую золоту́ казну,
На чужое свѣтло платьецо.
Не удумали родители,
Что злата казна издержится,
Свѣтло платьецо износится,
Ваше чадо не воротится.
Берегли меня родители
Что отъ вѣтру, и отъ вихорю,
И отъ частова дождичка,
Не давали родители
Вѣтру—вихорю павіяти,
Часту дождичку обмочити,
Ты хотѣлъ,кормилецъ тятенька
И родимая маменька,
Вы хотѣли, родители,
Пасадить меня въ зеленый садъ,
Обнести золотымъ тыномъ,
Сладкимъ вишеньемъ увѣшати.
Измѣнили, родители,
Вы свое слово вѣрноё
Ужъ вы сняли съ молодешеньки
Вы съ меня волю-большину.
Ознобилъ, кормилецъ тятенька
И родимая маменька,
Ознобили, родители,
Вы мое ретиво́—сердцо
Во своемъ дому родительскомъ.

Отъ запорукъ до свадьбы проходитъ съ недѣлю. Въ это время невѣста никуда не выходитъ. Къ ней часто ѣздитъ женихъ. Когда нѣтъ жениха, приходятъ подруги на „побывашки". Невѣста готовитъ приданое и подруги ей помогаютъ. Невѣста встрѣчаетъ подругъ причетомъ:

Я прошу покорно жаловать,
Мои милыё подруженьки!
Извините, мои милыё,
Вы меня, молодешеньку,
Что не вышла, не встрѣтила,
Далеко не завидѣла
Середь улицы проѣзжіё,
Середь лисенки частыё,
Что не бра двери зá-скобу
Не отворяла двери нá-пяту,
Не брала васъ за бѣлы́ руки,
Не сажала я васъ, милыё,
Подъ переднее окошечко,
За столы за дубовыё,
За скатерти за браныё,
Что не сѣла съ вами, милыё,
Гладкихъ басенъ не разложила;
Про былое я не вспомнила—
Про веселое гуляньецо,
Да про цвѣтное платьецо,
Вы послушайтё, подруженьки,
Я объ чемъ васъ просить буду
Со слезами со горючими,
Подступитесь, мои милыё,
Вы любезныё подруженьки
Ужъ вы по полу по гладкому,
Ко занáвѣсу ко темному
Что ко мѣсту ко упальному
Человѣку печальному.
Я въ слезахъ своихъ купалася
Горючими обливалася!
Приходила дйвья крáсота
Что ко мнѣ молодéшенькѣ,
Буйну голову погладила,
Русы волосы расправила,
Прочь пошла и не простилася,
Видно больно разсердилася:
Она мостикомъ протопала,
Она лисенкой простонала,
Что звала къ себѣ помощницу
Что кукушку—подголосницу.
Подступитеся, подруженьки,
Ко мнѣ горюшка убавити
Горючихъ слезъ—поисплакати.

Подруги отвѣчаютъ невѣстѣ также причетомъ.

Наша милая подруженька,
Подступиться мы подступимся,
Но намъ горя не убавити,
Горючихъ слезъ не исплакати!
Ужъ мы шли, наша милая,
Ужъ мы улицей широкою;
Что попала намъ встрѣча первая
Что твоя-то да дйвья крáсота;
Она близко находиласё,
Она намъ не поклонилася.
Что пошла да дйвья крáсота
Во поля да во чистыя,
Во луга во зеленыё,
Во лѣса во дремучія—
Искать себѣ мѣстечка
Что сухава да дрявичка.
Ужъ мы видѣли, подруженька,
Ужъ мы видѣли, милая,
Что садилась дйвья крáсота
На сухое на дрявичко.
Ужъ не быть тебѣ, сухо дрявичко,
Ужъ не быть тебѣ двá-разъ зéлену—
Не бывать тебѣ, наша милая,
Не бывать уже въ дйвьей крáсотѣ.

Послѣдній день передъ свадьбой носитъ названіе „гостинцевъ", такъ какъ въ этотъ день женихъ пріѣзжаетъ со своими родными въ домъ невѣсты и привозитъ подарки: вино, пиво, пироги, сласти. Подарки прежде возили въ особомъ сундукѣ—тутъ были и полусапожки и гребень, и помада и т. п. Невѣста садилась въ переднемъ углу, а женихъ и одинъ изъ его родственниковъ останавливались у дверей. Родственникъ жениха кладетъ подарокъ

какой-нибудь на блюдо и подноситъ невѣстѣ со словами: „Парасковья Гавриловна (имя невѣсты), Михаилъ Ивановичъ (имя жениха) дарами кланяется, извольте побезпокоится!“ При этихъ словахъ невѣста встаетъ и причитаетъ:

Не могу я встать, поднятися
Со брущатыё лавочки,
Ужъ я встать-то на тесовый полъ.

Она принимаетъ подарокъ и женихъ цѣлуетъ невѣсту. Она вновь причитаетъ:

Что не честь да красной дѣвицѣ
Цѣловать добра молодца
Во дому во родительскомъ,
При своихъ да при родителяхъ.

И такъ дѣлалось при каждомъ подношеніи подарка. Теперь же подарки отдаются невѣстѣ сразу, и она причитаетъ:

Не гостинцы ко мнѣ несутъ,
Что несутъ къ молодешенькѣ
Сухоту мнѣ великую.
Не житьё мнѣ было—тѣшенье,
Не работа—гуляньецо:
Я жила, молодешенька,
У своихъ у родителей;
Я не знала, молодешенька,
Гдѣ сходъ красна-солнышка,
Гдѣ оно закаталося.
Ужъ я какъ не подумаю,
Все прошло миновалося,
За одинъ часъ показалося.
Я спрошу, молодешенька,
Я своихъ-то родителей:
Ты скажи-ка, милый тятенька,
Ты, родная маменька,
Что когда та пора прошла,
Когда я молода была,
Когда я красовалася
Во своемъ дому родительскомъ,
Во своей волѣ—бо́льшинѣ,
Въ своей дивьей кра́сотѣ.
Ужъ я какъ не подумаю,
Что мнѣ воля была вольная,
Отъ родимаго батюшки—
Повольнѣй воды вешнія;
Ужъ мнѣ нѣга-то нѣжная
Отъ родимыя матушки—
Что теплѣе лѣта теплаго.
Ужъ вы хватитесь, родители,
Вы не въ пору да не во время:
Что придетъ лѣто теплое
Со работою напольною,
Съ Воскресеньемъ со Христовымъ,
Со гуляньемъ со веселымъ—
Что пойдутъ мои подруженьки
На веселое гуляньецо,
Посмотрите-ко, родители,
Впереди меня нѣтутка,
И взади-то не осталася,
Среди васъ не замѣшалася;
Пойдете вы, родители,
На работушку-то напольную—
Ужъ васъ некому впереди итти.
Ужъ вамъ некому росы обить.

Въ это время угощаютъ жениха и его родныхъ виномъ, пивомъ и пирогами. Когда гости уѣдутъ, невѣста причитаетъ:

Вы, желанные родители,
Я объ чемъ васъ просить буду:
Попрошу я, родимые,
Я не въ полѣ долинушки,
Не въ дому половинушки
И не цвѣтнова платьица.
Вы позвольте, родимыё,
Благословеніе родительно
Да сложить цвѣтно платьецо
На чужую дальню сторону.
Благословите меня, родимыё,
Отъ радосья (радостья) великаго,
Отъ желанья ретива серца (сердца)
Вы изъ устъ благословеньецо
Изъ рукъ да Богородицу.

Послѣ этого невѣста кланяется въ ноги родителямъ и начинаетъ укладывать. Часто въ углы сундука кладутъ мать, отецъ, крестная мать и нѣкоторые родные по серебряной монеткѣ — чтобъ богаче жилось на чужой сторонѣ.

Въ свадебный день, какъ невѣста встаетъ съ постели, такъ и причитаетъ:

Благослови-ко меня, Господи,
Пресвятая Богородица!
Вы послушайте, родимыя,
Мнѣ севодишную ноченьку
Ничего не поспалося,
Но во снѣ мнѣ повидѣлось,
Нехорошій сонъ привидѣлся,
Нехорошъ да и не радостенъ:
Прямо-бъ нашего окошечка
Разливалось море синее,
Тутъ лежитъ синь-горючь камень,
Что стоитъ-бы часть ракитовъ кустъ
Ужъ я какъ, молодешенька,
Ужъ я какъ не подумаю,
Что къ чему мнѣ сонъ привидѣлся.
Не во снѣ мнѣ привидѣлось,
Вѣрно въ-яво показалося.
Ужъ какъ это-то сине море,
Что мои горючи слезыньки,
Ужъ какъ этотъ синь-горючь камень,
Что мое ретиво сердцо,
Ужъ какъ часть ракитовъ кустъ,
Мое горюшко великое.
На кусточкѣ-то сидитъ пташечка,
Ужъ какъ вольная-то пташечка—
Ужъ какъ я, молодешенька.
Приходила дивья красота
Что ко мнѣ молодешенькѣ,
Буйну голову погладила,
Русу косыньку разгладила.
Видно, больно разсердилася,
Что пошла, со мной не простилася.
Она мостикомъ протопала,
Она лисенкой простонала.
Пошла моя дивья красота
Во луга во зеленые,
Во лѣса во дремучіе
Что искать себѣ мѣстечка.
Что садилась дивья красота
На сухое на дерево
И звала къ себѣ помошницу,
Что большую подголосницу,
Подголосницу кукушечку,
Горе-горькую кукушечку.

Затѣмъ невѣста одѣвается въ простое платье и прощается съ родными. Она кланяется въ ноги и цѣлуетъ, при этомъ ей на тарелку кладутъ мѣдныя монеты. Затѣмъ отецъ благословляетъ ее иконою, а мать караваемъ хлѣба. Она садится за накрытый скатертью столъ, ее накрываютъ платкомъ и она вновь причитаетъ:

Попрошу я, молодешенька,
Я своихъ-то да родителей:
Ты послушай-ко, родимый мой,
Что кормилецъ-то мой, тятенька,
И родимая моя маменька,
Обнесите, мои милые,
Въ своемъ да благодатномъ дому
Вы канавушку глубокую
Да и рѣченьку быструю.
Ужъ ты поставь, кормилецъ тятенька,
Къ воротамъ-то да два сторожа,
У калиточки притворничка,
Вы скажите-ко чужимъ людямъ
Перевозу здися нѣтутка,
Легки лодочки уѣхали.
Вы послушайте, родимые:
Засвѣтите, мои милые,
Вы свѣчу да воску ярова
Ужъ вы воску-то московскаго
И сканья ярославскаго;
Помолитесь-ко, родимые,
Вы Царю-то да Небесному,
Пресвятой да Богородицѣ,
Чтобы создалъ-то намъ Господи
Намъ бы тучу-то бы грозную,
И погодушку ненастную
Ужъ какъ грянулъ-бы сильный громъ,
Чтобъ ударилъ-бы да частый дождь,
Чтобъ нельзя бы добру молодцу
Не придти бы, не пріѣхати.
Я осталась-бы, молодешенька,
У своихъ я у родителей,
Во своей-то волѣ большинѣ
Во своей-то дивьей красотѣ.
Ужъ я какъ да не подумаю,
Ужъ не долго мнѣ осталося
Да мнѣ красоватися,
Что придетъ ко молодешенькѣ,
Что придетъ да добрый молодецъ,
Добрый молодецъ— разлучничекъ,
Я не знаю, молодешенька,
Ужъ мнѣ какъ будетъ раставатися
Со своими со родителями:
Со кормилицемъ со тятенькой,
Со родимой со матушкой,
Со своей-то волей большиной
Со своей-то дивьей красотой.
Устою ли, молодешенька,
Устою ли въ умѣ—разумѣ
На своихъ на скорыхъ ногахъ.

Затѣмъ невѣста и всѣ домашніе одѣваются въ лучшія праздничныя одежды и ждутъ жениха.

По пріѣздѣ женихова поѣзда въ избу входитъ одинъ *дружка* (шаферъ). Онъ помолится Богу и затѣмъ говоритъ: „Скокъ черезъ порогъ, насилу ноги переволокъ. Въ землю ударить, челобитье отправить, про ваше здоровье узнать, про свое разсказать. Свашеньки—матушки! пекли-ли пироги, варили-ли щи, ждали-ли насъ гостей? Мы пріѣхали въ дождь. Ну! пожалуйте мнѣ знать—почему бы мнѣ поѣздъ въ гости ночевать пущать. Пожалуйте мнѣ стаканъ водки—почту вмѣсто свое тётки, пожалуйте мнѣ стаканъ пива – я скажу вамъ большія два дива. Пожалуйте мнѣ стаканъ квасу—почту вмѣсто бархату—атласу!“ Дружкѣ навязываютъ полотенце съ праваго плеча подъ лѣвую руку (полотенце поступаетъ въ его пользу) и подносятъ ему стаканъ вина. Онъ выпиваетъ водку и идетъ за поѣздомъ. Пріѣхавъ, останавливаются у дверей. Невѣста въ это время сидитъ за столомъ и съ ней рядомъ братъ или какой ни-

будь ея родственникъ. Онъ загадываетъ загадки, заранѣе придуманныя и записанныя на бумажку. Эти загадки долженъ отгадать тысяцкій. Если онъ плохо отгадываетъ, то загадывающій загадки шутитъ и смѣется надъ нимъ. Для ускоренія дѣла отъ загадокъ нерѣдко откупаются деньгами. Вотъ одна изъ такихъ загадокъ: „Что въ лѣсѣ породилось, въ здѣшнемъ домѣ не росло" (женихъ).

При откупѣ тысяцкаго отъ загадокъ, загадывающій загадки нѣсколько разъ отпихиваетъ отъ себя плату, какъ слишкомъ малую. Тысяцкій прибавляетъ по нѣскольку копѣекъ. Вотъ нѣсколько фразъ, при которыхъ братъ или родственникъ невѣсты не беретъ откупа отъ загадокъ: „у моей сестрицы золотая косица!" „моя сестра не идетъ безъ серебра!" „Пожалуйте мнѣ пятерку, иначе посажу жениха въ пестерку, поѣзжанъ въ плетень, просидятъ весь день!"

Наконецъ судьба невѣсты окончательно рѣшается: братъ беретъ со стола стаканъ съ пивомъ и хочетъ выпить. Невѣста заплачетъ: „братецъ, не пропивай!" Онъ беретъ стаканъ; невѣста выталкиваетъ стаканъ. Но онъ успѣваетъ выпить. Въ это же время тысяцкій беретъ съ печки пустую кринку и бросаетъ ее на полъ, чтобы разбить. Этимъ выражается желаніе отшибить сердце невѣсты, чтобъ она не тосковала по родительскомъ домѣ. Братъ беретъ икону, подходитъ женихъ, цѣлуетъ икону въ рукахъ брата невѣсты и садится съ ней рядомъ, стараясь взять ее за руку и приступить ей ногу. Садятся за столъ и пріѣхавшіе съ женихомъ. Невѣста причитаетъ:

Ты садися, доброй молодецъ
Не со спѣсью, не со гордостью,
Ты со Божьей со милостью.
Не вставай крѣпко на ногу,
Не жми руку правую.
Ужъ какъ въ эту пору-времечко
Башмакъ крови наливается,
Злата перстень распаяется,
У меня сердцо испугается.

Подаются пироги и т. п. угощенія. Передъ невѣстою ставится дѣвицами „дивья красота". Это на тарелкѣ стоитъ бутылка, а въ ея горлышко укрѣплена небольшая елочка, вся украшенная лентами и искусственными цвѣтами (ленты даритъ женихъ по аршину на дѣвицу). Дѣвицы поютъ:

Что у (имя и отчество жениха)
Не широкъ у него дворъ
Восемь сажень съ половиною.
Посреди двора

Баня стоитъ:
На-прочь углы отвалилися,
По бревешку раскатилися.
Поѣзжане нехорошіе,
У васъ лошади грошовые,
Сбруя-то мочальная,
У васъ сани-то ошевни
Уголья на нихъ вожены.
На дворѣ вы заблудилися,
Вереѣ Богу молилися
По поллсмтю кусаете,
По воробушку глотаете,
По неварежкѣ щи хлебаете.
Ужъ вамъ щами-бъ обваритися
Кускомъ хлѣба подавитися.

Пѣсня поется до тѣхъ поръ, пока поѣзжане не откупятся. Они должны на тарелку положить денегъ (женихъ обыкновенно кладетъ одинъ рубль). Если денегъ положатъ мало, то дѣвицы просятъ тысяцкаго:

Ужъ ты, тысяцкій хорошенькой,
Подари насъ не рублемъ,
Подари не полтиною,
Ужъ ты всей золотой казной.

Эти деньги идутъ въ пользу дѣвицъ. Послѣднимъ угощеніемъ подается *пирогъ скрытень*, послѣ котораго выходятъ изъ-за стола.

Родители невѣсты благословляютъ жениха и невѣсту иконой и короваемъ хлѣба. Выходятъ на повить, усаживаются въ сани, и поѣздъ трогается. Невѣста дорогою обыкновенно лежитъ на колѣняхъ свахъ. Иногда женихъ дорогою останавливаетъ поѣздъ и смотритъ: „тутъ ли невѣста, не снопъ ли положенъ". Невѣста въ церковной сторожкѣ одѣвается въ свадебные уборы.

Послѣ вѣнчанія новобрачные ѣдутъ въ одниxъ саняхъ. Когда они пріѣдутъ, то передъ ними идетъ дружка, разметаетъ вѣникомъ дорогу. Въ новобрачныхъ кидаютъ хмель, овесъ. Дружкѣ дарятъ полотенце, какъ говорятъ: „завязать вѣникъ".

Молодыхъ благославляютъ иконою родители жениха. Садятся за столъ въ шубахъ. Немного позакусивъ, выходятъ изъ-за стола раздѣтые. Новобрачные уходятъ въ отдѣльную комнату, чтобъ снять шубы. Приходятъ въ избу, усаживаются за столъ и столуютъ. Этотъ столъ иногда называютъ „краснымъ столомъ", но чаще „княжимъ столомъ!"

На другой день молодые и близкіе его родные ѣдутъ къ тещѣ.

II. Вельскій уѣздъ [1]).

Женихъ, съ согласія родителей, посылаетъ кого-либо изъ своихъ родныхъ сватомъ въ домъ невѣсты. Сватъ одѣвается въ лучшую одежду и, придя въ домъ родителей невѣсты, садится на лавку такъ, чтобы смотрѣть вдоль половицъ.

— Я къ вамъ пришелъ по дѣлу: у васъ есть невѣста, у меня женихъ; будемъ заводить родню.

— Это дѣло хорошее!

Настаютъ разспросы; на столѣ появляется бутылка съ водкой, самоваръ,—и свата угощаютъ.

Дня черезъ два или три родители невѣсты и ближайшіе родные ея ѣдутъ смотрѣть житьё жениха. Осматриваютъ хлѣбъ въ амбарѣ, скотину на дворѣ и по этимъ даннымъ составляютъ понятіе о богатствѣ жениха. Если понравится, то уславливаются о днѣ рукобитья.

Рукобитье бываетъ въ домѣ невѣсты. На рукобитье пріѣзжаетъ женихъ, его родители и ближайшіе его родные. Женихъ привозитъ съ собой водки. Здѣсь окончательно уславливаются о приданомъ, затѣмъ невѣсту выводятъ изъ кути. Женихъ угощаетъ водкой невѣсту и затѣмъ ея родныхъ, послѣ этого невѣста угощаетъ водкой жениха и его родныхъ. Послѣ этого помолятся Богу, отецъ жениха подаетъ руку отцу невѣсты въ знакъ согласія породниться, и затѣмъ жениха и невѣсту ставятъ рядомъ; родители какъ жениха, такъ и невѣсты благословляютъ ихъ иконой и караваемъ хлѣба. Невѣста уходитъ въ куть, гдѣ и причитаетъ. Родители же ея угощаютъ жениха и его родныхъ чаемъ, пирогами и водкой.

Невѣста въ кути сидитъ на лавкѣ противъ печного шестка и причитаетъ. Ей въ помощь приглашается причитальщица.

Наканунѣ свадьбы въ домъ къ жениху приходятъ сосѣди и сосѣдки; ихъ угощаютъ водкой, и они, выпивъ водки, сейчасъ же уходятъ по домамъ. Остаются только его родные; ихъ усаживаютъ за столъ и угощаютъ пирогами, а затѣмъ они ѣдутъ къ невѣстѣ. Около дома невѣсты его встрѣчаютъ дѣвицы, подруги невѣсты, пѣснею:

[1]) При описаніи обрядовъ Вельскаго уѣзда использованы сообщенія М. С. Кубениной, А. Корнѣевой и А. А. Баракшина.

Наѣхалъ воръ-злодѣй,
Что женихъ на коняхъ вороныхъ.
У него кони вороные,
На ихъ сбруя горитъ;
На извощичкахъ молоденькихъ,
На ихъ платье шумитъ.

Ворота бываютъ заперты. Сватъ выходитъ изъ саней и стучитъ подъ окошкомъ и говоритъ: „Господи Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй насъ! Хозяинъ, ждалъ-ли гостей?"

— Милости просимъ!—и пропускаетъ пріѣхавшихъ. Ихъ усаживаютъ въ передній уголъ и угощаютъ. Невѣста въ кути причитаетъ:

Благослови меня, Господи,
На сегоднешній Господень день
Попричитать да поплакати,
Вспомнить младешенькѣ
Про свое живиньице:
Какъ я жила во дѣвушкахъ,
Жила да красовалася
У родимаго батюшка,
Да у рбдныя матушки.
Видно, отошло живиньеце
Да дивье красовиньице,
Видно, отжила въ добромъ житьѣ,
Во раю открасовалася.
Что теперь да вопынече
Пролетѣлъ мой-то дивій викъ
Что младымъ яснымъ соколомъ.
Что не знаю, да не вѣдаю,
Во котору сторонушку
Улетѣлъ мой-отъ дивій вѣкъ:
Коли во лѣтню сторону,—
Тамъ хорошо да красиво,
Тамъ грѣетъ ясное солнышко;
Коль за грѣхи да великія
Въ сѣверную сторону,—
Тамъ дуютъ вѣтры буйные,
Знобятъ морозы лютые.
Можно знать да вѣдати,
На чужой на сторонушкѣ
Не у родного бáтюшки,
Не у рбдныя мáтушки...
Честью не разбудятъ:
Ты вставай, сонливая,
Да ты поди, дремливая...
Я погляжу да посмотрю
Въ сутки, во большой уголъ,
По-за столу да дубовому
Обсидѣлся мужской сынъ,
Да заглядѣлся мужской сынъ,
Что на шитыя браны скатерти
Да на наши хлѣбы бѣлые,
И на яства на сахарныя.
Мнѣ теперь да вонынече,
Что пора да и времечко,
Что по поздну да вечеромъ
Заводить дивичничекъ,
Да топить парну банюшку.
Я поклонюсь молодешенька
Да жалостливой сестрицѣ:
Истопи, моя голубушка,
Нову парну банюшку,
Наноси, моя голубушка,
Воды да холодныя,
Воды да ключевыя
Изъ трехъ да колодчиковъ.

Затѣмъ невѣста обращается къ подругамъ:

Что теперь да вонынече
Совсѣмъ я срядилася,
Совсѣмъ нарядилася.
Стану я кланятися
Всѣмъ моимъ голубушкамъ,
Да милымъ подруженькамъ:
Вы пойдемте, голубушки,
Да милыя подруженьки,
Со мной во товарищи
Что гулять, красоватися

На улочку студеную,
Во дальню путь-дороженьку.
Спойте, мои голубушки,
Да вы пѣсенку веселую,
Вы не пойте, голубушки,
Да тоскливой припѣвочки.

На улицу выходитъ невѣста и ея подруги. Онѣ проходятъ вдоль всей деревни, затѣмъ возвращаются въ избу. Здѣсь женихъ даритъ ей пряниковъ и затѣмъ кусокъ мыла, румяна и бѣлила; она же ему даритъ кисетъ и полотенце. Вскорѣ женихъ и его родные уѣзжаютъ.

Невѣста прощается со своей родней и подругами; она одариваетъ родню полотенцами, обрывками холста, а подругъ лентами; ей даютъ деньги, кто сколько можетъ (отъ 3-хъ до 20-ти копѣекъ).

Затѣмъ невѣста причитаетъ, обращаясь къ подругамъ:

Пойдемте, голубушки,
Да на широку улицу,
Да на красно крылечико,
Присылать да приказывать
Всей породѣ-племеню,
Чтобы шли да ѣхали
Къ батюшкѣ да ко матушкѣ
На веселый пиръ радошенъ.

Она обходитъ избы родственниковъ-односельчанъ и приглашаетъ прійти завтра на свадьбу.

Послѣ этого она моется въ банѣ.

Въ день свадьбы къ жениху собираются его родные; онъ угощаетъ ихъ водкой, и они, выпивъ водку, даютъ ему денегъ каждый (отъ 3 до 15 коп). Затѣмъ женихъ кланяется въ ноги отцу и матери, прося ихъ благословить его; отецъ благословляетъ его иконой, а мать караваемъ хлѣба. Послѣ этого они выходятъ на улицу, садятся въ сани и ѣдутъ къ невѣстѣ.

Свадебный день въ домѣ невѣсты интереснѣе. Невѣста причитаетъ:

Благослови-тко, Господи,
Въ добрый часъ, да во святой,
Матерь Божія Богородица,
Попричитать да поплакати
На сегоднешній денекъ
Чужому роду племени.
Спала высыпалася
На мягкой постеленкѣ,
Подъ теплымъ одіялышкомъ,
Что ждала—дожидалася
Трехъ раннихъ побуженьицъ:
Перваго побуженьица—
Святыхъ раннихъ пѣтуховъ,
А другого побуженьица—
Звону колокольнаго,
Третьяго побуженьица
Своей тоски—родныя матушки.
Приходила моя кормилица,
Правой рукой побудила,
Лѣвой пріокутала.
«Спи да высыпайся,
Дитятко, отъ роду не въ первые

На вѣку во послѣдніе—
Душой красной дѣвицей,
Любымъ хорошимъ названьицемъ!»
Я не могла улежати
На мягкой постеленькѣ:
Я встала, молодешенька,
Съ мягкія постеленьки,
Я пошла, младешенька,
Ко тазу лужоному,
Въ тазу воды не случилося.
Я умылась, пашная (т. е. несчастная)
Своими горечми слезми,
Пошла ко спицѣ точеной:
Нѣтъ на спицѣ точеной
Шитыя шириночки;
Я утрусь, младешенька,
Своей тоской да кручиною.
Я сяду, младешенька,
Въ сутки подъ окошечко,
На брусовую лавочку,
Стану сны разсказывать
Своимъ честнымъ родителямъ:
Что во ночьку темную
Много во снахъ видѣла:
Будто подъ меня, младешеньку,
Подошла да подтекла рѣка
Рѣка [1] . . . . . славная,
Унесла и утащила
Мягкую постеленьку,
Крупное зголовьицо
И тепло одіялышко.
Я отъ сна пробудилася:
Не унесло, не утащило
Моей мягкія постеленьки,
Только унесло да утащило
Съ моей буйной головы
Честную дивью красоту.
Моя дивья красота
Стоитъ на бережкѣ разсыпчатомъ,
Стоитъ унываючи,
Слезами уливается...
Я не знаю, пашная,
Кого послать да нарядить
По честную дивью красоту.
Можно знать да вѣдати
Въ горѣ догадатися;
Нѣтъ при послѣднемъ времечкѣ,
Во роду желаннаго,
Въ природѣ жалостливаго...
Видно, быть, не миновать
Чужой дальней стороны,
И мнѣ чужа чуженина,
Чужого роду-племени.
Ты, моя голубушка,
Милая подруженька,
Я не хотѣла, пашная,
Съ тобой вѣкъ растатися;
Мнѣ приходитъ раставаньицо,
И ты, моя голубушка,
Доживешь, моя родимая,
До Господнихъ праздничковъ,
И ты пойдешь, голубушка,
На Господни на праздники,
Меня вспомяни младешеньку—
Мнѣ на чужой да на сторонѣ
Полегоньку икнется,
Да тяжеленько вздохнется,
И мнѣ падетъ на умъ
Сторона моя родимая—
Что красота да великая.

Когда къ дому невѣсты подъѣзжаетъ женихъ со своимъ поѣздомъ, невѣста причитаетъ:

Припахнулъ буенъ вѣтеръ
Съ { поверховну / понизовну } [2] сторону
Разшибилъ буенъ вѣтеръ
Что меня да младешеньку
По рукамъ и по ногамъ,
Все по ретиву сердцу.

---

[1] Поется названіе той рѣки, которая течетъ вблизи жениховой деревни.

[2] Поется которое нибудь одно, или „поверховну“ или „понизовну“, смотря по тому: деревня женихова—въ верховьѣ или въ низовьѣ.

Сначала приходитъ въ избу сватъ. Онъ говоритъ: „Сватъ да сватья! На улицѣ свадьба; не вѣрите мнѣ, посмотрите въ оконце,—тамъ сами увидите. Коней нашихъ выпрягайте, только дугъ не ломайте, оглобли поднимайте и конямъ сѣна надавайте; нѣтъ сѣна—дайте овсеца, нѣтъ овса—несите осиновыхъ дровъ, кони наши погложутъ, пожеваютъ, да на сорокъ верстъ убѣгаютъ. Сватъ да сватья! Есть ли у васъ палатки—раскинуть наши халатки; есть ли спички—повѣсить рукавички. Князь молодой пріѣхалъ—извольте встрѣчать!"

Отецъ невѣсты беретъ бутылку водки, а мать невѣсты яндову пива, выходятъ въ сѣни и потчуютъ пріѣхавшихъ и водкой и пивомъ. Затѣмъ приходятъ въ избу. Въ избѣ ужъ къ этому времени набивается много зрителей. При входѣ въ избу дружка наговариваетъ: „Господи Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй насъ! Ѣхали мы бояре зелеными лугами, темными лѣсами; на дорогѣ видѣли огромный дубъ, изъ-подъ того огромнаго дуба выпалъ куній слѣдъ; поѣхали мы бояре по куньему слѣду, по пенькамъ да по колодникамъ,—все пеньё приломали, колодникъ припинали и сдѣлалась большая дорога—что московскій трактъ. Приходятъ два старика сѣдыхъ, два бѣлобородатыхъ; мы спрошали ихъ: эта ли дорога къ княгинѣ молодой?"

Кто либо изъ хозяевъ отвѣчаетъ: „та!"

„Поѣхали мы по куньему слѣду, и пріѣхали къ деревнѣ, деревня—какъ городъ, домъ — что теремъ. Здѣсь ли наша княгиня живетъ"?

— Здѣсь!

— „Сватъ да сватья! нѣтъ ли у васъ старыхъ стариковъ—колдуновъ, пѣтуховъ клеуновъ? Стариковъ на печку, малыхъ ребятъ на полати. Ребята, не шалите, полатей не трясите, соломинки не уроните, мнѣ пріѣзжему дружкѣ головы не проломите. Вы, тетки-лебедки, у васъ платья красны—дайте дорожку, чтобъ не ступить вамъ на ножку, да вашего цвѣтнаго платья не замарать!" И онъ подаетъ невѣстѣ жениховы подарки.

Пріѣзжихъ усаживаютъ за столъ и ихъ угощаютъ. Невѣста сидитъ въ кути, куда вызываетъ по очереди своихъ родныхъ. Вотъ этотъ причетъ:

Я погляжу да посмотрю
По за столу дубовому
Сидитъ гость возлюбленный (имя и отчество).

Ко мнѣ пожалуй, батюшко,
Во хорошій зеленый садъ.
Зову я не для дарьеца,
Что зову да дозываюся
Для очнаго свиданьица.

Вызванный приходитъ къ ней въ куть, она кланяется ему въ ноги, затѣмъ прощается. Ей даютъ денегъ.

После причетовъ, дѣвицами поются припѣвки въ честь поѣзжанъ, для каждаго поѣзжанина отдѣльная припѣвка.

Припѣвка жениху:

Во свѣтлой было свѣтлицѣ,
Во столовой новой горницѣ
Столовали князья-бояра,
Всё купцы ярославскіе,
Да воеводы московскіе.
Расшутились, распотѣшились:
Они вздумали, да удумали
Вспоженить добра молодца
(Имя и отчество жениха)
Со душой со красной дѣвицей
(Имя и отчество невѣсты).
Она отъ него во быструю рѣку,
Во быструю рѣку рыбицей;
Онъ за ней пошелъ,
Съ неводами шелковыми,
Съ молодцами удалыми;
Идучи, самъ похваляется:
Ужъ я изловлю, изловлю
Изъ большой рѣки рыбицу,
Ужъ я доступлю, доступлю
Изъ высока—нова терема
Душу красну дѣвицу
(Имя и отчество невѣсты).
А за эту за припѣвочку
По братинѣ пива пьяного,
По стакану зелену вина
Да по рюмкѣ сладкой водочки,
На закуску сладкихъ пряниковъ.

Припѣвка женатымъ:

У чарочки у серебряныя
Золотой былъ вѣночекъ,
У свата (имя и отчество)
Дорогой у его разумъ;
Уже гдѣ душа не ходитъ,
Гдѣ не тѣшится,
Въ полночь домой приходитъ.
„Свѣтъ (имя и отчество его жены)
Разуй да раздѣнь меня"!
Рада бы разуть,
Да забыла какъ зовутъ,
Не досугъ мнѣ разувать
Ужъ я сына качаю,
Ясна сокола качаю,
Я невѣстку себѣ чаю.

Припѣвка холостымъ:

По сѣнямъ то, по сѣничкамъ,
По новымъ сѣнямъ косящатымъ,
Тутъ ходила, гуляла
Молодая боярыня душа красна дѣвица.
Она ходучи будила
Удалого добра молодца:
Ужъ ты встань вставай, молодецъ,
Пробудись, душа отецкой сынъ,
Оторвался твой добрый конь
Отъ столба, столба дубоваго,
Отъ колечушка луженаго,
Убѣжалъ твой добрый конь
Онъ далече во чистое поле,
Заскочилъ твой добрый конь
Ко дѣвицѣ во зеленой садъ,
Садъ повымялъ, повытопталъ
Мураву траву повыщипалъ!
—„Не тужи, красна дѣвица-душа,

Токо (sic) судитъ Богъ,
Въ одно мѣсто сведеть,
Наживемъ съ тобой зеленой садъ,
Садъ со калиной, со малиною,
Съ черной ягодою смородиною,
Съ душой красной дѣвицей.

За припѣвки дѣвицамъ даютъ пряниковъ.

Въ это время приходитъ въ избу невѣста уже одѣтая къ вѣнцу; она садится за столъ рядомъ съ женихомъ. Дѣвицы поютъ опять припѣвку:

Во свѣтлой было свѣтлицѣ...

Послѣ этой припѣвки всѣ выходятъ изъ-за стола. Невѣста кланяется въ ноги своимъ родителямъ, и они ее благословляютъ: отецъ—иконой, а мать—хлѣбомъ. Всѣ выходятъ на улицу, усаживаются въ сани и ѣдутъ въ церковь. По выходѣ изъ церкви, въ сани садится первымъ молодой; молодая стоитъ у саней и, кланяясь, проситъ взять и ее вмѣстѣ. Онъ протягиваетъ ей руку, и она садится въ сани. Онъ обнимаетъ ее и такъ ѣдутъ до его дома. Отецъ и мать молодого встрѣчаютъ новобрачныхъ въ сѣняхъ и, чтобъ они богаче жили, кидаютъ въ нихъ ячмень или овесъ. Придя въ домъ, молодые молятся Богу, и затѣмъ молодая здоровается со свекромъ и свекровью (кланяется имъ въ ноги и потомъ цѣлуетъ). Затѣмъ усаживаются за столъ и столуютъ. Когда выйдутъ изъ-за стола, молодая благодаритъ за столованіе свекра и свекровь. Свекровь ей подаетъ рѣшето, и она идетъ къ столу, собираетъ со стола всѣ куски хлѣба и пироговъ и отдаетъ свекрови. Молодыхъ уводятъ спать въ подклѣть. На другой день молодые и ближніе родные жениха ѣдутъ въ домъ родителей молодой на „хлибяны". Молодыхъ и пріѣхавшихъ съ ними угощаютъ: водкой, пивомъ, разными кушаньями и, наконецъ, блинами. Ихъ приноситъ на тарелкѣ теща. Молодой на блины кладетъ денегъ и блины относитъ къ тещѣ, которая блины относитъ въ куть, къ деньгамъ молодого прибавляетъ нѣсколько своихъ и, вновь подавая зятю, говоритъ: „наши блины не продажны, намъ ваши деньги не важны!" Молодой убираетъ деньги и начинаютъ ѣсть блины. На слѣдующій день тесть и теща ѣдутъ къ молодымъ на „прочесье". Молодой зять все угощаетъ, а молодуха кланяется.

Иногда на другой день свадьбы молодая спрашиваетъ свекровь, что ей дѣлать? Молодую посылаютъ за водой. Она приноситъ воду, затѣмъ черпаетъ воду въ ковшъ, ковшъ подаетъ свекрови и, гово-

ря: „пей, маменька, воду слаще меду!" — кланяется ей въ ноги. Затѣмъ она садится за прялку прясть шерсть. Прядутъ, чтобъ лучше въ домѣ велись овцы. И уже послѣ этого ѣдутъ на хлибяны къ тещѣ.

III. Тотемской уѣздъ [1]).

Главныя свадебныя церемоніи въ Тотемскомъ уѣздѣ называются: „сватаньемъ", „пропоемъ", „скрутникомъ", „дѣвичникомъ" и „свадебникомъ".

На сватанье сватъ или сватовщикъ ѣдетъ въ домъ невѣсты. Придя въ избу, онъ садится на лавку такъ, чтобы смотрѣть вдоль половицъ, и говоритъ: „Я пришелъ къ вамъ сватомъ, подарите меня платомъ (платокъ, иногда полотенцо); у васъ есть невѣста, у меня женихъ. Станемъ заводить родню!" При этомъ говоритъ, кто женихъ, и знакомитъ родителей невѣсты съ состояніемъ и богатствомъ жениха. При согласіи родителей невѣсты назначаютъ день „пропоевъ".

На „пропой" ѣдутъ родители невѣсты и нѣкоторые ея родственники; предъ ихъ отъѣздомъ невѣста причитаетъ:

Посмотрю я молодешенька
По всей свѣтлой свѣтлицѣ,
Да по столовой-то горницѣ,
Того болѣ я посмотрю
На родимаго батюшку,
На родимую-то матушку,
На голубчика братевка,
На лебедушку сестрицу,
На любимую невѣстушку.
Я спрошу васъ, родимые:
Вы куда наряжаетесь?
Куда собираетесь?
Ко которому празднички?
Мнѣ-ка гляда глянется:
Объ эту пору—времечко
Не живетъ въ году праздничка,
Середи-то недилюшки
Не живетъ воскресеньица.
Да собираетесь вы на чужую дальну сторону
Посмотрѣть мѣста крестьянскаго.
Принадите-ка ты, батюшка,
Да родимая моя матушка,
Ко листу, ко дереву,
Къ старому да ко малому
Да къ человѣку бывалому.
Поразспросите-ка вы, родимые,
Про чужихъ-то добрыхъ людей,
Да про чужого чуженина:
Онъ не вольная-ли вольница,

[1]) При описаніи обрядовъ тотемскаго уѣзда использованы сообщенія С. П. Баженовой и краткое описаніе, напечатанное въ Вологод. Епарх. Вѣдом. 1902, №18, 19, въ XII главѣ статьи: „Стрѣлицкая Преображенская церковь Тотемскаго уѣзда, Вологодской губерніи".

Да не горькая ли пьяница.
Не кидайся-ка ты, батюшка,
На винную-то чарочку,
Не давай-ка ты, батюшка,
Свою правую рученьку,
Не запоручивай ты моей буйной головушки.

И когда они поѣдутъ, она поетъ имъ пожеланіе:

Вамъ туда не доѣхати,
Да домой заворотитися.

Пріѣхавъ въ домъ жениха, они смотрятъ въ амбарѣ хлѣбъ и въ хлѣву скотину и по этимъ даннымъ судятъ о богатствѣ жениха; послѣ осмотра, разсуждаютъ о приданомъ. Когда родителямъ невѣсты понравится мѣсто у жениха и будетъ рѣшенъ вопросъ о приданомъ, обѣ стороны молятся Богу и въ знакъ согласія подаютъ другъ другу руки. Послѣ этого начинается угощеніе. Съ „пропоевъ" ѣдутъ родные невѣсты вмѣстѣ съ женихомъ и его ближайшими родными. При пріѣздѣ ихъ, невѣста причитаетъ:

Не послушались вы, родимый батюшка
И родимая матушка, моего наказаньеца—
Бросились на винную чарочку;
Что вамъ тамъ поглянулося
На чужой-то сторонушкѣ?
Али скотина рогатая,
Или сусѣки горбатые,
Или чужіе добры люди?

Невѣста уходитъ нарядиться. При возвращеніи ея женихъ проситъ: „Пожалуйте мнѣ чашницу (имя и отчество невѣсты)". Невѣста съ поклономъ подаетъ жениху чайную чашку или рюмку. Женихъ наливаетъ водку, а невѣста угощаетъ этой водкой своихъ родныхъ, гостей, сосѣдей и подругъ. Послѣднимъ она потчуетъ жениха, и тотъ выпиваетъ водку и цѣлуетъ невѣсту; послѣдняя уходитъ въ кутъ и причитаетъ:

Пристыдилъ меня чужой чуженинъ
У меня въ свѣтлой свѣтлицѣ
При родимомъ-то батюшкѣ,
При родимой-то матушкѣ,
При родимомъ-то братевкѣ,
При любой-то невѣстушкѣ,
При сестрицахъ—лебедушкахъ,
При родѣ, при племени,
Да при сосѣдяхъ—добрыхъ людяхъ,
При сосѣдушкахъ—голубушкахъ,
Да при милыхъ подруженькахъ.

Женихъ подаетъ невѣстѣ пряники и конфеты. Она ими угощаетъ своихъ подругъ и сосѣдокъ.

Вскорѣ послѣ „пропоевъ" родители обѣихъ сторонъ идутъ къ священнику, чтобъ условится о днѣ и часѣ свадьбы, а также на счетъ платы за бракосочетаніе.

По вечерамъ къ невѣстѣ сходятся ея подруги, чтобъ помочь ей шить приданое. Невѣста почти каждый вечеръ причитаетъ:

Благослови, Христосъ Истинный,
Мнѣ-ка сѣсть, молодешенькѣ,
Во кутъ до за занавѣсу,
На брусчатую лавочку,
Подъ печальное окошечко,
Подъ дубовые затворочки,
Подъ стеклянные оконенки.
Пріудвину я, молодешенька,
Дубовые отворочки,
Я подамъ свой зыченъ голосъ
По селу красовитому,
По духовнымъ-то батюшкамъ,
Да по духовнымъ-то матушкамъ,
По младымъ по церковничкамъ,
По сусѣдямъ добрымъ людямъ,
По сусѣдушкамъ голубушкамъ,
По милымъ своимъ подруженькамъ.
Господаревы мои сусѣдки — голубушки,
Отпустите, голубушки,
Моихъ милыхъ подруженьковъ—
Дочерей своихъ бѣлыхъ лебедушекъ
На мое горе—велику кручинушку.
У меня горя-кручинушки
Полна буйна голова;
У меня горючихъ-то слезъ
Текутъ рѣчушки быстрыя
Съ мелкими переводами
Да съ частыми переборами.
Какъ я счела (сосчитала) да перечла
Изъ роду всѣ годочики,
Я дочла, досчиталася
До послѣдняго годочику,
Да опять счела я перечла
Во годочикѣ всѣ-то мѣсяцы,
Досчла я, досчиталася
До послѣдняго-то мѣсяцу,
Да ужъ счла да перечла
Во мѣсяцу всѣ недѣлюшки,
Да досчла, досчиталася
До послѣдней недилюшки.
Какъ мнѣ эту-то недилюшку
Да прожить прокоротати,
Не знать сидя просидѣти,
Не знать Богу молитися,
Мнѣ молить не умолить будети,
Старой прежнею милостію не помилуетъ,
И Государь-то не пожалуетъ
Старой прежнею милостію,
Душой красной дѣвицей.
Токо часъ да теперичи
Пролетала лебедушка
Мимо нашей-то сторонушки,
Мимо батюшковъ высокъ теремъ,
Мимо мое кутне окошечко,
Выроняла лебедушка
Изъ подъ лѣваго крылышка
Скорописчатую грамотку.
Что написано въ грамоткѣ
Не перомъ, не чернилами,
А моими горючми слезми.
Говорила лебедушка:
Ты поплачь, красна дѣвица,
Поплачь, дочь отеческа;
Тебѣ есть о чемъ плакати,
Да тебѣ есть о чемъ тужити:
На чужой-то сторонушкѣ
Три поля горя насѣяны,
Да слезами исполиваны,
Да печалью огорожены.
Пролеталъ младъ ясенъ соколъ
Мимо нашу-то сторонушку,
Мимо батюшковъ высокъ теремъ,
Мимо мое кутне окошечко;
Выронялъ младъ ясенъ соколъ
Изъ-подъ праваго крылышка
Скорописную грамотку,
Что написано перомъ да чернилами.
Горилъ (вм. говорилъ) младъ ясенъ соколъ:
Ты не плачь, не плачь, младъ дѣвица,
Ты не плачь, дочь отеческа,
Тебѣ не о чемъ плакати,
Тебѣ не о чемъ тужити:

На чужой-то сторонушкѣ
Три поля хлѣба насѣяны,
Медовью исполиваны,
Да радостію огорожены.

Иногда невѣста причитаетъ еще и слѣдующій причетъ:

Что сидитъ моя кра́сота
Поверхъ буйные головы,
Поконецъ свѣтлыхъ волосовъ,
Что раститъ моя кра́сота
Двоё крыльё павлиноё
Да третьёё лебединоё.
Хочетъ моя кра́сота
Спорхнути да улетѣти
И меня опокинути
Что въ кутѣ за зана́вѣсомъ,
На кручинной на лавочкѣ,
Подъ печальнымъ окошечкомъ.
Вы мои да голубушки,
Да милыя подруженьки,
Пріотставьте отставочку
Да пріоткройте окошечко;
Поглядите, голубушки,
За моей дивьей кра́сотой:
Полетѣла-ль моя кра́сота
Во ночную сторо́нушку.
Во ночной-то сторонушкѣ
Есть проклятое дерево,
Изъ проклятыхъ-проклятое,
Что осинушка-то горькая.
Что не сядетъ-ли моя кра́сота
На осинушку на горькую.
Ей не мѣсто тутъ, не мѣстечко,
Что не мѣсто урицепное.
Полетитъ-ли моя красота
Во востошную сторону,—
Во востошной во сторонушкѣ
Есть яблонь кужлявая;
Что не сядетъ-ли моя красота
Да на яблонь на кужлявую.
Ей не мѣсто тутъ не мѣстечко.
Полетитъ ли моя красота
Въ повдённую сторону,—
Въ подневой-то сторонушкѣ
Есть березонька бѣлая.
Что не сядетъ ли моя красота
На березку на бѣлую.
Что учуетъ чужой чуженинъ
Да про мою про дивью красоту;
Что и сходитъ чужой чуженинъ
Къ кузнецамъ да во кузницу,
И скуетъ чужой-то чуженинъ
Топоры да булатные,
Подсикётъ чужой чуженинъ
Да березку ту бѣлую,
И моя дивья красота
Полетитъ со березыньки
Во поля во широкіе
Да во луга во зеленые,
И что сядетъ моя красота
Что во травы въ шелковые,
Что учуетъ чужой-то чуженинъ
Да про мою про дивью кра́соту,
Да и сходитъ чужой чуженинъ
Въ города да во ярманки,
Къ торгашамъ на прилавочникъ,
Да и купитъ чужой отъ чуженинъ
Что онъ косу да булатную,
Подкоситъ чужой чуженинъ
Онъ траву ту шелковую.
Тутъ не мѣсто, не мѣстечко
Да моей ди́вьей кра́сотѣ.

„Скрутникъ“ бываетъ за два дня до свадьбы въ домѣ невѣсты. Въ домѣ жениха собираются его родственники. Ихъ угощаютъ. Послѣ столованія выходятъ на середину избы женихъ и будущій „тысяцкій“ (тысяцкимъ назначаютъ или крестнаго отца или же дядю жениха). Женихъ держитъ каравай хлѣба и на караваѣ братыню съ пивомъ; у тысяцкаго—стаканъ. Присутствующіе по порядку

подходятъ къ нимъ, берутъ изъ рукъ тысяцкаго стаканъ съ пивомъ, выпиваютъ пиво и кладутъ нѣсколько копѣекъ жениху „на каравай“. Эти деньги поступаютъ въ пользу жениха. Затѣмъ запрягаются лошади, и ѣдутъ къ невѣстѣ на „скрутникъ“.

Къ невѣстѣ собираются ея подруги. Она причетомъ проситъ мать принести ей ея наряды. Вотъ этотъ причетъ:

Наряжу я тебя, матушка,
На службу не долгую, на работу не тяжелую,
На вѣку тебѣ впервые и впослѣдніе,
Лишь ужъ только во-послѣдніе
Во душахъ красныхъ дѣвицахъ.
Возми-ка ты, матушка,
На свои бѣлы рученьки
Свои золоты ключи,
Сходи-ка ты, матушка,
Въ синики во замочные,
Да въ сундуки во кованые.
Въ синикѣ-то на полочкѣ
Во кованой коробеечкѣ
Лежитъ моя скрута добрая.
Ужъ ты иди-ко помалешеньку
Да говори потихошеньку,
Не испугай, моя матушка,
Моей скруты добрыя.
Неси-ка ты, матушка,
Мою скруту добрую,
Платьецо разноцвѣтное,
Да неси во свѣтлую свѣтлицу,
Во столовую горницу.
Ты клади, мая матушка,
На столы бѣлодубовы.
Я спрошу тебя, матушка,
Во всю свѣтлую свѣтлицу
Во столовую горницу:
Что за торговцы наѣхали;
Что за торговая лавочка?
Хоть ты не скажешь, моя матушка,
Я сама знаю, вѣдаю,
Что лежитъ моя скрута добрая
На столахъ бѣлодубовыхъ.
Да зайду я молодешенька
Со всѣ четыре стороны,
Да погляжу я молодешенька
На свою скруту добрую,
На платьецо разноцвѣтное
И на свою дѣвичью красоту:
Что лежитъ скрута добрая
Не веселая, не радожная,
Ровно ноченька темная.
Нарядите, голубушки, мои милыя подруженьки,
Меня во свою скруту добрую,
Въ достальные во послѣдніе
Во душахъ красныхъ дѣвицахъ.
Благослови, Христосъ Истинный,
Мнѣ-ка встать молодешенькѣ
На свои рѣзвы ноженьки,
На башмачки зеленъ сафьянъ.
Вы не гнитесь, половочки,
Не тяжелѣе я стараго,
И не грузнѣе я прежняго.
Лишь тяжелая моя буйна голова,
Буйна голова—голова запоручная.
Запоручилъ-то батюшко
И родимая матушка
Они свои правыя рученьки—
Мою буйную головушку.
Господарева ты моя, скрута добрая,
Не подпускаетъ скрута добрая
И меня молодешеньку.
Обернусь я молодешенька
Во куть да за занавѣсу
Я ко милымъ подруженькамъ.
Помогите, голубушки,
Сговорить скруту добрую,
Чтобъ не сердилась скрута добрая
На меня молодешеньку,
А сердилась бы моя скрута добрая
На родимаго батюшка
Да на родимую матушку.
Это есть то во небѣ,

Вь небѣ красное солнышко.
Это есть то вѣдь во домѣ,
Во дому домовитоемъ,
Крѣпкіе содержатели:
Мой родимый-то батюшка,
Да родимая матушка.
Опустите-ка вы, батюшка
И родимая матушка,
Мнѣ-ка выдти да выступить
До мосточка калинова,
До крылечка краснаго
До широкія улицы.
Господаревы мои сусѣдки-голубушки!
Пріудвиньте-ка, голубушки,
Дубовыя отворочки,
Стеклянныя оконенки.
Поглядите, голубушки,
На широкую улицу.
На широкой-то улицѣ
Стоитъ тынъ-отъ серебряный,
Во тыну-то въ серебряномъ
Стоитъ яблонь кужлявая,
Она безъ вѣтру шатается,
Безъ дождя уливается.
Токо часъ, токо теперичи
Да по этой-то улицѣ
Соколомъ я перелетала.
Токо часъ, токо теперичи
Не несутъ рѣзвы ноженьки
Какъ меня молодешеньку.

Если невѣста сирота, не имѣетъ отца, то причитаетъ другой причетъ:

Я подамъ свой зыченъ голосъ
По селу красовитому
На площадь красовитую.
Да на площади-то красовитой
Есть тутъ мѣсто примѣтное:
Это могилушка горбатая.
Во могилѣ горбатой
Есть домовище дубовое;
Въ томъ домовищѣ дубовомъ
Мой родимой-то батюшка—
Моя жалость великая,
Моя доброта сердечная.
Отведи-ка ты, батюшка,
Свою руку-то правую,
Перекрести свое лицо бѣлое.
Пойдемъ мы съ тобою
Во церковь божественную,
Отпоемъ три молебна великіе,
Три молебна водосвятные.
Пойдемъ-ка ты, батюшка,
На родимую сторонушку;
Станемъ жить мы по старому
И работать по прежнему.
Пойдемъ-ка ты, батюшка,
Ко родимой-то матушкѣ,
Къ голубочкамъ братевкамъ
Къ нимъ на пиръ, да на бращину,
На веселіе, на радость—
И ко мнѣ горе-горькой
На мое горе-кручинушку,
На живое раставаньецо,
На живое—на дѣвичье.
Привела тебѣ, матушка,
Я родимаго-то батюшку.
Стели-ка ты, матушка,
Скатерти браныя
На столы бѣлодубовы,
Неси яства сахарныя,
Неси-ка пива пьянаго,
Неси вина зеленаго.
Пой да упаивай
Ты родимаго батюшку
До пьяна пивомъ пьянымъ,
До повалу зеленымъ виномъ.
Видно нѣтъ ужъ родимаго батюшки.
Отъ сухого отъ деревца
Не живетъ отростельеца,
Съ того свѣту бѣлаго
Не живетъ выхожденьеца,
Да отъ тѣла отъ мертваго
Не живетъ благословеньеца.

Пріѣхавшихъ жениха и его родныхъ встрѣчаютъ родители невѣсты въ сѣняхъ съ пивомъ. При входѣ въ избу дѣвицы, окружающія невѣсту, поютъ:

Не синь да засинѣла,
Не вода обневолила;
Кругомъ нашія свѣтлицы,
Кругомъ столовой горницы,
Не чаща лѣсу выросла.
Что нашли да наѣхали
Съ чуже-дальней сторонушки
Со чужимъ-то чужениномъ.

Невѣсту уводятъ въ другую избу наряжаться. Пріѣзжихъ усаживаютъ за столъ; женихъ въ переднемъ углу. Когда невѣста одѣнется въ свою лучшую одежду, или по мѣстному „скруту“, ее приводятъ родители и усаживаютъ за столъ рядомъ съ женихомъ. Настаетъ „столованіе“. По окончаніи стола выйдутъ на средину избы женихъ, невѣста, тысяцкій съ блюдомъ и невѣстина мать крестная (сваха) съ братыней и стаканомъ пива. Всѣ находящіеся въ избѣ будутъ поочередно подходить, выпивать отъ свахи пиво, цѣловать жениха и невѣсту и класть на блюдо къ тысяцкому за пиво деньги. Послѣ этого разъѣзжаются.

На слѣдующій день (наканунѣ свадьбы) бываетъ „дѣвичникъ“.

Братъ невѣсты, или кто либо изъ ея родственниковъ ѣдетъ къ жениху звать на дѣвичникъ. При отъѣздѣ зватаго невѣста причитаетъ:

Ты родимой мой братевко!
Ты поѣдешь на чужую сторонушку
Ко чужому чуженину.
Ты скажи-ка, мой братевко,
Про меня молодешеньку
Три зарока великіе:
Головой я больно угарчива,
Больно сердце зажимчиво,
Да въ житьѣ я не уживчива.

На дѣвичникъ ѣдетъ женихъ и его родственники. Когда они будутъ подъѣзжать къ дому, невѣста запричитаетъ:

Не пускай-ко ты, батюшка,
Дорогихъ гостей на сараи тесовые;
Не давай-ко ты, батюшка,
Конямъ сѣна зеленаго;
Не бери ты ихъ за правыя рученьки,
Не води ты ихъ въ избицу,
Въ свою свѣтлую свѣтлицу.
Не сбирай-ко ты, матушка,
На столы бѣлодубовы
Не стели-ка, матушка, скатерти браныя,
Не носи-ка ты, батюшка, пива-то пьянаго
И вина-то зеленаго.

Пріѣхавшіе приходятъ въ избу, садятся за столъ и ихъ угощаютъ. Невѣста причитаетъ:

Ужъ я глупая, глупая,
Дѣвица не просужая,
Не съ ума слово молвила,
Не съ великаго догаду,
А со горя со кручинушки
Да со печали великія.
Собирай-ко ты, матушка,
На столы бѣлодубовые,
Стели скатерти браныя,
Неси яства сахарныя.
Неси-ко ты, батюшка,
И пива-то пьянаго,
И вина зеленаго.
Я чего же у васъ спрошу,
Родимой мой батюшко
И родимая матушка:
Что за гости наѣхали?
Какой родней называются?
Хоть вы и не скажете, родимые,
Я сама знаю да вѣдаю,
Что ко мнѣ молодешенькѣ
По моей буйной головѣ
Зватые, тороватые,
Званые да и жданые,
Званые и да почтенные.
Да ты упой да упаивай,
Мой родимый батюшка,
Дорогихъ гостей до пьяна,
До пьяна пивомъ пьянымъ,
Зеленымъ виномъ до повалу.

Невѣста наряжается и даритъ родственниковъ жениха. Каждому она сначала подноситъ съ поклономъ рюмку водки и затѣмъ платокъ. Ей за дары кладутъ на тарелку денегъ. Когда она одаритъ всѣхъ, то причитаетъ:

Не осудите вы на дары мои малые:
Не случилось у батюшка ни атласу, ни бархату;
Случилось только у батюшка
По бумажной лишь фаточкѣ.

Подруги невѣсты ходятъ на улицѣ въ кругу. Невѣста выходитъ на крыльцо и причитаетъ:

Пропустите меня вы, голубушки,
Мои милыя подруженьки,
Во круга становитися,
Походить молодешенькѣ
Во старой порѣ-времечкѣ,
Во думахъ красной дѣвицѣ.

Когда званые (женихъ и его родственники) уѣдутъ, она проситъ подругъ истопить баню:

Наряжу я вамъ, подруженьки,
Службу не долгую, работу не тяжелую,
На вѣку я не въ первые,
Во ряду не въ послѣдніе,
Лишь только во послѣдніе
Душой красной-то дѣвицей.
Наносите вы, голубушки,
Дровецъ березовыхъ въ баню-парушу,
Наносите, голубушки, и водицы ключевыя
Съ трехъ кипучихъ ключиковъ.

Подруги ей отвѣчаютъ:

Господарева ты наша подруженька!
Истопили мы баню-парушу,
Наносили, голубушка, и водицы ключевыя.

Невѣста подноситъ подругамъ по кружкѣ пива, и онѣ продолжаютъ причитать:

Намъ сказали добры люди про милую подруженьку,
Сидитъ она въ суточкахъ подъ окошечкомъ,
На колѣняхъ держитъ полуженыя пелечки,
Во лѣвой-то рукѣ держитъ золотую чевочку,
А во правой-то рученькѣ
Она держитъ шолочку швоночку—
Она шьетъ, да вышиваетъ
Три узора мудреные:
Какъ первой-то узоръ она вышила—
Красное солнышко со лучами со ясными,
Другой-то узоръ она вышила—
Свѣтлый мѣсяцъ со звѣздами со частыми,
Третей-то узоръ она вышила—
Всю поднебесную.

Вечеромъ невѣста ходитъ по избѣ, одѣвшись въ самый лучшій нарядъ, и причитаетъ:

Поглядите-ка вы, голубушки,
Каково я нарядилась,
Бѣло-ли набѣлилась,
Румяно-ли намазалась.
Учесала я, молодешенька,
Свою буйную головушку
Да и честное волостьѣцо,
Волосокъ къ волосочику,
Все да по единому.
Назаплетала я, молодешенька,
Разноцвѣтныхъ ленточекъ
Да полушелковыхъ кисточекъ.
Покатайся, руса коса,
По моей становой спинѣ,
По моимъ могучимъ плечикамъ,
Со плечика да на плечико,
Что со праваго да на лѣвое,
Да завернись, руса коса,
И по сердечику ретивому,
И по личику-то бѣлому.
Ужъ я любила, молодешенька,
Ходить безъ бумажной-то фаточки,
Да мнѣ кажется-глянется,
Какъ завтра объ эту пору-времечко,
Да пораньше маленечко
Расплету я русу косу
На два маленькіе плетешка.
Да наложатъ на меня горе-горькую
Кику щитую, волокиту поддымную,
Отымалку горшечную—
Тяготу непомѣрную.
И закроютъ русѣ косѣ
Много свѣту-то бѣлаго,
И не видать ей красна солнышка
Да частаго дождичка.
Родимая моя матушка,
Ты моя жалость великая
И доброта сердечная!
Не увидишь болѣ, матушка,
И себя во свѣтлой свѣтлицѣ
Во старой порѣ времечкѣ.
Ужъ запримѣть ты, моя матушка,
Что единую половочку
Во свѣтлой-то свѣтлицѣ,
По которой я ходила,
По которой я гуляла.

Въ „свадебникъ" или въ „свадебный день" невѣста утромъ, какъ встанетъ, причитаетъ:

Какъ во сегоднюю-то ноченьку
Спала я высыпалася,
Ото сна просыпалася,
Ото сна богатырскаго,
Отъ бовы-королевскаго.
Не будитъ меня матушка
Поутру-то ранешенько,
Не посылаетъ меня матушка
Не по дрова по березовы,
Не по водицу ключевую.

Какъ въ первой-то разъ побудитъ,—
По головушкѣ погладитъ;
Во второй-то разъ побудитъ,—
Меня шубой окутаетъ,
Не знать меня жалѣючи,
Не знать избываючи.
Много во снѣ мнѣ сегодня навидѣлось:
Какъ въ травѣ я забродилася;
Какъ во росѣ замочилася.
Какъ я шла, да заблудилася,
Я дошла до коровьи-то тропочки,
Да до собачьей лазеюшки,
Да до избища, до башнища.
Я зашла, молодешенька,
Во избище да во башнище.
Во избищѣ-то, башнищѣ
Три окошка прорублены.
Какъ въ суткахъ подъ окошечкомъ—
Тамъ медвѣдь со медвѣдицей;
Подъ среднимъ-то окошечкомъ—
Волки-то сѣрые;
Во кутѣ-то за занавѣсой—
Сороки-вѣщицы;
У шесточка кирпичнаго—
Ноченька-темная;
Посреди свѣтлой свѣтлицы
Муравьище кипучее.
У дверей-то на лавочкѣ —
Соколъ во поималѣ,
Какъ соколъ во поималѣ,
Молодецъ во погибели.
Какъ волки-то сѣрые—
Богоданные братевки,
Какъ сороки-вѣщицы—
Богоданныя сестрицы;
Какъ медвѣдь со медвѣдицей
Богоданный-то батюшка,
Да богоданная матушка,
Какъ муравьище кипучее—
Ватага- сведеная;
Какъ ноченька-то темная—
Это я молодешенька.
Какъ на чужой-то сторонушкѣ
Богоданная матушка,
Она заходитъ, затопаетъ,
Да дверями захлопаетъ,
Да замками защелкаетъ:
Вставай, линь ты линивая,
Вставай, лежка ты лежливая!
Сходи-ка ты, матушка,
Въ си户ики во замочные,
Въ сеникѣ-то на полочкѣ
Во дубовой колодочкѣ
Тутъ свѣча воску бѣлаго.
Принеси-ка, матушка,
Въ свою свѣтлую свѣтлицу,
Во столовую-то горницу,
Да бы мнѣ молодешенькѣ
Помолиться, покланяться
Богу-Спасу милосливу,
Пресвятой Богородицѣ,
Чтобы Богъ-то помиловалъ
Старой прежней-то милостью.
Благослови, Христосъ Истинный,
Мнѣ-ка встать молодешенькѣ
На свои рѣзвы ноженьки,
Предъ святыя предъ образы
Помолиться да покланяться:
Я молитву сотворю,
Молитву Іисусову:
Отведу я руку правую,
Перекрещу лицо бѣлое,
Положу-ко я поклонецъ
Ниже шелкова пояса
За царя благовѣрнаго,
За царицу благовѣрную,
И за всю силушку военную,
За духовнаго-то батюшка
Да за духовную матушку
И за малыхъ за церковничковъ,
За дорогого-то батюшка,
И родимую матушку [1])
Имъ подай, Христосъ истинный,
Здравья, вѣку-то долгаго,
На вѣку житья добраго
Сто годовъ жить не стариться.

[1]) Слѣдуетъ перечисленіе родни.

Я поклончикъ-то положу
И за милыхъ подруженекъ,
Что подай имъ, Христосъ истинный,
Женихи-бъ имъ наѣхали
И скорѣе бы ихъ замужъ выдали,
Хоть-бы мнѣ не столь бѣдко показалося.

Затѣмъ она обращается къ отцу, прося ее благословить:

Это есть у молодешеньки
Мой родимой-то батюшка.
Не прошу у тебя, батюшка,
Ни имѣнья, ни богачества,
Я прошу у тебя, батюшка,
Благословенія великаго.

Отецъ ее благословляетъ. Она продолжаетъ причитать:

Много тебѣ я благодарствую
За твое благословеньецо;
Что твое благословеньецо
Долговѣчно и памятно,
Какъ на чужой-то сторонушкѣ
Изо дна моря вынесетъ,
Изъ подъ сѣраго камышка;
Какъ на чужой-то сторонушкѣ
Будетъ мнѣ поступь великая
Отъ чужихъ добрыхъ людей
И отъ чужого чуженина... [1])

Жениха и пріѣхавшихъ съ нимъ его родственниковъ встрѣчаютъ родители невѣсты въ сѣняхъ съ пивомъ и начинаютъ ихъ угощать. Невѣста сидитъ на лавкѣ и причитаетъ. Какъ усядутся пріѣхавшіе за столъ, такъ родители подходятъ къ невѣстѣ и уводятъ ее въ другую избу, гдѣ она и наряжается къ вѣнцу; когда она нарядится, мать крестная ея (по здѣшнему—божáтка) приводитъ ее за руку и садитъ за столъ рядомъ съ женихомъ. Дѣвицы, подруги невѣсты, запоютъ:

Отставала бѣла лебедь
Отъ стада лебединаго,
Приставала бѣла лебедь
Ко стаду ко гусиному.

Послѣ этого дѣвицы поютъ жениху:

Не злаченъ перстень по горенкѣ катался,
Не златой жемчугъ по блюду разсыпался.
Какъ Иванушко на свадьбу собирался:
Его родная матушка сбирала,
Его русы волосы гребнемъ причесала
И словами ему наказала:
Ты поѣдешь, мое дитятко, на свадьбу,
Вотъ на свадьбу,
На чужую, на дальнюю сторонушку,
Тебѣ тамъ станутъ дѣвки пѣсни пѣти,
Веселыя припѣвки припѣвати;
Подари ты имъ пива по стакану!
Намъ не много пива надо—
Только сорокъ стакановъ со стаканомъ.
За стаканъ-отъ ударь-ко по спасибу
Вотъ по спасибу,
За спасибо дай по поклону,
Вотъ по поклону.

[1]) Къ сожалѣнію, на этомъ обрывается сообщенное въ „Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ“.

Дѣвицамъ подаютъ пряники. Послѣ нихъ къ столу подойдутъ мужики (изъ той деревни, гдѣ невѣста) и у тысяцкаго просятъ за невѣсту денегъ на табакъ и водку. Послѣ этого ѣдутъ къ вѣнцу.

С. И. Баженова сообщаетъ интересное обыкновенiе: въ день свадьбы смазывать деревяннымъ масломъ петли у дверей и ножки у свадебнаго стола, „чтобы все шло, какъ по маслу".

Отъ вѣнца ѣдутъ въ домъ жениха. Здѣсь опять столованiе. Невѣста даритъ свою новую родню подарками (чаще платками).

На другой день отъ тещи привозятъ молодому зятю блиновъ и зовутъ на „хлибяны". На хлибяны ѣдутъ молодые и ближайшiе родные жениха.

П. А. Дилакторскiй.

Крестьянская свадьба въ Васьяновской волости.

Въ Васьяновской волости, Вологодской губерніи, Кадниковскаго уѣзда, свадьбы совершаются въ Рождественскій мясоѣдъ, отчасти же и сразу послѣ Пасхи. Возрастъ жениха и невѣсты обыкновенно опредѣляется: жениха отъ 19 до 28 лѣтъ, а невѣсты отъ 20 до 27 лѣтъ. Къ этому возрасту женихъ и невѣста бываютъ одѣты по-деревенски, болѣе или менѣе прилично. Причиною женитьбы парня зачастую служитъ надобность въ рабочихъ рукахъ, напримѣръ: родители жениха за старостью не способны стали къ работѣ. Но бываетъ, что парню нравится извѣстная дѣвушка, изъ-за которой онъ „шибко загуливаетъ." И вотъ свадьба начинается. На семейномъ совѣтѣ совершается выборъ невѣсты. Здѣсь припоминаются извѣстныя въ околоткѣ дѣвушки, ихъ нравственныя качества, одежда, приданое и прочее. Родители жениха, хорошо знакомые съ родителями невѣсты, чаще всего на рынкѣ, въ праздникъ, рѣшаютъ судьбу своихъ дѣтей. Прочіе родные къ родителямъ невѣсты шлютъ кого-либо изъ своихъ родственниковъ „сватомъ". Посылаемый, или, какъ его зовутъ здѣсь, „сводщикъ", долженъ быть человѣкомъ „разбитнымъ", т.-е. краснорѣчивымъ и находчивымъ. Сводщикъ, прибывъ къ родителямъ невѣсты, не сразу объявляетъ имъ цѣль своего посѣщенія, а сперва разговоръ заводитъ о чемъ-либо постороннемъ, постепенно направляя его на цѣль своего посѣщенія и, наконецъ, объявляетъ: „у меня есть купецъ, а у васъ товаръ." Родители невѣсты спрашиваютъ его, кто этотъ купецъ и, получивъ отвѣтъ, объявляютъ или: „непрочь мы породниться; дѣвка у насъ отдашная," или: „дѣвка у насъ не нарядная и пока для дому нужна." Въ случаѣ отказа, сводщикъ оставляетъ домъ родителей невѣсты и отлагаетъ свой визитъ

до слѣдующаго раза, надѣясь уговорить родителей невѣсты въ слѣдующее посѣщеніе. Если родители невѣсты сводцику не отказываютъ, то поятъ его чаемъ, выспрашиваютъ подробно о матеріальномъ положеніи жениха и назначаютъ жениху день смотра невѣсты.

Смотръ невѣсты происходитъ въ глухую полночь. Женихъ подъѣзжаетъ къ дому родителей невѣсты, тихо, безъ бубенцовъ, на одномъ или двухъ экипажахъ, въ сопровожденіи отца, матери и сводщика. Въ избѣ родителей невѣсты, къ пріѣзду жениха, все бываетъ приготовлено: столъ накрывается бѣлою скатертью, на столѣ разставляется чайная утварь, графинъ вина и закуска. Невѣста сидитъ въ „ку́тнемъ углу". За столъ садится женихъ съ родителями и сводщикомъ; въ это время невѣста выходитъ изъ „ку́тняго угла" къ столу и садится у стола разливать чай; она бываетъ одѣта въ кашемировое платье и шляпку, а на шеѣ повѣшены „гра́наты" (бусы). Послѣ небольшого угощенія жениха и его родственниковъ чаемъ и виномъ, совершается и самый смотръ невѣсты. Невѣста выходитъ на средину избы; къ ней подходитъ женихъ съ вопросомъ: „какъ васъ зовутъ?" Невѣста называетъ свое имя и отчество; женихъ отходитъ и садится на свое мѣсто. Къ невѣстѣ подходитъ сводщикъ со словами: „Ну-ка, невѣста, умѣешь-ли прясть?" Въ отвѣтъ, она беретъ пряслицу, садится съ ней на лавку и прядетъ куделю. Сводщикъ приглашаетъ жениха и невѣсту помѣряться другъ съ другомъ ростомъ. Женихъ и невѣста на срединѣ избы становятся рядомъ. Послѣ этого слѣдуетъ осмотръ невѣстина платья, обуви и бѣлья; осмотръ этотъ производитъ женихова мать. Этимъ смотръ и оканчивается. Въ заключеніе, женихъ приглашаетъ родителей невѣсты къ себѣ на смотръ мѣста.

Смотръ женихова мѣста пріурочивается къ дню скоромному; сюда пріѣзжаютъ родители и братья невѣсты и сводщикъ. Въ избѣ пріѣхавшіе отъ невѣсты не раздѣваются; послѣ нѣсколькихъ короткихъ постороннихъ фразъ къ хозяевамъ, они заявляютъ свое желаніе посмотрѣть хозяйство жениха; женихъ и его родители удовлетворяютъ это желаніе; хозяевами и гостями обходятся избы, зернохранилище (амбаръ), гумно и дворъ, въ которомъ приводится въ извѣстность число домашнихъ животныхъ. По возвращеніи въ избу, обсуждается вопросъ или „о прида́номъ" или

о „вы́водѣ“. „Приданое“ выговаривается женихомъ съ родителями невѣсты, и выражается деньгами въ размѣрѣ отъ 5 до 25 рублей. „Выводъ“ выговаривается родителями невѣсты съ жениха и выражается деньгами въ размѣрѣ отъ 10 до 35 рублей. Выводъ и приданое не суть необходимыя условія свадьбы; выводъ бываетъ въ томъ случаѣ, если родители невѣсты не могутъ справить свадьбы своими средствами, а жениху и его родителямъ дѣвушка нравится за ея умъ и трудолюбіе; а приданое даютъ за невѣстой тогда, если женихъ бѣденъ, но отличается своимъ умомъ и трудолюбіемъ, родители же невѣсты со средствами и не хотятъ упустить жениха. Когда состоится соглашеніе сторонъ или о приданомъ или о выводѣ, обсуждается вопросъ о дарахъ, которые бываютъ исключительно съ невѣсты въ пользу жениха и его родственниковъ. Сообщаемъ дары въ свадьбѣ средняго достатку: жениху на штаны—чернаго сукна, на рубашку—кашемиру, поясъ шелковый вязаный; отцу жениха на штаны—мильтону, на рубашку—кумачу; матери жениха на рубашку—ситцу, бумажную шаль; брату жениха на рубашку—ситцу; сестрѣ жениха на рубаху—кумачу; дядѣ жениха на рубашку—ситцу; теткѣ на рубаху—кумачу; духовнымъ родителямъ жениха: отцу на штаны—малескину, а матери—платокъ бумазейный. Послѣ состоявшагося соглашенія сторонъ въ дарахъ, вопросъ о свадьбѣ считается оконченнымъ, и всѣ присутствующіе молятся Богу. Затѣмъ хозяева приглашаютъ родственниковъ невѣсты снять верхнюю одежду и садиться за столъ, на которомъ поставлены водка, закуска и приготовленный чай. Между новоиспеченными сватовьями завязывается пирушка, которая продолжается около трехъ часовъ. Въ заключеніе, стороны назначаютъ день „сиди́нъ“, и затѣмъ родственники невѣсты уѣзжаютъ домой.

Пріѣхавши домой, мать невѣсты объявляетъ дочери о рѣшеніи судьбы послѣдней; обѣ онѣ кидаются другъ другу на шею и ревутъ. За время рѣшенія вопроса о свадьбѣ и до „сиди́нъ“ (около двухъ недѣль), невѣста, съ помощью своихъ подругъ, успѣваетъ приготовить „пла́тье“ къ послѣднимъ. Сиди́ны совершаются въ домѣ родителей невѣсты днемъ. На сиди́нахъ присутствуютъ женихъ, его родители и два или три родственника; всѣ сидятъ обыкновенно за столомъ, уставленнымъ деревенскими яствами, приготовленнымъ чаемъ и водкою. Вся церемонія сиді́нъ совер-

шается въ слѣдующемъ порядкѣ. На зовъ жениха, изъ кутняго угла выходитъ невѣста къ столу и здоровается за руку съ женихомъ и его родственниками, между тѣмъ женихъ наливаетъ свой стаканъ водки, который и подаетъ невѣстѣ съ узломъ пряниковъ и конфектъ и съ просьбой вино—выпить, а узелъ взять въ подарокъ; невѣста принимаетъ, узелъ передаетъ своимъ подругамъ, а вино, попробовавъ, ставитъ на столъ, прибавляетъ въ него своего вина и потчуетъ имъ жениха. Женихъ выпиваетъ. Всѣ присутствующіе выходятъ изъ-за стола.

Слѣдуетъ обрядъ благословенія. Женихъ и невѣста встаютъ на постланную на полу бѣлую скатерть, рядомъ другъ съ другомъ, склонивъ вмѣстѣ головы предъ иконами. Родители обоихъ благословляютъ ихъ иконою Спасителя. Послѣ этого женихъ со своими родственниками садятся снова за столъ, гдѣ невѣста, начиная съ жениха, даритъ всѣхъ по „утиральнику", они ее отдариваютъ: женихъ ситцемъ на платье, а остальные, кто чѣмъ можетъ. Наконецъ невѣста садится за столъ, рядомъ съ женихомъ. Между хозяевами и гостями завязывается пирушка, продолжающаяся около трехъ часовъ, чѣмъ сидѣны и кончаются. Въ заключеніе, по уѣздѣ жениха домой, невѣста одѣвается въ будничное платье и уходитъ въ кутній уголъ; тамъ, окруженная подругами, она причитаетъ слѣдующее:

Мой государь сердечный батюшка,
Ты скажи-ко, красный солнышко,
У васъ какой сегодня праздничекъ?
Мнѣ кажется и мнѣ глянется,
Не Спасовъ день и не Касьяновъ день.
Наѣхали гости нежданые
Собрались все неродные несердечные.
Ты, государь сердечный батюшка,
Ты не любилъ, государь батюшка,
Дѣвицу да возлѣ молодца,
Молодца да возлѣ дѣвицы;
Какъ посадилъ теперь ты, батюшка,
Дѣвицу да возлѣ молодца,
Молодца да возлѣ дѣвицы
И почиталъ, сердечный батюшка,
Все за родню, да за сердечную.

О помолвкѣ женихъ сообщаетъ священнику, причемъ платитъ ему за вѣнчаніе. Назначается день свадьбы. Наканунѣ свадьбы, вечеромъ, между прочимъ, къ жениху приходятъ замужнія женщины своей деревни и поютъ въ честь его слѣдующія двѣ пѣсни:

По горенкѣ яблочекъ катился:
Николай Николаевичъ жениться снаряжался,
Ему матушка головушку чесала,
По три волоса въ кудринку завивала:
Ты поѣдешь, мое дитятко, жениться
На чужу дальну сторонку,—
Станутъ дѣвушки пѣсни пѣти,
Молодыя молодицы причитати.
—

Передъ воротамъ-то озеро,
Передъ широкимъ глубокое,
На этомъ-то озерѣ ракитовъ кустъ
На этомъ-то кусткѣ соловушко сидитъ;
Сидитъ соловушко, посвистываетъ;
Николай Николаевичъ по бережку похаживаетъ,
Съ ножки на ножку переступываетъ,
Сапогъ о сапогъ поколачиваетъ,
Маленькимъ перчаточкамъ помахиваетъ,
Со кустичка соловушка соганиваетъ:
Полети, соловушко, на чужу сторону
Снести вѣсточку невѣстѣ моей,
Чтобы невѣста не плакала,
Чтобы невѣста дары пасла,—
Завтра пріѣду я съ поѣздомъ,
Со всѣмъ княжескимъ, со тысяцкимъ,
Со княжескимъ, съ большимъ бариномъ, со свахонькамъ.

За пѣсни женихъ даритъ женщинамъ бутылку водки и пирогъ. У невѣсты въ этотъ вечеръ совершается „Плаканье“ и совершается оно такъ. Около сумерокъ къ невѣстѣ приходятъ ея подруги; вошедши въ избу, онѣ останавливаются пока у дверей; невѣста сидитъ на лавочкѣ, въ кутнемъ углу, въ будничной одежѣ; завидѣвъ дѣвушекъ, она причитаетъ имъ:

Вамъ добро да доброжаловать,
Мои подруженьки голубушки,
Вамъ спасибо, бѣлы лебеди,
Что вы пришли не заспѣсивились,
Что на мое-то на плаканьицо,
На живое ревличаньицо;
Не осердитесь-ко, подруженьки,
Что я не вышла да не встрѣтила
Во горюшкѣ да во кручинушкѣ,
Во слезахъ да во горючихъ
Я середи-то полу чистова,
Во широкой-то уличкѣ,
На мостахъ да на калиновыхъ
Чиста ступчата-то лѣсенка;
Я не брала да двери за скобы,
Не говорила вамъ, подруженьки,
Что вамъ добро да доброжаловать;
Мои подруженьки-голубушки,
Да вы садитесь, бѣлы лебеди,
Вы по брусовымъ-то по лавочкамъ;
Да по тесовымъ по скамесчкамъ;
Вы подсобите, бѣлы лебеди,
Мнѣ потужить да и поплакати
По батюшковѣ волѣ великой,
По матушкѣ-другѣ сердечномъ,
По дѣвичьѣ житьѣ красованьи.
Говорятъ про васъ, подруженьки,
Что голоса ваши звончатые,
Ваши причеты жалостливые.

Когда невѣста кончитъ это, дѣвушки проходятъ къ ней и окружаютъ ее, а она продолжаетъ причетъ:

Садись подъ правую рученьку,
Свѣтъ Аграфена Пантелѣевна;
Садись подъ лѣвую рученьку,
Свѣтъ Ираида Николаевна!

Двѣ дѣвушки садятся рядомъ съ невѣстою и берутъ ее подъ руки. Дѣвушки поютъ причетъ, а невѣста реветъ и также повторяетъ за ними его:

На дворѣ день вечеряется,
Дѣвичій вѣкъ да коротается;
Не всѣмъ дѣвицамъ коротается,—
Одной дѣвицѣ коротается.
Благослови ко меня, Господи,
Да Мать Пресвятая Богородица,

Да мнѣ садиться молодешенькѣ
Въ куть подъ кутьнее окошечко,
Да на брусовую лавочку,
За темную да занавѣстоньку,
Да запѣвать мнѣ пѣсню новую,
Да мнѣ задать тоску жалобу
По всей по свѣтлой свѣтлицѣ,
Да по столовой новой горницѣ,
По всей роднѣ по всей сердечной,
Что сдѣлалось, да сочинилось
Надо мной молодешенькой;
Государю свѣтлу батюшку,
Да и моей сердечной матушкѣ,
Да мнѣ задать тоску—насонюшку,
Что возжалѣлося сердечушко,
Возжалѣлося ретивое.
Новую да не пѣвалую, да горе-горькую,

Невѣста просить себѣ у матери праздничное платье:

Моя родименькая матушка!
Послушай-ко, сердечна матушка,
Что стану я тебѣ говорити
Да слезно плакати,
Побью челомъ, низко покланяюсь:
Ты принеси, сердечна матушка,
Да по плечу да платье цвѣтное,—
Я урядилась-бы, молодешенька,
По старому да и по нонѣшному.

Мать исполняетъ просьбу дочери. Невѣста одѣвается обыкновенно въ кашемировое платье.

Да это слава Тебѣ, Господи,
Слава Христу, слава Небесному,
Да на-баско я урядилася,
Да на-бѣло да набѣлилася,
Да румяно нарумянилася.
Ты подойди, сердечна матушка,
Все ко мнѣ да къ молодешенькѣ;
Ты погляди, сердечна матушка,
Да по плечу-ль платье цвѣтное,
Да по плечу-ль дѣвичья красота.

Есть обычай, въ силу котораго, во время „плаканья", невѣста „лазитъ" въ печь для омовенія, а это „лазанье" совершается въ домѣ или ея крестной матери или сосѣдки, но, во всякомъ случаѣ, приготовить нужное для сказаннаго невѣста проситъ свою крестную мать.

Моя родимая матушка,
Рукодержавная божатушка!
Послушай-ко, моя божатушка,
Я объ чемъ стану говорити,
Да говорити, слезно плакати:
Ты возьми, моя божатушка,
Ты косарь да саблю вострую,
Да отщепни, моя божатушка,
Лучинушку—трешиночку,
Да затопи-ко теплу банюшку,
Да про меня про молодешеньку;
Я помылась-бы, молодешенька,
По-старому-бы и попрежнему,
Я-бы посмыла горе-горюшко,
Я-бы смыла слезы горючія.
Да это, слава Тебѣ Господи,
Слава Христу, слава Небесному,—
Есть жалиньице во ретивомъ во сердечушкѣ
У моей крестныя божатушки:
Да затопила теплу банюшку,
Теплую да не угарную.

Между тѣмъ, въ переднемъ углу, на покрытый бѣлою скатертью столъ, ставятся разныя деревенскія яства, бутылка водки и ендова пива, а объ этомъ невѣста проситъ своихъ родителей:

Моя родимая матушка!
Ты собери, родимая матушка,
На столы да на дубовые,
На скатерти да шерстибраныя.
Мой государь сердечный батюшка,
Буде варилъ ты пиво пьяное,
Буде купилъ вина зеленого,
Ты собери, родимый батюшка,
На столы да на дубовые
Яндову да пива пьяного,
Да полуштофъ вина зеленаго:
Попочитать моихъ подруженекъ
При концѣ да житьѣ дѣвичьѣ
Да при послѣднемъ безвремепьицѣ.

Къ приготовленному такимъ образомъ столу она приглашаетъ своихъ подругъ:

Мои подруженьки голубушки!
Вы пойдемте, бѣлы лебеди,
За столы да за дубовые.
Такъ ты позволь, сердечный батюшка,
Попочитать моихъ подруженекъ
За скатерти да шитобранныя,
За кушанья да за сахарныя,
Да и за питья за медовыя.
Мои подруженьки голубушки!
Вы поѣшьте да покушайте,
Не осудите, бѣлы лебеди,
Все меня да молодешеньку:
Попочитала моихъ подружекъ
Все не весельѣ да не въ радостяхъ.

Невѣста встаетъ и, сопровождаемая дѣвушками, проходитъ въ переднiй уголъ, за столъ, а въ это время причитаетъ:

Благослови-ко, Христосъ Истинный
Да мать Пресвятая Богородица,
Встать со брусовыя со лавочки.
Пріостойтесь, ножки бѣлыя,
Пріодержись, буйна головушка;
Благослови-ко меня, Господи,
Сѣсть за столы да за дубовые.
Мнѣ поужнать молодешенькѣ
По старому да и по прежнему,
Со подруженькамъ моимъ голубушкамъ.

Невѣста подзываетъ къ себѣ отца, наливаетъ стаканъ пива и рюмку водки, которые и подаетъ ему съ причетомъ:

Мой государь родимый батюшка!
Тебѣ стаканъ да пива пьяного
Да рюмочку вина зеленого.

Отецъ выпиваетъ поданное пиво и вино и отходитъ отъ стола. Невѣста подзываетъ къ столу мать и также потчуетъ ее пивомъ и виномъ съ причетомъ:

Моя родимая ты матушка!
Тебѣ, и прочее (какъ выше).

Мать выпиваетъ и цѣлуетъ невѣсту. Потомъ невѣста всѣмъ своимъ подругамъ наливаетъ по стакану пива и по рюмкѣ вина и потчуетъ съ причетомъ:

Мои подруженьки голубушки!
Вамъ по стакану пива пьяного,
По рюмочкѣ вина зеленого.
Пейте-ко сердечушку да на здоровьице,
Головушкѣ да на весельице.

Дѣвушки выпиваютъ предложенное имъ пиво и водку. У невѣсты съ подругами слѣдуетъ закуска. По окончаніи закуски причетъ продолжается:

Да это, слава Тебѣ, Господи,
Мы отъѣли да откушали,
Откушали да ужну честную,
Честную да благородную,—
Хлѣба соли и не убыло.

Наступаетъ невѣстѣ время „лѣзти" въ печь, на это она проситъ у родителей благословенія:

Мой государь, родимый батюшка!
Моя родимая ты матушка!
Прежде меня въ теплу банюшку
Теплую, да не угарную, да подвѣнешную
Не пойдите, мои родимые,
Дайте мнѣ благословеньице
Итти въ теплую во банюшку.

Совершается благословеніе невѣсты иконою, послѣ котораго невѣста съ подругами идетъ къ дверямъ, съ причетомъ:

Благослови-ко, Христосъ Истинный,
Итти во теплую во банюшку...

Но до двери она не доходитъ, а взмахнувъ, руками, останавливается:

Охтимнѣшенько-тошнешенько
Мнѣ страшно да показалося,
Да на мосту да на калиновомъ
Да тамъ сидитъ да кика шитая,
Да хвалится да похваляется,
Она со мной да снаряжается
Во завтрешвій, во день Господень
Я опозорю красну дѣвицу
При попахъ да и при дьяконахъ,
При всѣхъ маленькихъ церковничкахъ,
Что я сниму дѣвичью красоту.

Затѣмъ продолжаетъ шествіе, продолжая и причетъ:

Вы не гнитесь-ко половочки,
Да не ломайтесь переводочки,
Я не грузняе иду стараго,
Да не тяжелѣе иду прежняго.
Моя крестная божатушка,
Не заморозь, моя божатушка.
Да встрѣть со Божіею милостію,
Да съ Пресвятою Богородицею.

У входа въ избу, въ которой невѣста „полѣзетъ", въ печь, ее встрѣчаетъ крестная мать. Невѣста „лѣзетъ" въ печь и моется. Въ это время причетовъ не бываетъ. Послѣ этого невѣста возвращается къ себѣ въ избу; ее ведутъ подъ руки двѣ дѣвушки; а впереди одна изъ дѣвушекъ мететъ дорогу вѣникомъ. Во время шествія слѣдуетъ причетъ:

Да это, слава Тебѣ, Господи!
Да я помылась и попарилась,
Посмыла горюшко-кручинушку
Да и слезы прегорючія,
Тебѣ спасибо-же, божатушка.
Тебѣ на теплой на банюшкѣ,
Теплой-то да не угарной.
Мой государь сердечный батюшка!
Моя родимая ты матушка!
И вся родня моя сердечная!
Мои подруженьки-голубушки!
Послѣ меня во теплу банюшку
Много пару, много жару,
Много воды, много ключевые;
Наварено да мыла-щелоку,
Напарено шелковыхъ вѣничковъ.

Мои подруженьки-голубушки!
Вы погуляйте, бѣлы лебеди,
У меня да на плаканьицѣ;
Не надѣйтесь-ко, подруженьки,
На меня па молодешеньку:
Не напою я молодешенька
Пѣсенки да развеселыя...

Невѣста входитъ въ избу, покидаетъ подругъ, чѣмъ „плаканье" и кончается. Между тѣмъ въ избѣ собирается мѣстная молодежь; начинаются игры и пляска. Пляска и игры продолжаются до двухъ-трехъ часовъ ночи. Подруги невѣсты на этотъ разъ и ночуютъ у ней.

Въ день свадьбы у жениха совершается слѣдующее. Въ избѣ на покрытомъ бѣлою скатертью столѣ кладется каравай хлѣба съ солонкою соли. Женихъ и поѣзжане, помолившись Богу, садятся за столъ такъ: по правую руку жениха—„тысяцкій" (крестный отецъ), „большой баринъ" (почетный гость) и прочіе; а по лѣвую „сваха" (крестная мать), „подсвашье" (сестра жениха) и „дружка" (въ родѣ шафера). Этотъ порядокъ мѣстъ соблюдается затѣмъ въ продолженіе всей свадебной церемоніи. Сидятъ они за столомъ недолго и выходятъ. Слѣдуетъ благословеніе жениха иконою Спасителя и хлѣбомъ-солью; благословляютъ отецъ, мать и духовные родители. Затѣмъ женихъ и поѣзжане выходятъ на улицу, гдѣ для нихъ стоятъ уже впряженныя въ экипажи лошади. Дружка съ большимъ бариномъ садятся въ первый экипажъ, женихъ съ тысяцкимъ—во второй; сваха съ подсвашьемъ - въ третій; въ остальные—прочіе поѣзжане. Поѣздъ трогается къ невѣстѣ.

Въ день свадьбы у невѣсты совершается слѣдующее. Одѣтая въ буднее платье, невѣста садится на лавочку въ куть и причитаетъ:

Сегодня, день сегодняшній,
Я спала да высыпаласе,
Ужъ я ждала да дожидаласе:
Отъ батюшки да побужаньица,
Отъ матушки да поклнкаиьица.
Какъ я не знаю да не вѣдаю
Не знать они меня жалѣючи,
Незнать они меня избываючи.
Вамъ Богъ Судія, да сударь батюшка,
Избудите, переживаете
Меня единымъ часомъ маленькимъ,
Маленькимъ да и коротенькимъ.
Ужъ не два свѣта разсвянутъ,
Не два солнца красныя взойдутъ,
Все безъ меня, безъ молодешеньки;
Вы скаитесь да и спокаитесь,
Опустя да пору-времячко.

Къ невѣстѣ подходятъ дѣвушки и берутъ ее подъ руки, продолжая причетъ:

Моя крестная матушка,
Рукодержавная божатушка!
Ты, моя крестная божатушка,
Ты возьми, моя божатушка,
Почерпушку посеребрянную,
Ты почерпни, моя божатушка,
Свѣтъ водицы да ключевыя,
Ты принеси, моя божатушка,
Тонко-бѣло полотеньцо:
Я посмою да молодешенька
Свое горюшко-кручинушку,
Свои слезы прегорючія.

Невѣста умываетъ себѣ лицо и руки, а потомъ причитаетъ:

Да это, слава тебѣ Господи!
Я посмыла молодешенька
Свои слезы прегорючія.

Невѣста встаетъ передъ иконами и причитаетъ:

Да вы пойдемте-ко, подруженьки,
Да среди свѣтлыя да свѣтлицы,
Да благослови-ко, Христосъ Истинный,
Мать Пресвятая Богородица!

Невѣста дѣлаетъ земной поклонъ:

Я первое поклонъ положу
За Государя милостиваго,
Ужъ я другой поклонъ положу
За Царицу милостивую,
Ужъ я третій поклонъ положу
За всю Палату Государеву,
Я еще-же поклонъ положу
За поповъ да и за дьяконовъ;
Я еще-же поклонъ положу
За государя свѣтла батюшку,
За мою родимую матушку,
За всю родню мою сердечную;
Еще-же поклонъ положу
За себя за молодешеньку:
Ужъ мнѣ создай-же, Христосъ Истинный,
Смертоньку да мнѣ скорую,
Скорую—скоропостижную;
Я глупая да не разумная,
Мнѣ въ скорби Бога не умолити,
Мнѣ помолиться молодешенькѣ
О своемъ добромъ здоровьицѣ,
Мнѣ создай-же, Христосъ Истинный,
Да доброе здоровьице
Мнѣ на день да на сегодняшній.

Невѣста садится на лавочку у передней стѣны и причитаетъ:

Да это, слава Тебѣ Господи!
Я помолилась молодешенька
О добрѣ и о здоровьицѣ.
Мои подруженьки голубушки!
Вы садитесь, бѣлы лебеди,
На брусовыя на лавочки.

Невѣста проситъ себѣ у родителей платье и „красоту" (шляпку):

Мой государь сердечный батюшка!
Моя родимая матушка!
Меня осуждають люди добрые:
Я сижу да не нарядная.
Ты принеси-ко, моя матушка,
По плечу да платье цвѣтное,
Мою дѣвичью честну красоту;
Да уряжусь я молодешенька
По старому да и попрежнему.

Мать исполняетъ просьбу дочери; послѣдняя одѣвается въ платье и красу и закрывается по лицу платкомъ:

Да это, слава Тебѣ Господи!
Я урядилась молодешенька
По старому да и по прежнему.
Моя родимая матушка,
Ты погляди, моя матушка,
Да на меня на молодешеньку:
Да каково пріурядилась,
Да на бѣло-ли набѣлилась,
На румяно-ли нарумянилась.
Мой государь сердечный батюшка!
Моя родимая ты матушка!
Вы садитесь, мои милые,
Да подъ переднее окошечко.
Ты прикажи-же, сударь батюшка,
Прійти подъ переднее окошечко,
Дай мнѣ волюшку великую
Погулять, покрасоватися.
Ты погляди-ко, сударь батюшка,
Моя родимая ты матушка,
Меня осуждаютъ люди добрые,
Что призакрыто лицо бѣлое;
Ты открой-же, сударь батюшка,
Моя родимая ты матушка!

Мать исполняетъ просьбу дочери, дочь причитаетъ:

Да это, слава Тебѣ Господи!
Мнѣ открыли лицо бѣлое,
Мою дѣвичью честну красоту.
Ты погляди-ко, сударь батюшка,
Моя родимая ты матушка,
Да вся родня моя сердечная,
Да на меня на молодешеньку:
Какъ я гуляю молодешенька
Да со подружкамъ голубушкамъ.
Ты отпусти-же, сударь батюшка,
Да на рѣку на славну Кубину;
Говорятъ да люди добрые,
Порастаяли круты бережки,
Да расцвѣла трава шелковая,
Разлилась да рѣка Кубина.
Пойдемте-ко, мои подруженьки,
Гулять по крутому по бережку,
Да въ легкой лодочкѣ кататися.

Но отецъ молчитъ.

Мои подруженьки голубушки!
У меня не своя воля великая:
Меня не спущаетъ сударь батюшка
Подалеку да расхаживати;
Только приказалъ мнѣ сударь батюшка
Ходить по свѣтлой своей свѣтлицѣ.
Ты рвись, носись-же, платье цвѣтное,
Моя дѣвичья честна красота.
Мой государь сердечный батюшка!
Моя родимая ты матушка!
Она ладитъ моя красота
Она спорхнуть да улетѣти.
Вы поднимитесь, руки бѣлыя,
Вы повздержите честну красоту
На своей буйной головушкѣ,
Развѣ сдать мнѣ свою красоту
Да государю свѣтлу батюшку
Или родимой моей матушкѣ,
Иль всей роднѣ моей сердечной?
Я не надѣюсь молодешенька
На государя свѣтла батюшка
И на родимую на матушку,
На всю родню мою сердечную;
Не сберегутъ мои родители
Моей дѣвичьей честной красоты,
Какъ не сберегъ-же сударь батюшка
Отъ чужой дальной сторонушки
Меня молодешеньку.
Лучше сдать дѣвичью красоту
Своимъ подруженькамъ голубушкамъ.
Имъ на что, моимъ подруженькамъ,
Моя дѣвичья честна красота?
Я положу-же молодешенька
Прежь себя да на окошечко;
Вы поглядите, мои милыя,
Куда полетитъ дѣвичья красота:
Она во поле, поле чистое,
Во луга, луга-ль зеленые,
Во лѣса, лѣса рубиновые;
Куда сядетъ моя красота:
Если сядетъ моя красота
На березоньку на бѣлую,

Будетъ житье да сепорядное;
Если сядетъ моя красота
На зеленую на яблоньку,
Такъ будетъ житье словно дѣвичье;
Ужъ какъ сядетъ моя красота
На горькую осинушку,
Будетъ житье да горемычное.

Прибываетъ женихъ. Отецъ подходитъ къ невѣстѣ и закрываетъ у ней лицо платкомъ.

Богъ Судія да сударь батюшка!
Призакрылъ мнѣ лицо бѣлое.
По комъ не чула да не слышала,
Не такъ болѣло мое сердечушко;
Какъ я услышала, молодешенька,
Захватило-же сердечушко,
Головушка съ плечъ покатиласе.

Отецъ встрѣчаетъ жениха. Невѣста съ подругами причитаетъ:

Мой государь сердечный батюшка!
Ты не ходи встрѣчать родню не сердечную,
Не допущай-же, сударь батюшка,
До меня до молодешеньки.
Мои подруженьки голубушки!
Да застините, бѣлы лебеди,
Вы стѣной да бѣло-каменной
Отъ удалого добра молодца.

Въ избу входитъ женихъ; онъ старается пройти къ невѣстѣ, но къ ней его не пускаютъ дѣвушки. Невѣста причитаетъ:

Послушай-ко ты, добрый молодецъ,
Вы этта-то да помалехоньку,
Вы ступайте полегохоньку
Ко батюшку во нову горницу,
Ко матушкѣ во свѣтлу свѣтлицу.
Есть три стола да наряженые:
Первый столъ во двадцать пять рублей,
Другой столъ во пятьдесятъ рублей,
Третій столъ въ сто пять рублей.
Ты не сбей-ка, добрый молодецъ,
Кушанья да сладко-сахарныя:
У тебя не хватитъ золотой казны,
Съ батюшкомъ не расплатитися.

Въ избу входятъ поѣзжане. Невѣста причитаетъ:

Мои подруженьки-голубушки!
Вы спросите, бѣлы лебеди,
Они откуда-же пріѣхали—
Изъ Москвы или изъ Питера?
Или изъ славна града Вологды?
Они по платью, платью цвѣтному
Ровно роду-то дворянскаго;
Какъ по рѣчи, по произношеньицу
Ровно роду-то церковнаго.

Женихъ снова старается подойти къ невѣстѣ.

Мои подруженьки голубушки!
Не допущайте, бѣлы лебеди,
Безъ батюшкова позволеньица
Удалого добра молодца.
Ты скажи-ко, добрый молодецъ,
Ты какую даришь дѣвицу,—
Изволь назвать её по имени.

Женихъ даритъ дѣвушкамъ пряники и конфеты, и онѣ допускаютъ его къ невѣстѣ; онъ подходитъ къ ней и вручаетъ на платье ситцу, платокъ кашемировый, мыла брусокъ и зеркало.

Невѣста принимаетъ.

Не осудите, бѣлы лебеди,
Что приняла я молодешенька
Отъ удалого добра молодца
Что приказалъ мнѣ сударь батюшка:
Мнѣ сидѣть—не отсидѣтися,
Итти дарить мнѣ молодешенькѣ.
Тебѣ добро да добро жаловать
Удалому добру молодцу.
Ужъ вы, свахоньки, свахоньки,
Переднія гостейки!
Скажите вы, мои голубушки,
Велика-ли у ихъ семеюшка—
Чтобы не сидѣть по конецъ стола дубоваго
Да не тянуть мнѣ праву рученьку?
Мы еще же у васъ спрашиваемъ:
Не гуляетъ-ли добрый молодецъ
Съ вечера да до полуночи,
Онъ не держитъ-ли добрый молодецъ
На запасъ да красной дѣвицы,—
Чтобъ не ждать мнѣ молодешенькѣ?
Ужъ вы скажите, люди добрые,
Что онъ не пьетъ-ли добрый молодецъ
До пьяна вина зелёного?
Ужъ это, слава Тебѣ Господи!
Да не стращаютъ люди добрые!

Она отдариваетъ его „утиральникомъ съ рукой".

Тебѣ добро да добро жаловать,
Изволь принять, да добрый молодецъ,
Тонко бѣло полотеньице;
Не ломайся, добрый молодецъ,
Надо мной надъ молодешенькой:
Не случилосе у батюшки
Ни атласу и ни бархату,
Только случилось полотеньицо.

Женихъ принимаетъ подарокъ и уходитъ, уходитъ и невѣста въ избу сосѣда:

Дай, государь сердечный батюшка,
Мнѣ мѣстечко преупокойное,
Чтобъ не чуяла, не слышала
Твоихъ гостей, да сударь батюшка;
Вы не надѣйтесь, люди чужіе,
Да на меня на молодешеньку:
Я прогуляю молодешенька
Изъ утра да день до вечера.
Мои подруженьки-голубушки!
Вы идите помалехоньку,
Дайте волю нагулятися.

Къ хозяину избы:

Ты, государь сердечный дядюшка,
Ты встрѣть меня, да сударь дядюшка,
На мосту да на калиновомъ.
Ужъ это, слава Тебѣ Господи!
Есть жалѣньице во ретивомъ
У родимаго у дядюшки.
Подумай-ко ты, сударь дядюшка:
Отказалъ мнѣ сударь батюшка
И отъ хлѣба, и отъ соли,
И отъ теплаго подворьица.
Государь сердечный дядюшка!
Ты проводи-ко меня, дядюшка,
На чужую на сторонушку.

Невѣста входитъ въ избу, гдѣ и совершаетъ прощаніе съ подругами. Въ избѣ родителей невѣсты на нѣсколькихъ покрытыхъ бѣлыми скатертями столахъ кладется на каждый по караваю хлѣба съ пшеничнымъ пирогомъ, разныя деревенскія яства

и водка. Отецъ невѣсты, съ поклономъ, приглашаетъ жениха и поѣзжанъ къ приготовленной закускѣ. За столы они садятся по мѣстамъ. Слѣдуетъ закуска, въ которой женихъ участія не принимаетъ. Послѣ закуски мать отъ имени невѣсты даритъ жениха и поѣзжанъ „платами", а дружку, ромѣ этого, отрывкомъ ситцу, аршина въ два, которымъ онъ затѣмъ и перевязываетъ себя черезъ плечо. Они отдариваютъ ее деньгами, кто сколько можетъ. Послѣ этого къ иконѣ Божіей Матери на божницѣ прикрѣпляютъ двѣ зажженныя восковыя свѣчи и посылаютъ за невѣстой. Она, идя къ себѣ въ избу и увидавъ впряженную въ экипажъ для нея лошадь, причитаетъ:

Ты скажи-ко, сударь батюшка,
Куда сряжаешь молодешеньку:
На торги или па ярмарку?
Можно знать да можно вѣдати:
Меня сряжаетъ сударь батюшка
Ко церкви-то да ко божественной,
Да вѣнчанію ко злаченому.
Мои подруженьки голубушки!
Вы идите помалехоньку,
Дайте волю нагулятися.
Вы не гнитесь-ко, половочки!
Да не ломайтесь, переводочки!
Не заморозь-ко, сударь батюшка,
Встрѣть со Божіею милостью!
Ужъ это, слава Тебѣ Господи!
Видно есть еще жалѣньицо
Во ретивомъ во сердечушкѣ
У государя свѣтла батюшка.

Невѣста входитъ въ избу.

Ужъ я не много погуляла,
Да много прогуляла.
Все въ избѣ-то не по старому:
На столахъ да все по скатерти,
По два хлѣба бѣлоситніе,
Среди стѣны-то бѣлокаменной
Стоитъ Пресвятая Богородица,
Премь нея двѣ свѣчи да воску ярого.
Такъ я не знаю, молодешенька,
Которому Богу молитися:
Мнѣ молитися молодешенькѣ
Старому Богу по старому,
Новому Богу по новому.
Явленная свѣтъ-Богородица!
Ты явись-ко, Богородица,
Прежде меня на чужую сторону.
Мой государь сердечный батюшка,
Моя родимая матушка!
Не прошу у васъ я, батюшка,
Ни имѣнія, ни богатства,—
Дайте мнѣ благословеньице
Сѣсть за столы да за дубовые.

Къ ней подходятъ ея родители и духовная мать и благословляютъ иконою; отецъ надѣваетъ на указательный палецъ правой руки невѣсты серебряное кольцо. Она причитаетъ:

Мой государь сердечный батюшка!
Тебѣ на что же права рученька?
На моей па правой рученькѣ
Не письма да написаны,
Да не печати напечатаны.
Не сдавай-же, сударь батюшка,
Съ легкихъ рукъ да на тяжелыя,
Что крѣпки руки желѣзныя.

Тебѣ Богъ судія да сударь батюшка.
Прилипаешь ручку бѣлую
Ко перстю да ко злаченому,
Прижимаешь ножку рѣзвую
Ко полу да ко кирпичному.

Невѣста покидаетъ подругъ и садится за столъ рядомъ съ женихомъ. Собравшіяся въ избѣ бабы и дѣвушки поютъ пѣсни, и вотъ какія. Въ честь жениха:

Во кремлѣ было во городѣ
Да на горѣ, на красномъ золотѣ,
Тутъ хорошъ былъ князь молодой,
Тутъ пригожъ былъ князь молодой.
У его-же очи ясныя,
Какъ у яснаго у сокола;
У его-же брови черныя,
Какъ у соболя у чернаго.
Ты чуешь-ли, князь молодой,
Да разумѣешь-ли, князь молодой:
Ужъ ты станешь насъ дарить—
Ужъ мы станемъ тебя хвалить;
Ужъ ты не станешь насъ дарить—
Мы не станемъ тебя хвалить.

Въ честь невѣсты:

Отставала лебéдушка
Отъ стада лебединаго;
Приставала лебéдушка
Ко стаду сѣрыхъ гусей;
Начали гуси клевать ее.
Вы не клюйте, сѣры гуси,—
Не сама залетѣла—погодою.
Отставала дѣвушка
Отъ подружекъ голубушекъ;
Приставала дѣвушка
Ко чужимъ-добрымъ людямъ;
Начали её чужіе люди
Журить-бранить.
Не браните, чужіе люди,—
Я не сама къ вамъ иду,
По большой по неволюшкѣ.

Въ честь тысяцкаго:

Тысяцкій хорошенекъ;
На тысяцкомъ
Рубашка „мовчáновская",
Какъ на тысяцкомъ
Штаны бархатные;
На тысяцкомъ
Сапожки сафьяновые;
На тысяцкомъ
Жулетка шелковая;
На тысяцкомъ
Тулупъ васильковаго сукна,
Кушакъ поперечный шелковый,
На концахъ-то съ мишурой;
На немъ шапочка съ перомъ,
Да рукавицы съ серебромъ;
На немъ шапочка смѣется,
Да рукавицы говорятъ,
Да дарить бабъ онѣ велятъ;
Ты подвинься къ намъ:
Мы пропустимъ въ рай.
Какъ у насъ про тебя
Есть стклянница вина,
Да еще пива ендова.
Да еще блюдо пироговъ,—
Ужъ ты ѣшь пироги;
Деньги, пряники клади,
Да красныхъ дѣвушекъ дари.

Въ честь свахи и подсваньи:

Какъ во славномъ было поѣздѣ
У молодого князя Николая Николаевича
Хороши были вы, свахоньки!
Тутъ пригожи были свахоньки:
У нихъ очи, очи ясныя
Какъ у сокола у яснаго;

У нихъ брови, брови черныя,
Какъ у соболя у чернаго.
Вы чуете-ли, свахоньки,
Разумѣете-ли, свахоньки,
Ужъ вы станете насъ дарить—
Ужъ мы станемъ васъ хвалить;
Ужъ вы не станете насъ дарить—
Мы не станемъ васъ хвалить.

Въ честь остальныхъ поѣзжанъ поется каждому отдѣльно, съ перемѣной имени и отчества, слѣдующая пѣсня:

Какъ во славномъ было поѣздѣ
У молодого князя Николая Николаевича
Тамъ хорошъ былъ Александръ молодецъ,
Тамъ пригожъ былъ Александръ молодецъ.
Онъ знаетъ, какъ денежку нажить,
Да разумѣетъ красныхъ дѣвокъ подарить:
Не по рублю, не по полтинѣ—
По одной по старой гривнѣ.

За пѣсни они дарятъ бабъ и дѣвушекъ деньгами, кто сколько можетъ. Наконецъ къ жениху подходятъ мѣстные крестьяне, съ просьбою „на мечъ!" Обыкновенно онъ даетъ имъ денегъ на полведра водки. Когда все это совершится, женихъ беретъ невѣсту за руку и они идутъ на улицу; женихъ садится въ приготовленный для него экипажъ, а невѣста подаетъ ему вожжи въ руки, потомъ сама садится въ свой экипажъ; рядомъ съ ней помѣщается ея крестная мать. Всѣ ѣдутъ въ храмъ. По пріѣздѣ въ храмъ, совершается обрядъ вѣнчанія, во время котораго наблюдается слѣдующее: невѣста старается вступить первою на подножникъ, чтобы властвовать надъ мужемъ; во время пѣнія пѣсни: „Исаія ликуй", она смотритъ черезъ плечо на запрестольныя свѣчи и замѣчаетъ, какъ онѣ горятъ,—если онѣ горятъ ярко, то будетъ невѣстѣ хороша жизнь въ замужествѣ. Послѣ вѣнчанія иногда бываетъ въ мірской келіи закуска, на которую приглашается причтъ. Затѣмъ поѣздъ ѣдетъ въ домъ жениха. Иногда, когда въѣзжаютъ въ поле жениха, невѣста обращается къ нему съ вопросомъ: „это чье поле?" Если онъ знаетъ истинную цѣль такого вопроса, то отвѣчаетъ: „послѣ узнаешь", а если не знаетъ, то говоритъ: „поле наше"; при послѣднемъ отвѣтѣ невѣста тихо произноситъ, три раза: „поле-то ваше, да воля-то будетъ наша." Новобрачныхъ встрѣчаютъ родители въ сѣняхъ дома, куда они первые въѣзжаютъ въ экипажѣ по взъѣзду, гдѣ таковой есть; ихъ благословляютъ иконою и хлѣбомъ-солью. Затѣмъ новобрачные входятъ въ избу; при входѣ, иная невѣста примѣчаетъ, какъ ей будетъ въ этотъ моментъ казаться въ избѣ

высоко или низко, и дѣлаетъ выводъ: если высоко, то хороша, а низко, то худа ей будетъ жизнь въ замужествѣ. Лѣтъ тридцать тому назадъ, въ нѣкоторыхъ деревняхъ, мать жениха встрѣчала иногда новобрачныхъ, одѣтая въ шубу шерстью вверхъ; этому придавали смыслъ суровости и взыскательности ея къ невѣсткѣ. Въ избѣ садятъ новобрачныхъ за столъ и однихъ только ихъ поятъ чаемъ. Послѣ чаю готовится уже общее пиршество, для чего въ избѣ ставится нѣсколько накрытыхъ бѣлыми скатертями столовъ, на которые нанашиваются пироги, чай, водка и пиво. Кромѣ новобрачныхъ и поѣзжанъ, за столы садятся „коробейники“ (родственники невѣсты, пріѣхавшіе съ ея платьемъ и бѣльемъ). Въ началѣ пиршества къ новобрачнымъ подходятъ мѣстныя крестьянки и поютъ пѣсню:

Ельникъ березникъ то-ли не дрова,
то-ли не дрова:
У Александрушка Марьюшка то-ли не
жена, то-ли не жена.
Шелковая ленточка къ спинкѣ льнетъ,
къ спинкѣ льнетъ:
Александрушко Марьюшку къ сердцу
жметъ, къ сердцу жметъ;
Жметъ-пожимаетъ, выспрашиваетъ,
выспрашиваетъ:
Ты скажи-ко, кто въ роду милъ?
Милъ-то милешенекъ—батюшка-матушка,
Ты—моя; неправда—твоя.
Неправду ты судишь,
Небыль говоришь, мое сердце томишь.

Во время пѣнія невѣста и сваха стоятъ и кланяются; за пѣсню вручается крестьянкамъ пирогъ и бутылка водки. Пиршество продолжается около пяти часовъ. Сначала бываетъ чай съ закускою, а потомъ похлебка. Послѣ этого „коробейники“ уѣзжаютъ домой. По отъѣздѣ коробейныхъ, новобрачные пьютъ чай и закусываютъ, а затѣмъ отводятся свахами на брачную постель, гдѣ и оставляются одни. Невѣста раздѣваетъ жениха, а потомъ и сама раздѣвается и просится на постель у жениха; два раза онъ отказываетъ, а на третій разъ приглашаетъ ее къ себѣ. Тогда женихъ иногда говоритъ невѣстѣ загадки: „изголо́вье низко“, (она должна положить руку на подушку), „пить хочу“ (она должна поцѣловать его).

На другой день утромъ поѣзжане встаютъ не рано, а новобрачные еще позднѣе. Сперва совершается обрядъ омовенія. Происходитъ онъ такъ: невѣстина сваха наливаетъ въ умывальникъ воды, а возлѣ него кладетъ мыло; невѣста стоитъ съ полотенцемъ въ рукѣ. Къ умывальнику подходитъ женихъ, умы-

ваéтъ себѣ лицо и руки и утирается полотенцемъ невѣсты; также другъ за другомъ умываются тысяцкій, большой баринъ, дружка и остальные гости. Всѣ они при этомъ дарятъ невѣсту деньгами, кто сколько можетъ. Послѣ этого „молодые" ѣдятъ „олáшки" и пьютъ чай съ гостями. Пріѣзжаетъ отецъ невѣсты. Слѣдуетъ пиршество, носящее общее названіе „Рáдошный столъ"; кончается оно къ вечеру. Послѣ этого отецъ невѣсты приглашаетъ къ себѣ въ гости новобрачныхъ, ихъ родителей и всѣхъ гостей. Въ домѣ родителей невѣсты бываетъ также пировка, послѣ которой новобрачные остаются на ночь, а остальные уѣзжаютъ домой. На слѣдующій день невѣста окончательно водворяется въ домѣ своего мужа.

А. Д. Неуступовъ.

Имя былинной кіевской княгини.

Въ моихъ „Экскурсахъ“ [1]), а затѣмъ въ одномъ изъ моихъ „Очерковъ“—Былина о Батыѣ [2])—я старался уяснить, въ силу какого процесса въ народной эпикѣ кіевская княгиня, безсмѣнная жена безсмѣннаго князя Владиміра получила имя рязанской княгини Евпраксіи, прославленной въ старинныхъ сказаніяхъ о нашествіи Батыя, причемъ самое имя совершенно отдѣлилось отъ исторической личности, носившей его. „Типъ вѣрной жены,—сказалъ я въ Экскурсахъ,—угрожаемой сластолюбивымъ царемъ и кончающей жизнь самоубійствомъ при извѣстіи о смерти мужа, перешелъ въ нашемъ эпосѣ къ Василисѣ, женѣ Данилы Ловчанина [3]), а имя—одно безъ всякихъ другихъ чертъ, оторванное отъ исторической княгини,—прикрѣпилось къ женѣ князя Владиміра, полной противоположности исторической Евпраксіи по нравственнымъ свойствамъ. Очевидно, это могло произойти значительно позже XIII-го вѣка, когда имя Евпраксіи уже было отдѣлено отъ историческаго событія, связаннаго съ нимъ, когда оно уже ничего не говорило народному воображенію, кромѣ того, что это была какая-то *извѣстная* княгиня, чѣмъ-то и когда-то прославившаяся. А такъ какъ въ эпосѣ единственной княгиней является жена былиннаго князя Владиміра (какъ онъ самъ—единственнымъ княземъ), то немудрено, что какой-нибудь слагатель, а за нимъ другіе, назвали эту княгиню именно Апраксіей, (Опраксіей)“. Сохраненіе въ нашихъ былинахъ имени Опраксы и замѣчательное сходство сюжета былины о Данилѣ Ловчанинѣ и Василисѣ съ лѣтописнымъ сказаніемъ о князѣ Өеодорѣ и его женѣ княгинѣ Евпраксіи свидѣльствуетъ о томъ, что въ болѣе раннемъ періодѣ нашего эпоса въ немъ была популярна *пѣсня*

---

[1]) Экскурсы въ область русскаго народнаго эпоса. 1892 стр. 26, 27.

[2]) Очерки русской народной словесности 1897, стр. 305—327.

[3]) Въ былинѣ Маркова № 48 лицо, соотвѣтствующее Данилѣ Ловчанину, носитъ имя Борисъ Романовичъ.

о гибели Өеодора и Евпраксіи при нашествіи Батыя на рязанскую землю [1]). Наше объясненіе происхожденія имени былинной Опраксы, насколько знаю, не вызвало возраженій со стороны изслѣдователей русскаго эпоса и, повидимому, можетъ считаться установившимся. Если я снова возвращаюсь къ вопросу объ имени жены князя Владиміра, то съ болѣе спеціальной цѣлью, а именно, просматривая всѣ извѣстные въ былинахъ варіанты этого имени, мы убѣдимся, что не всѣ они могутъ быть объяснены лишь случайными искаженіями имени Евпраксіи. Для объясненія нѣкоторыхъ варіантовъ, повидимому, слѣдуетъ искать другого основанія. Въ нашихъ былинахъ встрѣчаются слѣдующія формы имени кіевской княгини: *Опраксія* [2]), *Опраксея* [3]), *Апраксія* [4]), *Апраксея* [5]), *Опракса* [6]), *Апракса-княгина* [7]), *Апракси-королевична* [8]), *Феракса королевична* [9]), *Апраксайна* [10]), *Апраксейна* [11]), *Апраксина* [12]), *Абраксина* [13]), *Апраксѣевна* [14]), *Апраксенія* [15]), *Опраксимья* [16]), *Афросинья* [17]), *(Апросинья)*. Замѣчу сейчасъ-же, что церковное имя Евпраксія встрѣчается только однажды, въ былинѣ, записанной въ с. Павловѣ нижегород. губ. Е. Фаворскимъ [18]), и, быть можетъ, переправлено записывателемъ на книжный ладъ. Разсматривая въ приведенной послѣдовательности перечисленные варіанты, мы замѣчаемъ, что первые 8 представляютъ несомнѣнныя иска-

---

1) „Очерки“ стр. 322.
2) *Гильфердингъ*, столб. 304, 368, 501. *Рыбниковъ* I стр. 98.
3) *Тихонр.-Миллеръ* II № 32, стр. 106.
4) *Гильфердингъ*, столб. 411. *Рыбниковъ*. I, стр. 135, 335.
5) *Тих.-Мил.*, II № 32, стр. 106.
6) *Гильфердингъ*, 556, 570. *Рыбниковъ* I стр. 114, 144.
7) *Гильфердингъ*, столб. 732. *Рыбниковъ*, III, 29.
8) *Гильфердингъ*, столб. 1216.
9) *Рыбниковъ*, III, стр. 99.
10) *Тих.-Мил.*, I, стр. 16, 24.
11) *Марковъ*, стр. 335.
12) *Тих.-Мил.*, II, № 17, ст. 32; № 21, ст. 33; № 22 ст. 5.
13) *Гильф.*, 876, *Кирѣев.* IV, стр. 50.
14) *Кир.*, I, 46, II, 22, III, 79.
15) *Марковъ*, стр. 334.
16) *Гильфердингъ*, 590.
17) *Кирша Даниловъ*, изд. И. Пуб. биб. стр. 37 *Н Ончуковъ*. Печорскія былины. изд. отд. русс. яз. и слов. И. А. Наукъ, т. VII, кн. 2, стр. 342, 344.
18) *Кирѣевскій*, II, стр. 15.

женія имени *Евпраксія;* слѣдующія за ними, начиная съ Апраксайны, вводятъ окончанія съ звукомъ *н*, сохраняя еще два первые слога того же имени: *Апраксейна*, *Апраксина*, *Абраксина*.

Къ этой же ступени, повидимому, принадлежитъ форма *Апраксьевна*, если предположить, что это *отчество* отъ неупотребительнаго мужского имени появилось изъ стремленія осмыслить невразумительныя формы въ родѣ *Апраксайна*, *Апраксейна*. Въ дальнѣйшихъ формахъ — *Апраксенія*, *Опраксимья* — во второй ихъ половинѣ (—сенія—симья) уже ясно чувствуется вліяніе другого женскаго имени, которое является у Кирши Данилова и въ записяхъ г. Ончукова на Печорѣ въ своемъ правильномъ видѣ—*Афросинья*, т. е. *Евфросинія*. Я склоненъ думать, что на средніе варіанты, прикрѣпившіе къ имени Опракса окончаніе—айна, ейна,—ина,—енья—имья, что дало исходъ сайна,— сейна,— сина, — сенія, — симья, оказалъ звуковое вліяніе другой *основной* варіантъ имени кіевской княгини, т. е. я предполагаю, что былинамъ уже въ старину, кромѣ имени *Опраксіи*, извѣстно было имя *Офросиніи*, какъ имя кіевской княгини. Между обоими именами происходили въ устахъ сказателей компромиссы, отразившіеся въ былинныхъ варіантахъ, но имя Опраксіи превозмогло и, можно сказать, установилось въ нашемъ былинномъ эпосѣ. Является однако вопросъ, какимъ путемъ могло имя Евфросиніи (Офросиньи) стать въ прежнемъ періодѣ эпическимъ и быть дано женѣ князя Владиміра, или, другими словами, имя какого историческаго лица могло сохраниться въ нашихъ былинахъ въ варіантѣ *Офросинья*. Аналогія имени Опраксіи показываетъ, что въ эпосѣ нѣтъ необходимости искать непремѣнно сходства былиннаго лица съ историческимъ, носившимъ то же имя. Имя историческаго лица могло стать эпическимъ въ силу прежней широкой извѣстности этого лица, хотя бы реальныя черты исторической личности уже давно исчезли изъ народной памяти. Историческія имена держатся вообще гораздо прочнѣе, чѣмъ связанныя съ ними преданія, подвергающіяся въ теченіе временъ радикальной передѣлкѣ, смѣшенію и полному забвенію.

Прилагая это наблюденіе къ рѣшенію нашего вопроса, думаю, что историческимъ лицомъ, имя котораго стало эпическимъ и было таковымъ въ теченіе нѣкотораго періода, была знаменитая полоцкая княжна преподобная Евфросинія, основательница (до-

нынѣ существующаго) женскаго монастыря Спасо-Евфросиніевскаго близъ Полоцка. Напомню нѣкоторыя черты ея жизни, хотя, повторяю, ни одна изъ нихъ не отразилась въ былинномъ обликѣ кіевской княгини. Св. Евфросинія, въ міру Предслава, была дочерью князя Георгія, одного изъ сыновей знаменитаго полоцкаго князя Всеслава Брячиславича, изображаемаго въ гиперболическихъ чертахъ авторомъ Слова о Полку Игоревѣ. Пространная извѣстная въ рукописяхъ „Повѣсть житія и преставленія святыя и блаженныя и преподобныя Евфросиніи“ [1]) витіеватымъ слогомъ сообщаетъ главные моменты ея святой жизни. Предслава [2]) была отроковицей мудрой и прекрасной. „Вѣсти же, разшедшейся по всѣмъ градомъ о мудрости ея и о блазѣмъ ученіи ея и о тѣлеснѣй утвари,—бѣ бо лѣпа лицомъ, красота же ея многи славныя князи на любленіе приведе ко отцу ея: кождо ихъ тщащеся, дабы пояти ю въ жену сыну своему, и всѣмъ часто присылающимся къ отцу ея, онъ же отвѣщаваше: „воля Господня да будетъ“. Однако благочестивая дѣвица, проводя дни въ молитвѣ, не помышляла о земномъ женихѣ и тайно отъ отца ушла въ монастырь къ игуменьѣ вдовѣ князя Романа, которая, убѣдившись въ непреклонности ея рѣшенія, постригла ее подъ именемъ Евфросиніи. Послѣ пребыванія въ монастырѣ Евфросинія, съ разрѣшенія епископа Иліи, жила затворницей въ „голбцѣ каменнѣ“ въ церкви св. Софіи въ Полоцкѣ, соблюдая суровый постъ и занимаясь списываніемъ книгъ.

Получивъ во снѣ видѣніе, еп. Илія передалъ Евфросиніи церковь Спаса въ Сельцѣ съ мѣстомъ, принадлежавшимъ этой церкви. Поселившись здѣсь, блаженная просила отца своего прислать ей младшую сестру Городиславу для книжнаго наученія и постригла ее подъ именемъ Евдокіи. Къ Евфросиніи затѣмъ пришла чтобы постричься княжна Звенислава Борисовна, получившая при постриженіи имя Евпраксіи. На принесенныя ею средства Евфросинія построила каменную церковь Спаса и затѣмъ каменную же Пресвятой Богородицы.

---

[1]) См. эту „повѣсть“ въ „Памятникахъ старинной русской литературы“. Вып. IV, стр. 172—179, гдѣ она издана по сборнику XVI в. Троицкой Лавры. Житіе св. Евфросиніи у св. Димитрія Ростовскаго подъ 23 мая. См. также *Филарета*—Русскіе святые, май, стр. 173.

[2]) Въ „Житіяхъ“ св. Димитрія Ростовскаго *Предислава*.

Устроивъ и украсивъ оба храма при дѣвичьемъ монастырѣ, она пожелала получить для второго древнюю святыню, икону Богородицы Одигитріи и, пользуясь своимъ родствомъ съ византійскимъ императоромъ, знаменитымъ Мануиломъ Комниномъ [1]), отправила къ нему и патріарху Лукѣ своего посланнаго съ дарами, чтобъ просить у нихъ одну изъ трехъ иконъ Богородицы, писанныхъ, по преданію, евангелистомъ Лукой и находившихся въ Царьградѣ, Іерусалимѣ и Ефесѣ. Императоръ снизошелъ на просьбу Евфросиніи и даровалъ ей ефесскую икону, которая и была перевезена и поставлена въ построенномъ сю храмѣ. Устроивъ въ Полоцкой землѣ еще нѣсколько монастырей, Евфросинія рѣшила отправиться въ Іерусалимъ, поклониться Гробу Господню и окончить жизнь въ святой землѣ.

Житіе описываетъ ея наставленія покидаемымъ сестрамъ, проводы, сопровождаемые плачемъ родныхъ и инокинь, пребываніе въ Царьградѣ, прибытіе въ Іерусалимъ, гдѣ она поселилась „у св. Богородицы въ русскомъ монастырѣ", посѣщеніе Гроба Господня, затѣмъ продолжительную болѣзнь ея и праведную кончину 23-го мая. Впослѣдствіи мощи святой были перевезены на Русь и погребены въ Кіевскихъ пещерахъ [2]). Приведенныя черты жизни полоцкой княжны блаженной Евфросиніи XII-го вѣка (1101—1179), вошедшія изъ устныхъ преданій въ „Повѣсть" о ней, были уже основательно забыты въ народѣ, когда имя ея было введено въ эпическія пѣсни и дано кіевской княгинѣ, женѣ Владиміра. Какъ о рязанской княгинѣ Евпраксіи, такъ и о полоцкой Евфросиніи слагатели былинъ знали только, что это были знаменитыя женщины княжескаго рода. Но, быть можетъ, одна черта, прикрѣпленная къ былинной Афросиньѣ, представляетъ историческій отголосокъ. Въ былинѣ Кирши Данилова „О женитьбѣ Владиміра [3])" привезенная невѣстой Владиміру *Афросинья* королевишна названа дочерью *грознаго короля Етмануила Етма-*

---

[1]) Отдаленное родство это состояло въ томъ, что жена Брячислава, двоюроднаго брата Евфросиніи, внучка Владиміра Мономаха, была сестрою супруги Іоанна Комнина, отца Мануила. О связяхъ съ византійскимъ дворомъ свидѣтельствуетъ и то, что отецъ Евфросиніи (Ростиславъ-Георгій) былъ нѣкоторое время въ изгнаніи въ Царьградѣ.

[2]) *Барсуковъ.*—Источники русской агіографіи со ссылкой на Сергія (II, 136).

[3]) Изд. И. публ. библіотеки подъ редакціей П. Шефера, стр. 36—41.

нуиловича. Я уже въ „Очеркахъ" [1]) высказалъ предположеніе (вслѣдъ за другими изслѣдователями), что имя Етмануила объясняется давней памятью о царѣ Мануилѣ Комнинѣ, котораго блестящее, воинственное царствованіе произвело на современниковъ, въ томъ числѣ на русскихъ, сильное впечатлѣніе, особенно въ предѣлахъ юго-западной Руси. „На это, говорилъ я, имѣемъ даже прямыя указанія. Въ XIII вѣкѣ книжныя сказанія уже дѣлали Мануила современникомъ Владиміра Мономаха, и авторъ „Словао погибели Русской земли", прославляя могущество этого князя, обронилъ для насъ слѣдующее драгоцѣнное для исторіи нашего эпоса указаніе: „И жюръ (т. е. куръ) Мануилъ ц̃регородскый опасъ имѣя, поне и великыя дары посылаша к нему, абы подъ нимъ великый кн̃зь Володимеръ ц̃ря города не взялъ [2])". Можно думать, что имя Мануила особенно было популярно въ галицкихъ народныхъ разсказахъ: едва ли простую случайность можно видѣть въ томъ, что именно въ пѣсняхъ о Романѣ (въ которомъ мы вмѣстѣ съ проф. Ждановымъ видимъ Романа Галицкаго) похититель жены Романовой носитъ имя Мануила Ягайловича... Припомнимъ далѣе вмѣшательство Мануила въ русскія церковныя дѣла, когда онъ письмомъ убѣждалъ князя Ростислава назначить митрополитомъ грека. Припомнимъ занесенное въ Новгородскую (3-ю) лѣтопись сказаніе, также зашедшее къ намъ изъ Византіи, о наказанной гордости этого же царя и о томъ, какъ онъ написалъ образъ Спасителя, извѣстный подъ именемъ золотой ризы [3])". Припомнимъ далѣе сношенія Мануила съ галицкимъ княземъ Ярославомъ Осмомысломъ, съ кіевскимъ Ростиславомъ, пребываніе бѣглаго двоюроднаго брата Мануилова, царевича Андроника, при дворѣ Ярослава, припомнимъ пріютъ, данный Мануиломъ у себя изгнаннымъ братьямъ кн. Андрея Боголюбскаго и нѣкоторыя другія черты византійско-русскихъ отношеній въ царствованіе Мануила. Все это достаточно мотивируетъ громкую извѣстность этого императора на Руси въ XII вѣкѣ

---

[1]) „Очерки", стр. 115.

[2]) Вслѣдствіе смѣшенія разныхъ Владиміровъ (Святого, Мономаха, Владиміра Васильковича, Владиміра Волынскаго см. „Очерки", стр. 279, 133) въ нашемъ эпосѣ, немудрено, что по былинѣ Етмануилъ является современникомъ Владиміра Краснаго Солнышка.

[3]) „Очерки", стр. 115.

и возможность проникновенія его имени въ эпическую пѣсню изъ народныхъ преданій. Въ имени короля Етмануила мы имѣемъ, вѣроятно, искаженіе литературной формы *Эммануилъ*, вызванное, можетъ быть, извѣстнымъ въ позднѣйшее время словомъ *гетманъ*. Во всякомъ случаѣ едва ли можно объяснить просто случайностью, что въ преданіе о княжнѣ Евфросиніи Полоцкой занесенъ царь Мануилъ, подарившій ей извѣстную икону и впослѣдствіи (какъ свидѣтельствуетъ „повѣсть"), встрѣтившій ее во время ея путешествія въ своихъ владѣніяхъ, а въ былинѣ невѣста кн. Владиміра является дочерью короля Етмануила Етмануиловича.

Остается еще вопросъ, въ какомъ хронологическомъ отношеніи находятся между собою оба имени былинной кіевской княгини, т. е. которое изъ обоихъ именъ—Евфросинья или Евпраксія—раньше вошло въ эпическій оборотъ. Думаемъ, что первое, на основаніи слѣдующихъ соображеній. Во первыхъ, по времени жизни, а слѣдовательно и по началу извѣстности въ народномъ преданіи, Евфросинія, какъ женщина княжескаго рода, жившая въ XII вѣкѣ, предшествовала княгинѣ Евпраксіи, погибшей во времена Батыева нашествія на Рязань въ 1237 году. Во вторыхъ, имя Евфросиньи, какъ имя жены Владиміра, въ былинахъ отживаетъ свой вѣкъ, будучи почти вытѣснено именемъ Опраксіи, и сохранилось только въ записи XVIII-го вѣка (Кирши Данилова) и въ захолустномъ былинномъ уголкѣ на берегахъ Печоры (былина г. Ончукова). Повидимому, такимъ образомъ именемъ болѣе позднимъ было вытѣснено имя болѣе ранняго періода. Особенно ярко это вытѣсненіе въ приведенной былинѣ Кирши Данилова („О женитьбѣ Владиміра"), въ которой невѣста, привезенная Владиміру, въ первой половинѣ былины, гдѣ рѣчь идетъ объ ея привозѣ Екимомъ Ивановичемъ, называется Афросиньей, дочерью Етмануила Етмануиловича, а во второй половинѣ былины, гдѣ разсказывается, какъ Дунай, женившійся на сестрѣ Афросиньи поляницѣ Настасьѣ королевичнѣ, состязается съ женой въ стрѣльбѣ и убиваетъ ее, кіевская княгиня уже переименована въ Апраксѣвну [1]). Въ одномъ изъ „Очерковъ" я высказалъ предположеніе [2]), что конечный эпизодъ былины о женитьбѣ

[1]) Изд. И. Публ. библ., стр. 42.

[2]) „Очерки", стр. 134, 135.

Дуная и Владиміра—состязаніе въ стрѣльбѣ, смерть мужа и жены и обращеніе ихъ въ рѣки,—существовалъ какъ отдѣльная пѣсня, которая была впослѣдствіи прикрѣплена къ женитьбѣ Дуная, вслѣдствіе совпаденія названія этого богатыря съ рѣкой. Такое прикрѣпленіе подтверждается и тѣмъ, что кіевская княгиня, носившая въ *этой* пѣснѣ имя Апраксіи, не была, какъ это часто бываетъ при спайкѣ разныхъ пѣсенъ, переименована въ Афросинью, какъ зовется та же личность въ былинѣ о женитьбѣ Владиміра. Въ третьихъ, подъ нѣкоторымъ сомнѣніемъ, въ пользу первичности имени Офросиньи, можетъ быть приведено и слѣдующее соображеніе. Въ былинѣ о привозѣ невѣсты Владиміру Добрыней, Екимомъ и проч., какъ давно уже предполагаютъ изслѣдователи эпоса, отразился въ эпической обработкѣ историческій фактъ—женитьба юнаго князя Владиміра на Полоцкой княжнѣ Рогнѣдѣ, устроенная Добрыней. Быть можетъ, поэтому не случайно другая, тоже *полоцкая,* княжна—Евфросинья—въ эпосѣ является женою кн. Владиміра. Имя Офросиньи могло быть дано женѣ Владиміра не только потому, что оно принадлежало знаменитой княгинѣ, но, быть можетъ, и потому, что оно было тѣсно связано съ Полоцкомъ, откуда, по глухимъ воспоминаніямъ, князь Владиміръ взялъ себѣ съ боя жену, княжескую дочь, при помощи Добрыни. Съ другой стороны, объ Евфросиніи могла напоминать и могила ея, показываемая въ Кіевѣ въ Ѳеодосіевыхъ пещерахъ.

Вышеприведенныя соображенія, убѣдительность которыхъ я вовсе не склоненъ преувеличивать, имѣли цѣлью объяснить появленіе имени Офросиньи, какъ имени жены былиннаго князя Владиміра въ нашемъ эпосѣ. Смущаться тѣмъ обстоятельствомъ, что личность, носящая имя Офросиньи, по своимъ нравственнымъ свойствамъ не имѣетъ ничего общаго съ исторической праведницей Св. Евфросиньей, нѣтъ никакого основанія. Вѣдь и супругъ Офросиньи былинный Владиміръ по тѣмъ же свойствамъ далекъ отъ историческаго Владиміра, святого и равноапостольнаго. И въ томъ и другомъ случаѣ передъ нами не историческія личности, а лишь княжескія имена, ставшія эпическими, въ силу славы лицъ, нѣкогда ихъ носившихъ.

Всев. Миллеръ.

Деревенскія пѣсни и пѣвцы.

Изъ поѣздки по Новгородской губ.: по уѣздамъ Череповецкому, Бѣлозерскому и Кирилловскому [1]).

Поѣздка моя лѣтомъ 1901 года въ Новгородскую губернію устроилась совсѣмъ неожиданно, главнымъ образомъ благодаря любезности одного американца. Еще въ Америкѣ, во время нашихъ концертовъ, я познакомилась съ однимъ американцемъ м-ромъ Крэномъ, который усердно посѣщалъ концерты и очень интересовался какъ русской музыкой, такъ и Россіей вообще. Оказалось, что онъ уже нѣсколько разъ былъ въ Россіи, которая привлекала его своеобразностью природы и жизни, несмотря даже на то, что, благодаря свойственной американцамъ наивности по отношенію къ паспортной системѣ, которой у нихъ не существуетъ, въ первыя же двѣ поѣздки ему пришлось испытать нѣкоторыя шероховатости нашего строя. Въ первую свою поѣздку онъ затерялъ паспортъ и попалъ въ очень неловкое положеніе, изъ котораго съ трудомъ выпутался. Собираясь въ Россію во второй разъ, онъ рѣшилъ быть осторожнѣе и взялъ два паспорта. Въ дорогѣ онъ встрѣтилъ американца, который ѣхалъ въ Россію въ первый разъ и не имѣлъ никакого вида. Желая оказать услугу своему соотечественнику, м-ръ Крэнъ предложилъ ему одинъ изъ своихъ паспортовъ, и такимъ образомъ въ Россіи очутилось два американца, путешествующіе подъ однимъ именемъ. Каждый русскій легко можетъ представить себѣ, къ какимъ осложненіямъ это привело: м-ръ Крэнъ попалъ еще въ худшее положеніе, чѣмъ въ первый разъ.

---

[1]) Читано въ соединенномъ засѣданіи Этнографическаго Отдѣла И. О. Л. Е., А. и Э. и состоящей при Отдѣлѣ Музыкально—Этнографической Комиссіи 3 мая 1902 года. *Ред.*

Но интересъ его къ Россіи былъ выше какихъ-нибудь мелкихъ неудачъ. Онъ обладаетъ необыкновенной способностью подмѣчать положительную сторону каждаго явленія, а потому и въ русской жизни онъ сумѣлъ уловить свѣтлыя, привлекательныя стороны въ искусствѣ, въ литературѣ, въ народномъ творчествѣ, и сдѣлался ихъ ревностнымъ поклонникомъ.

Представился случай, и м-ръ Крэнъ заявилъ свое сочувствіе къ русскому искусству на дѣлѣ посредствомъ своего вліянія въ американскихъ финансовыхъ сферахъ.

Вотъ на этой почвѣ и возникла нѣкая спорная сумма, которая, по моему убѣжденію, принадлежала м-ру Крэну; онъ же утверждалъ, что нѣтъ. Когда прошлой зимой я послала ему эту сумму въ Чикаго, м-ръ Крэнъ не согласился взять ее, а, удвоивъ, отправилъ обратно въ Россію, предсѣдателю Геогр. Об-ва, П. П. Семенову, назначивъ ее спеціально на дѣло собиранія пѣсенъ, а Пѣсенная Коммиссія предоставила ее мнѣ, поручивъ сдѣлать пѣсенное изслѣдованіе въ Новгородской губерніи. Вотъ объ этой-то поѣздкѣ я и хочу разсказать.

Опять я провела нѣсколько мѣсяцевъ въ погонѣ за пѣснями. Много деревень пришлось мнѣ проѣхать этимъ лѣтомъ, такъ много, что мнѣ начинало казаться, ужъ не одна ли огромная деревня вся Россія? И опять, еще сильнѣе, чѣмъ прежде, я чувствую, какъ мало сдѣлано, какъ много спѣшной, неотложной работы впереди. Съ каждой новой поѣздкой, послѣ которой я привожу десятки, даже сотни интересныхъ записей, я съ ужасомъ думаю, что этотъ драгоцѣнный источникъ скоро изсякнетъ, исчезнетъ подъ новыми наслоеніями, и все сильнѣе сознаю слабость личныхъ усилій, убѣждаюсь все болѣе, что нужна громадная коллективныя энергія, неустанная, изъ года въ годъ, нужны цѣлыя фаланги собирателей.

Пока есть еще время. Несмотря на то, что строгую, старинную пѣсню всѣми силами выживаетъ нелѣпая и нескладная пѣсня, которую фабричная молодежь несетъ изъ города, еще есть по деревнямъ старики и старухи, хранящіе въ душѣ своей остатки народнаго пѣсеннаго творчества. Когда удается разспросами о старинныхъ пѣсняхъ расшевелить въ нихъ воспоминанія юности, они забываютъ тяжелую дѣйствительность, утомленіе послѣ работы, пренебрегаютъ насмѣшками молодежи и, начавъ пѣть, сначала съ

робостью, потомъ ужъ смѣлѣе, потомъ часто не смолкаютъ до полуночи.

Живой вереницей встаютъ въ памяти моей пѣвцы-импровизаторы, которыми имѣетъ право гордиться наша родина.

Вотъ они, эти деревенскіе Мазини и Фигнеры. Въ рваныхъ кафтанахъ, въ домотканыхъ шароварахъ, на грязной работѣ потерявшихъ всякій цвѣтъ, часто съ нечесаной бородой и немытыми руками, полусмущенные и полугордые, стоятъ они, когда молва доводитъ до нихъ собирателя, и полные какой-то своеобразной, привлекательной грубости, точно оправдываясь, говорятъ: „Да что—вѣдь мы только свои деревенскія пѣсни и знаемъ". Съ какимъ добродушнымъ недовѣріемъ качаютъ они головой, слыша отвѣтъ: „Ихъ-то намъ и нужно". Зачѣмъ? Какая еще новая причуда явилась у людей, жизнь которыхъ полна всякихъ благъ, которымъ, кажется, и желать больше нечего? „Старыя пѣсни требуютъ, досельныя"... И зачѣмъ бы это?

Всѣ переминаются на мѣстѣ, бабы вздыхаютъ. Лица выражаютъ заботу. „Спѣть-то споемъ, да не будетъ ли намъ чего за это? Въ городъ бы не потребовали, не засадили бы куда?"

Я смѣюсь. „Да куда? За что?"

— А за пѣсни, не ровенъ часъ...

Я всячески убѣждаю, что ничего за пѣсни не будетъ, кромѣ похвалы, и разъясняю цѣль собиранія. Успокаиваются. Мысль о сохраненіи старинныхъ пѣсенъ, достоинства которыхъ признаютъ всѣ, даже молодежь, начинаетъ нравиться.

— За старину взялись... не передъ концомъ бы,—вдругъ слышится опять полный сомнѣнія озабоченный бабій голосъ.

— Ты старья не покупаешь ли?—спрашиваетъ другая баба.—Къ намъ намедни графъ пріѣзжалъ, старье собираетъ... По три рубля за старыя полотенца давалъ. Оно все въ дырахъ, бросовое, а онъ три рубля... Тебѣ не надо ли?

Бабы и дѣти стоятъ около меня тѣснымъ кругомъ и разсматриваютъ меня пытливыми глазами. Впереди дѣвочки-няньки съ грудными младенцами, самыя любопытныя кумушки, играющія роль и газеты, и почты въ деревнѣ. Я чувствую, что всѣ хотятъ опредѣлить мою личность, уяснить себѣ, кто я,—въ деревнѣ не любятъ ничего неяснаго, тамъ о каждомъ человѣкѣ знаютъ всю подноготную, всѣ привыкли жить на міру. Для полной характеристики

новгородскихъ бабъ, я должна сознаться, что ихъ очень мало интересовало то, что я ѣзжу отъ ИМПЕРАТОРСКАГО Географическаго Общества. Ихъ интересовало совсѣмъ другое. Выслушавъ довольно хладнокровно мое объясненіе, зачѣмъ мнѣ пѣсни, отъ кого я ѣзжу, онѣ, чтобы уразамѣть вполнѣ *суть* дѣла, начинають допросъ такого рода:

Баба. Та-акъ... За пѣснями ѣздишь?

Я. Да. За пѣснями.

Баба. О-охъ. Отъ мужа ѣздишь?

Я. Да.

Баба. О-охъ. Поѣдешь ли къ нему-то опять?

Я. Поѣду.

Баба. Поѣдешь. Ну-у...

Вначалѣ голосъ у бабы жалобный, особенно на „охъ", потомъ успокоенный, когда она говоритъ: „Ну-у". Но я, конечно, не въ состояніи передать ихъ неподражаемую интонацію; въ ней бездна смысла. Это цѣлая мораль.

Послѣ этого разговора начинается настоящее знакомство. Щупаютъ мое платье, разспрашиваютъ всѣ подробности о моей жизни, семьѣ и сами начинаютъ разсказывать о себѣ.

Старухъ мнѣ удавалось склонить пѣть, только познакомившись съ ними и поговоривъ по душѣ. Да, признаюсь, знакомство съ ними привлекало меня. За рѣдкими исключеніями, въ Новгородской губерніи мнѣ встрѣчались очень симпатичные типы. Въ деревенскихъ старухахъ есть удивительная стойкость и выдержка. Казалось бы, что женщина, проработавшая всю жизнь трудную деревенскую работу, народившая и выходившая многихъ дѣтей—вѣдь крестьянскія семьи очень многочисленны,—что такая женщина, доживъ до 60 лѣтъ, имѣла бы право на отдыхъ. Но, наоборотъ, старуха-крестьянка встаетъ раньше всѣхъ, справляетъ скотину, печетъ хлѣбы, готовитъ обѣдъ, смотритъ за ребятишками, треплется цѣлый день и ложится послѣ всѣхъ; да еще въ праздникъ такъ развеселится и такихъ пѣсенъ напоетъ, что молодыхъ за поясъ заткнетъ, хотя при этомъ стыдится даже сознаться, что умѣетъ пѣть: „Куда мнѣ, стара стала,—голосъ не бѣжитъ. Вотъ, еслибъ прежде, я бы тебѣ напѣла".

Но есть и такія, что отъ заботъ и горя вправду голосъ потеряли. Къ нимъ принадлежитъ моя большая пріятельница, Анисья

Елизаровна, изъ деревни Доронино, Череповецкаго уѣзда, талантливая причитальщица, но совсѣмъ потерявшая голосъ. Она пробовала пѣть въ фонографъ—ничего не выходило. Тогда она рѣшила надиктовать мнѣ нѣсколько причетовъ, съ тѣмъ, чтобы пойти съ ней въ ея деревню, которая была центральнымъ пунктомъ моихъ поѣздокъ по Череповецкому уѣзду—верстъ 12 отъ Череповца—и записать напѣвы причетовъ съ голоса ея односельчанки, женщины среднихъ лѣтъ, спеціалистки-причитальщицы. Въ виду того, что въ каждой данной мѣстности почти всѣ причеты поются на одинъ напѣвъ, я согласилась, тѣмъ болѣе, что причеты Анисьи мнѣ очень нравились. Она вносила въ нихъ много задушевности. Она же мнѣ разсказала, что у нихъ есть старикъ, который хорошо поетъ старинныя пѣсни.

Анисья живетъ въ Череповцѣ не по своей волѣ, а съ любимымъ сыномъ, который находилъ деревенскую работу слишкомъ трудной и ушелъ въ городъ. Анисья живетъ съ нимъ и терпитъ всевозможныя неудобства, а домъ ея въ деревнѣ стоитъ пустой. Другой ея сынъ ушелъ въ Петербургъ и бросилъ семью, жену и шестерыхъ маленькихъ дѣтей. Вообще Петербургъ играетъ въ Новгородской губеріи роль какой-то обѣтованной земли. Болѣе энергичная молодежь только и живетъ и мечтаетъ о немъ, особенно въ Череповецкомъ и Бѣлозерскомъ уѣздахъ. Это приводитъ въ отчаяніе матерей, которыя теряютъ нерѣдко дѣтей навсегда.

8 іюня мы отправились въ Доронино. Погода была очень хорошая, не слишкомъ жаркая, вѣтеръ дулъ намъ въ лицо, и Анисья, которая была очень весела и разговорчива, увѣряла, что это хорошій признакъ, что плохо, когда вѣтеръ дуетъ по пути. Но чѣмъ ближе мы подходили къ ея деревнѣ, тѣмъ она дѣлалась грустнѣе. Когда мы вошли въ деревню, Анисья указала намъ впереди свою избу, а сама ушла разыскивать пѣсельника Николая. Ея изба, большая и высокая, имѣла видъ полнаго запустѣнія. Стекла въ окнахъ были выбиты; крыльцо разобрано. Мы присѣли на развалинахъ крылечка. Насъ окружили ребятишки и маленькія няньки съ младенцами на рукахъ, а изъ оконъ другихъ избъ высовывались бабы и кричали: „Да вы что же въ разоренную избу идете, подите лучше къ намъ; самоварчикъ мигомъ поставимъ“. Но мы остались вѣрны Анисьѣ. Скоро пришла она и, какъ посмотрѣла на свою несчастную избу, залилась слезами.

Я насилу утѣшила ее, говоря, что черезъ нѣсколько минутъ ея разоренная изба будетъ полна гостей — стоитъ только завести „машинку", т. е. фонографъ. Она встрепенулась и захлопотала. Мы всѣ влѣзли въ избу безъ крыльца. Жена единственнаго оставшагося въ деревнѣ сына Анисьи, Ивана, стала ставить самоваръ, а я принялась развѣшивать рупора и все приготовлять для записыванія пѣсенъ.

Пришелъ Николай Евдокимовъ, серьезный, степенный старикъ, съ большой бородой, настоящій патріархъ. За руку его цѣплялся двухлѣтній внучекъ и ни за что не хотѣлъ оставить дѣда, такъ что его унесли на улицу насильно, и онъ ревѣлъ. Николай Евдокимовъ обращался съ внучкомъ очень нѣжно, что при его суровой наружности выходило трогательно. Онъ, видимо, только не хотѣлъ отказать Анисьѣ и пришелъ по ея просьбѣ, но ему было какъ будто стыдно, что онъ пришелъ по такому глупому дѣлу, какъ пѣсни. Когда я пробовала объяснить ему, зачѣмъ мнѣ пѣсни и какъ онѣ записываются въ машинку, онъ не слушалъ меня, а все твердилъ: „Это ужъ ваше дѣло. Гдѣ намъ понять. Вы лучше знаете". Вообще былъ очень холоденъ и не смотрѣлъ мнѣ въ глаза. Первой рѣшилась записать свои причеты нестарая еще баба, Анна Герасимовна, пришедшая съ груднымъ ребенкомъ трехъ мѣсяцевъ. У нея оказался хорошій звонкій голосъ, и записи вышли довольно удачными. Это раззадорило и другихъ бабъ и заинтересовало даже серьезнаго Николая. Они попробовали спѣть впятеромъ пѣсню въ рупоръ. Вышло недурно. У Николая глаза начинали блестѣть. Онъ спѣлъ въ рупоръ пѣсню одинъ, смущался, забылъ пѣсню по серединѣ и сказалъ: „Забылъ, дальше не знаю". Потомъ вспомнилъ и продолжалъ. Когда же фонографъ, повторяя пѣсню, повторилъ и слова его: „Забылъ, дальше не знаю", онъ пришелъ въ чисто дѣтскій восторгъ и сталъ разсказывать всѣмъ вновь входившимъ, какая удивительная „машинка", что она повторяетъ не только пѣсню, но и что скажешь. Съ этого момента ледъ растаялъ. Николай съ увлеченіемъ сталъ объяснять всѣмъ значеніе записи пѣсенъ, какъ машинка записываетъ, училъ бабъ, какъ пѣть въ „нутро". Въ Доронинѣ были записаны порядочныя пѣсни. А Анисья радовалась, что ея заброшенная изба полна народу, и плакать перестала, а вся разгорѣлась, разрумянилась отъ удовольствія.

Первый свой причетъ Анисья сложила еще при выходѣ замужъ. Она шла за нелюбого, не по своей волѣ и высказала всѣ свои чувства въ причетѣ. „Обдумала все, да и сказала, отвела душу", говорила она мнѣ. Вотъ этотъ причетъ: *къ брату передъ свадьбой въ послѣдній день:*

Не торопитесь, мои голубушки,
Мои милыя подруженьки,
Погодите, вы лебеди бѣлыя,
Выходить изъ-за столовъ изъ-за дубовыихъ.
Ахъ, дайте мнѣ, да красной дѣвицѣ,
Дайте мнѣ да въ очи [1]) видѣти
Сокола да брата милаго,
Единокровнаго, единоутробнаго,
Свѣтъ Степана Елизаровича.
Подойди-тко, братецъ миленькій,
Ко столу да ко дубовому,
Ты ко мнѣ да къ красной дѣвицѣ.
Ты послушайся, да братецъ миленькій,
Ты меня да красну дѣвицу,
Что тебѣ я красна дѣвица
Говорить буду, наказывать.
Ты возьми-тко тесьмянну узду,
Ты сходи, да братецъ миленькій,
Ты сходи да на широкій дворъ,
Какъ обратай коня добраго,
Добраго коня, ѣзжалаго.
Ужъ ты съѣзди, братецъ миленькій,
Въ славный городъ во Череповецъ,
Ты купи, да братецъ миленькій,
Гербовой да листъ бумажечки.
Напиши-тко, братецъ миленькій,
Ужъ ты скорую отказную
Отъ меня, отъ красной дѣвицы.
Ты сходи-ка, братецъ миленькій,
Ты ко этимъ, ко чужимъ людямъ,
Ты войди-тко, братецъ миленькій,
Безъ допросу во широкій дворъ,
Безъ допросу во широкій дворъ,
Безъ докладу въ темну темницу,
Какъ во этой темной темницѣ,
Не молись ко Господу Богу,
Ты не бей челомъ, не кланяйся
Какъ ты этимъ злымъ чужимъ людямъ.
Ты положь-ко, братецъ миленькій,
Ужъ ты скорую отказную
Ты на ихній на дубовый столъ,
Ты скажи-тко, братецъ миленькій,
Грубно слово нехорошее:
«Вотъ, возьмите, злы-чужи люди,
Вотъ вамъ скорая отказная
Отъ голубушки милой сестры:
У насъ нѣту дѣвушки на возрастѣ,
Нѣтъ невѣсты запросватанной».
Мы бы съ тобой, да братецъ миленькій,
Стали жить да все по старому,
Работать да все по прежнему,
За тебя бы, братецъ миленькій,
Я была бы, красна дѣвица,
Ночная богомольщица,
Я денная попечальница.

Послѣ просватанья:

Богъ судья, кормилецъ батюшка,
Богъ судья, родима матушка,
Не дали да красной дѣвицѣ,
До люба да насидѣтися,
До охоты нагулятися,
Цвѣтного платья наноситися,
Мнѣ дополнить лицо бѣлое,
Мнѣ доростить да русу косу

[1]) ч выговариваютъ какъ среднее между ц и ч.

До единаго до волоса,
Такъ и что я красна дѣвица
Со годамъ да не сверсталася,
Съ умомъ разумомъ не собралася.
У меня у красной дѣвицы
Какъ мое да лицо бѣлое—
Что берестичко лежалое,
Лежалое годовалое.
Самъ ты знаешь, самъ ты вѣдаешь,
Мой кормилецъ сударь-батюшка,
Государыня-матушка,
Какъ и мнѣ да красной дѣвушкѣ
Какъ мнѣ эти да чужи люди:
Вмѣсто ножа они мнѣ востраго,
Вострова ножа булатнаго.
Ужъ какъ я, да красна дѣвица,
До того, да прежде этого
Я ходила, красна дѣвица,
По широкой да по улицѣ,
Такъ у меня у красной дѣвицы
Не глядѣли очи ясныя
На ихнюю темну темницу
На темную да потюремщицу.
Мой кормилецъ, сударь батюшка,
Государыня ты матушка,
Погляди, да сударь батюшка,
Государыня ты матушка,
У меня у красной дѣвицы
Не жемчугъ, да горючи слезы,
Не бумага—лицо бѣлое.
Какъ ужъ вьюсь я увиваюся,
Шелковымъ клубомъ катаюся,
Со голубушкамъ подруженькамъ,
Съ верстной ровнюшкой великою.
Какъ у васъ, мои голубушки,
Жалостливы отцы, матери,
Вамъ даютъ, сестрицы милыя,
До люба да насидѣтися,
До охоты нагулятися,
Цвѣтнаго платья наноситися,
Вамъ доростить да русу косыньку
До единаго до волоса,
До шелковаго до пояса.
Какъ у меня-то, у красной дѣвицы,
Руса коса расплетается,
Алы ленты развиваются,
Что померкли очи ясныя
Что потускли щеки алыя. Охъ [1]).

Когда въ баню (баеньку) ведутъ, родителямъ причитываютъ:

Мой кормилецъ, сударь батюшка,
Наряди да слугу вѣрную
Ты посылочку да скорую
Истопить да теплу баеньку;
Чтобы была да тепла баенька
Въ головѣ да не угарчива,
Къ бѣлу тѣлу да припарчива;
Мнѣ сходить да красной дѣвицѣ
Мнѣ во теплую во баеньку,
Въ теплую, да паровитую.
Со голубушкамъ, подруженькамъ,
Не со стадомъ лебединымъ,
Лебединымъ да гулливымъ,
Мнѣ посмыть да горе кручину,
Со бѣла лица слезиночку,
Съ ретива сердца кручинушку.

Когда выйдутъ изъ бани:

Тебѣ спасибо, тепла баенька,
Бѣло больно меня вымыла,
Не по старому, не по прежнему.
Я не смыла, красна дѣвушка,
Со бѣла лица слезиночки,
Съ ретива сердца кручинушки.
Вдвое, втрое горя прибыло
У меня у красной дѣвицы,

1) Позднѣе Анисья свыклась со своею участью, съ мужемъ жила дружно, а въ семьѣ пользовалась уваженіемъ и любовью. „И вотъ, поди ты“, говорила она мнѣ: „никто меня никогда не попрекнулъ, ни золовки, ни мужъ, ни разочку. А ужъ я ли имъ всего не выложила, что на душѣ было“.

Ахъ ти мнѣ-тюшки тошнехонько
Моему сердцу ретивому.
Ахъ, во этой теплой баенькѣ,
Гдѣ сидѣла красна дѣвица,
Выростай береза бѣлая!
Гдѣ лежалъ да частый гребешокъ,
Выростай да часть ракитовъ кустъ!
Да гдѣ кидала русы волосы,
Выростай трава шелковая!
Видно, отъ меня, отъ красной дѣвицы,
Отошла да воля вольная,
Отошла да покатилася;
Какъ погляжу я красна дѣвица
Ей во слѣдъ да волѣ вольноей:
Куда пошла да воля вольная?
Во которую сторонушку?
Въ которую путь дороженьку?
Вижу, пошла да воля вольная
По чисту́ полю куницею,
По подлѣсьицу лисицею.
Какъ навстрѣчу волѣ вольноей
Попадаетъ неволюшка великая,
Воля неволѣ поклонилася,
А воля прочь да отшатилася.

Какъ легко Анисья импровизируетъ, мнѣ пришлось самой убѣдиться. Разъ при Анисьѣ я получила отъ мужа письмо и вслѣдъ за нимъ телеграмму. Ее поразила такая внимательность. „Ты ему напиши за это стишокъ“. И она тутъ же сложила и продиктовала мнѣ слѣдующее:

Отъ своей да лады милыя
Получила письмо-грамотку,
Словесное да челобитьице.
Спасибо тебѣ, ладо милое,
Мнѣ послалъ да письмо-грамотку,
Минѣ скорое извѣстьице.
Обрадовалъ, да ладо милое,
Ты мое да ретиво сердце.
Самъ ты знаешь, самъ ты вѣдаешь —
На чужой дальней сторонушкѣ
Много печалюшки великія,
Много заботушки несносныя;
На чужой дальней сторонушкѣ
Все кипитъ мое ретиво сердце
По тебѣ, да ладо мое милое.

Этимъ кончаю причеты Анисьи[1]) и перехожу къ другимъ.

Причетъ Анны Герасимовмы изъ деревни Доронино, Череповецкаго уѣзда, Новгородской губерніи. *Невѣсту къ вѣнцу собираютъ:*

Благослови ты, Боже Господи,
Пресвятая Богородице!
Волюй, моя воля вольная,
Ты красуйся, дѣвичья красота,
Тебѣ не долго красоватися,
Недолго въ дѣвкахъ сидѣти,
Одинъ часъ, одну минутушку.
Погляжу я, красна дѣвица,
На всю роднюшку великую,
На все стадо лебединое.
Всѣ сидятъ, мои голубушки,
Всѣ по старому, по прежнему;
Только я лишь, красна дѣвица,
У меня у молодешеньки
Руса коса расплетается,
На рукѣ золото кольцо
У меня да распаяется.

---

[1]) Всѣ эти причеты, равно какъ и другіе, печатаемые ниже были демонстрированы Е. Э. Линевой при помощи фонографа и пѣньемъ въ засѣданіи Этн. Отдѣла. *Ред.*

Когда выйдуть изъ бани:

Слава, слава тебѣ, Господи!
Я посмыла, красна дѣвушка,
Со бѣла лица слезиночку,
Съ ретива сердца кручинушку.
Я иду, да красна дѣвушка,
Послѣ байни, послѣ пáруши,
На весельи, да на радостяхъ,
На великой Божьей милости.
Ты, кормилецъ сударь-батюшка,
Засвѣти-тко воскову свѣчу
Помолиться Господу Богу.
Я первой да поклонъ положу
За Царя я благовѣрнаго,
За Царицу благовѣрную,
Я за царевыхъ малыхъ дѣтушекъ,
За всю вѣру христіанскую.
Я еще да поклонъ положу
Я Покрову Богородицѣ:
Ты, Покровъ да Богородице,
Ты покрой мою головушку.
Слава, слава тебѣ, Господи,
Помолилась Господу Богу.

Мнѣ не что Богу молитися,
Меня Господи не милуеть.
Сколько въ банѣ не намылася —
Вдвое, втрое обтерялася:
Потеряла потеряшечку—
Свою красную-то красоту.
Какъ пошла да красна красота
Во трубу пошла дыминочкой,
Во двери пошла париночкой.
Гдѣ-то есть у молодешеньки
Есть обманщицы, охальницы,
Да вы лисицы, ласкобайщицы,
Нахвалили да нахвастали
Вы своей да байной-парушей:
Что у насъ, да въ байной-паруши,
Много веселаго весельица,
Хорошаго украшеньица—
Три стола, да три точеные:
Что на первомъ-то столикѣ
Яндова да пива пьянова,
На другомъ-то есть на столикѣ
Есть чара да зелена вина.

Въ виду того, что меня, главнымъ образомъ, интересуетъ музыкальное построеніе пѣсни, я всюду искала хоровъ или пѣнія „артелью", какъ называютъ крестьяне. Напѣвы же причетовъ и свадебныхъ пѣсенъ, которые довольно однообразны, но встрѣчаются еще всюду, я записывала, только когда не находила пѣсенъ болѣе интересныхъ въ музыкальномъ отношеніи. Но ихъ набралось у меня столько, что съ небольшими дополненіями онѣ могутъ дать характеристику всего свадебнаго ритуала, сохранившагося еще во многихъ деревняхъ той мѣстности. Впрочемъ, ближе къ городамъ уже болѣе въ употребленіи „самоходки", т. е. вѣнчаются по свободному выбору, иногда уходя изъ дому тайкомъ, безъ сватанья и разныхъ бытовыхъ обрядовъ и церемоній. Этой весной я собираюсь съѣздить еще въ нѣкоторые медвѣжьи углы Кириловскаго уѣзда, гдѣ сохранились старинные обычаи. Теперь я предлагаю послушать, какъ образцы, двѣ свадебныя пѣсни: „При вечерѣ, вечерѣ" (Славленье жениха) и „Тысяцкій, ты бояринъ большой" (Славленье крестнаго отца) въ исполненіи фонографа [1]):

[1]) Эти пѣсни также были демонстрированы въ засѣданіи Отдѣла. *Ред.*

Первая пѣсня, *славленье жениха*, была спѣта крест. Марьей Климовой съ 2-ми другими, изъ деревни Сюрьмень, Бѣлозерскаго уѣзда. Вотъ она:

При вечерѣ, вечерѣ, при темныхъ да сумеречкахъ,
При Устиньиномъ дѣвичничкѣ
Прилеталъ да младъ ясенъ соколъ.
Онъ садился на окошечко,
На серебряну причалинку,
На златую на закраинку;
Какъ никто не видитъ сокола,
Да никто не примѣтитъ яснаго.
Примѣчала ясна сокола
Да Устиньина матушка,
Говорила своей дочери:
„Ты, дитя ли, мое милое,
Примѣчай-ка ясна сокола,
Ясна сокола залетнаго,
Добраго молодца заѣзжаго“.
„Государыня моя матушка!
Какъ у тя языкъ воротится,
Какъ уста да растворяются,—
Зачастую вспоминаете,
Мое сердце надрываете;
Мнѣ и такъ сердцу тошнехонько,
Ретивому обиднешенько:
У меня, у молодешеньки,
Рѣзвы ноженьки подрѣзаны,
Бѣлы ручки опустилися,
Очи ясны помутилися,
Голова съ плечъ покатилася“.

Вторая пѣсня—„*Славленье крестнаго отца*“—на другой мотивъ была спѣта дѣвушками въ Воротишинѣ, Уломской волости, Черепов. уѣз. Пѣсня эта такого содержанія:

„Тысяцкій, ты бояринъ большой,
Любишь ли ты Божью церковь съ главой?“
—Какъ не любить Божью церковь съ главой:
Тутъ у меня *богомольня* моя.
„Тысяцкій, ты бояринъ большой,
Любишь ли ты сыновей богатырей?“
—Какъ не любить сыновей богатырей:
Тутъ у меня и *замѣна* моя.
„Тысяцкій, ты бояринъ большой,
Любишь ли ты дочерей хорошихъ?“
—Какъ не любить дочерей хорошихъ:
Тутъ у меня и *гостьба* моя.
„Тысяцкій, ты бояринъ большой,
Любишь ли ты жену въ золотѣ?“
—Какъ не любить жену въ золотѣ:
Тутъ у меня и *забава* моя.

Странно, что, несмотря на водворяющееся господство фабричной пѣсни и постепенное исчезновеніе старинной, у всѣхъ, даже у молодежи, въ глубинѣ души есть уваженіе къ строгой „досельной“ пѣснѣ и пренебреженіе къ „частушкамъ“, „вертушкамъ“, „туртышкамъ“—названія, которыми клеймятъ фабричную пѣсню. „Вертятъ, вертятъ, пустомеля какая-то“, говорятъ старики. „Всѣ пѣсни перевернуты, перекоманы“.—„Пришелъ конецъ вертушкамъ“, радуются пожилыя бабы, узнавъ, что собираютъ старинныя пѣсни, „чтобы онѣ не пропали. „А то заведутъ

на одинъ ладъ, да и блеятъ, какъ овечки, лаютъ какъ собачки" [1]).

Старинныя пѣсни называютъ различно: досельныя, досюдошныя, давнишнія, 'дотошныя, долгоголосыя, строгія, уставныя. Про эти пѣсни говорятъ: „пѣсня каждая—правда, какъ подумаешь умомъ". По содержанію къ нимъ подходятъ разныя *протяжныя* пѣсни: 1) *историческія*, напр. „Какъ во славномъ во городѣ Астрахани", про „Стеньку Разина", „Ты рябинушка", 2) *семейныя*: „Спородила мати сына", „Теща зятя провожала"; 3) *лирическія*—„У Дунюшки было у голубушки", „Ночи темныя, осенніяя", „Не одна во полѣ дороженька"; 4) *тюремныя*—„Жавороночекъ"; 5) *рекрутскія*, напр. „Долина долинушка", „Отлетаетъ мой соколикъ", и другія. Чтобы пѣть ихъ нужна „душа долгая", по выраженію крестьянъ: „если душа коротка, досельной пѣсни не спѣть". „У его душа долгая"—высшая похвала пѣвцу.

Я подмѣтила одно оригинальное и поэтическое выраженіе, которое крестьяне употребляютъ иногда. Вмѣсто того, чтобы сказать: „начинайте пѣсню", или: „заводите пѣсню съ краю", они говорятъ: „затепливайте пѣсню",—„что ты затухъ, забылъ пѣсни-то". О знатокѣ пѣсенъ выражаются такъ: „онъ пѣснѣ корень". Деревенскій пѣвецъ не любитъ пѣть одинъ. Такъ какъ идеалъ пѣсни—протяжная, широкая мелодія, то даже если у пѣвца „душа долгая", т. е. длинное дыханіе, онъ отказывается пѣть одинъ. „Вывода не хватаетъ", говоритъ онъ. „Выводъ" какъ бы выводитъ пѣвца изъ затрудненія, т. е. другіе голоса, вступая во время, когда ему нужно взять дыханіе, подхватываютъ, поддерживаютъ его,—тогда мелодія льется протяжно, широко. Но къ подголоскамъ хорошій пѣвецъ относится весьма разборчиво. Онъ неохотно поетъ съ тѣмъ, кто изъ другой мѣстности и знаетъ пѣсню иначе, чѣмъ онъ. „Какъ не нашей земли, не спѣть намъ", говоритъ онъ, или: „Я-то къ вамъ приленусь, а вамъ ко мнѣ не пристать", или такъ: „Не хочу я съ нимъ пѣть, онъ мнѣ голосъ перешибаетъ".

---

[1]) По этому поводу обращаемъ вниманіе на статью Е. Э. Линевой: „Жива ли народная пѣсна?" („Русск. Вѣд." 1903 г. № 31), написанную по поводу статьи Д. Зеленина: „Черты современнаго народнаго быта по частушкамъ". („Русск. Вѣд." 1903 г. № 8).

Какъ-то мы разъ разговорились съ Анисьей о томъ, почему молодежь меньше поетъ, чѣмъ въ старину. Анисья дала мнѣ на это своеобразное объясненіе: „Жить теперь лучше стало, должно быть", отвѣчала она, подумавъ. „Бывало, какъ на барщину погонятъ, да цѣлый день на чужой работѣ промаешься, вечеромъ и кричишь съ радости, что работа кончена. И какъ пѣли-то. Вѣдь кто поетъ, тому легче, а горе съ собой таскать да молчать, куда труднѣе. Теперь жить лучше, вотъ и не поютъ".

Черезъ нѣсколько дней я совершенно неожиданно услыхала совсѣмъ другое объясненіе того же явленія, почти противоположное, отъ одного крестьянина изъ близкой къ городу деревни. „У насъ пѣсни съ голоду издохли", саркастически замѣтилъ онъ на мой вопросъ—поютъ ли у нихъ пѣсни. „Деревня обѣднѣла, земли мало, всѣ ее бросили, народъ въ городъ ушелъ".

А чѣмъ ближе къ городу, тѣмъ назойливѣе и вульгарнѣе звучитъ фабричная „частушка", а хорошая пѣсня забыта.

Мнѣ пришлось этимъ лѣтомъ проѣхать по Новгородской губерніи около 1500 в. (1000 на лошадяхъ и 500 водою—на пароходѣ и частью на лодкѣ), и удалось записать всего *200* слишкомъ пѣсенъ (включая разные варіанты одной и той же пѣсни). Я начала съ Череповецкаго уѣзда, о которомъ меня предупреждали, что тамъ уже навѣрно нѣтъ старинныхъ пѣсенъ. Но на дѣлѣ оказалось, что во многихъ мѣстахъ Череп. уѣзда еще сохранились пѣсни, и записи этого уѣзда оказались даже лучше Бѣлозерскаго и Кирилловскаго уѣздовъ. Но и въ этихъ двухъ уѣздахъ я нашла много интереснаго.

Въ Уломской волости Череп. уѣзда я записала, пожалуй, самыя лучшія пѣсни. Избравъ Череповецъ центромъ, я сначала ѣздила въ разныя стороны отъ него, верстъ на 50, 70 разстоянія, и опять возвращалась. Обыкновенно я не нанимала почтовыхъ лошадей, находя это стѣснительнымъ при ѣздѣ по захолустнымъ деревнямъ. Я просто нанимала телѣжку съ лошадью крестьянина и по всему уѣзду ѣздила съ однимъ человѣкомъ. Удобно то, что онъ заинтересовывается дѣломъ и даже помогаетъ мнѣ обыкновенно. Два молодыхъ паренька, съ которыми я ѣздила по Череповецкому и Бѣлозерскому уѣздамъ, совсѣмъ вникли въ дѣло и своимъ сознательнымъ отношеніемъ помогали мнѣ при знакомствѣ съ населеніемъ. Третій же, упрямый и гру-

боватый старикъ, напротивъ, все путалъ. Выслушавъ мои объясненія и увѣривъ меня, что все понялъ, вездѣ на вопросъ, зачѣмъ я ѣзжу, онъ говорилъ: „она ѣздитъ отъ Моск. Об-ва сочинять пѣсни" вмѣсто собирать пѣсни. Онъ такъ упрямо задолбилъ эту фразу, что всѣ мои протесты были напрасны.

Въ Бѣлозерскѣ я попала на Съѣздъ учителей и они, съ инспекторомъ народныхъ школъ во главѣ, благословили меня совѣтами и адресами по Бѣлозерскому уѣзду. На юго-западѣ отъ Бѣлозерска на Судѣ я собрала обильную жатву, но какъ только направилась на сѣверо-западъ отъ Бѣлоозера въ Куйю, гдѣ живутъ корелы, въ Ломенскую и Шольскую волости, какъ почувствовала, что ѣду напрасно. Всюду меня стали преслѣдовать тѣ „вывернутыя", „супротивныя" пѣсни, которыя вмѣстѣ съ другими оборышами цивилизаціи приноситъ изъ городовъ уходящая на промыслы часть населенія. Вмѣсто мелодій изъ оперъ русскихъ композиторовъ, которыя, при болѣе демократической постановкѣ музыкальнаго дѣла въ городахъ, могли бы сохраниться въ памяти у пришельцевъ изъ деревень, туда несется нелѣпая, грязная фабричная частушка. Рѣзкой, больной царапиной остался въ моей памяти стишокъ, который пѣлъ какой-то фабричный, на берегу Шолы:

„Николаичъ, проклятой, Что надѣлалъ на святой"...

Стишокъ, очевидно, ему нравился, и онъ повторялъ его на разные лады. Это былъ, вѣроятно, одинъ изъ тѣхъ героевъ, который воспѣвается въ современныхъ пѣсняхъ-романсахъ:

„Мой милка хорошъ,
Онъ на писаря похожъ.
Онъ и пишетъ и мараетъ,
И цѣлуетъ, обнимаетъ.

Признаюсь, я постыдно бѣжала съ Шолы, сдѣлавъ, впрочемъ, попытку записать пѣсни и собрала нѣсколькихъ бабъ. Но онѣ такъ ужасно пѣли, что у меня „ушки завяли", по народному выраженію. Вообще только въ глухихъ мѣстахъ еще стоитъ искать остатки хорошихъ старинныхъ пѣсенъ, въ небольшихъ, захолустныхъ деревняхъ. Былины въ Новгор. губ. почти исчезли, кромѣ рѣдкихъ, единичныхъ случаевъ. Воспоминаніе о героическомъ новгородскомъ эпосѣ, насколько мнѣ пришлось наблюдать, стерто безслѣдно. Остатки его унесли новгородскіе выходцы, разселившіеся по сѣверу.

Но все еще важную роль играютъ въ жизни деревни тѣ хорошіе пѣвцы, знающіе старинныя пѣсни, которыхъ я назвала деревенскими Мазини и Фигнерами. На праздникахъ ихъ угощаютъ и чествуютъ не въ примѣръ другимъ. Ими гордятся и хвалятся. Въ сѣрую жизнь деревни, которая мѣтко характеризуется формулой „посѣялъ, съѣлъ, удобрилъ", они вносятъ тотъ элементъ наслажденія и подъема духа, безъ котораго не прожить человѣку.

Изъ пѣвцовъ, съ которыми мнѣ пришлось познакомиться этимъ лѣтомъ, особенно выдается, по удивительному знанію массы пѣсенъ, Григорій Александровичъ Прохоровъ, крестьянинъ деревни Малаты, Череп. у. Онъ человѣкъ уже пожилой, т. е. ему далеко за 50, у него есть женатый сынъ, но голосъ у него очень пріятный и звучный. „Голосокъ-то у тебя малиновый", говорятъ ему въ деревнѣ и очень имъ гордятся. Въ его нервномъ и изящномъ пѣніи—онъ никогда не кричитъ и не форсируетъ голосъ—есть что-то необыкновенно задушевное и какая-то артистическая законченность. Онъ отдается пѣнію всѣмъ существомъ. И при этомъ чуждъ всякаго самомнѣнія. У него очень симпатичная наружность—умное, худощавое лицо, правильныя черты и небольшая острая бородка съ сильной просѣдью. Меня очень удивляло его отношеніе къ собиранію пѣсенъ. Какъ я уже говорила выше, одно время мнѣ пришлось избрать Череповецъ центромъ моихъ поѣздокъ, и каждый разъ, какъ онъ узнавалъ о томъ, что я вернулась, онъ приходилъ и говорилъ: „А ну-ка, нельзя ли послушать, что вы привезли. Чего они вамъ напѣли"? По цѣлымъ часамъ готовъ онъ былъ слушать разныя записи; онъ очень цѣнилъ все, что было хорошо спѣто, хвалилъ и особенно относительно напѣва признавалъ большую свободу импровизаціи; но иногда говорилъ: „А это я вамъ лучше спою". Къ тексту онъ былъ очень строгъ, хотя тоже вполнѣ допускалъ разные варіанты и ничего не хотѣлъ передѣлывать по своему. Къ сожалѣнію, какъ разъ наканунѣ дня, который былъ назначенъ для записыванія въ Малатѣ, ему пришлось таскать весь день тяжести, переносить шкафы и столы изъ кухни Техническаго училища въ новое помѣщеніе, такъ что онъ былъ страшно утомленъ, и записи вышли слабѣе, чѣмъ могли быть [1]).

[1]) Въ засѣданіи Отдѣла были продемонстрированы спѣтыя имъ пѣсни: „Не

Второй солистъ, котораго я представляю вашему вниманію, Лаврентій изъ Липина Бора, Бѣлоз. у. Онъ бѣденъ имуществомъ, но богатъ пѣснями. Живетъ онъ въ скромной избушкѣ вдвоемъ со своею старухою.

Когда мы въѣхали въ деревню и спросили Лаврентія, намъ крикнула баба изъ окна: „Вотъ его изба рядомъ съ моею. Да его дома нѣтъ, вишь, дверь на замокъ заперта“.—„А гдѣ же онъ?“ спросила я. „Картошку копаетъ“.—„Да у него и картошки своей нѣтъ, вся сгнила“, протестовалъ хоръ ребятишекъ, какъ изъ земли выросшій вокругъ моей телѣжки.—„И то“, сказала баба-сосѣдка, „може чужую копаетъ... А вамъ зачѣмъ?“—„Пѣсни, говорятъ, онъ хорошо поетъ,—такъ записать“.—„Правда, правда истинная, сказала баба: такъ поетъ, такъ поетъ... Бѣденъ. Картошка сгнила... а ужъ поетъ—наплачешься, его слушамши“.

Лаврентія скоро разыскали. Онъ оказался очень пріятнымъ, добродушнымъ старикомъ. Стиль его пѣсни совсѣмъ оригинальный, какой-то старосвѣтскій, съ своеобразными украшеніями, которыя онъ вноситъ во всѣ пѣсни [1]).

Теперь споетъ „Лучинушку“ Степанъ Китовъ изъ Новой Старины, на Судѣ [2]). Деревня эта произвела на меня совсѣмъ особенное впечатлѣніе. Въ ней были только новые дома, а многіе еще достраивались. Она поражала оживленіемъ, рѣдкимъ въ небольшой деревнѣ. Въ ней было 25 дворовъ. Народъ казался веселымъ, бойкимъ. Какъ я узнала послѣ, деревня, остроумно названная Новой Стариной, возникла, такъ сказать, на развалинахъ помѣщичьяго быта. Крестьяне года два тому назадъ переселились сюда изъ разныхъ мѣстъ, купили въ складчину землю у помѣщицы за 10 тыс. необыкновенно удачно и до сихъ поръ радуются. Имъ уже предлагаютъ за землю 20 тыс., но они ни за что ее не отдадутъ. Меня они пригласили сами, услыхавъ о „машинкѣ“, которая поетъ человѣческимъ голосомъ. „Пускай она къ намъ ѣдетъ, мы ей напоемъ“. Я и пріѣхала, и довольно удачно, на третій день ихъ деревенскаго праздника. Народъ именно на-

---

одна во полѣ дороженька“, „Подуй, подуй, погодушка“, „Подъ. яблонькою“ и др. *Ред.*

[1]) На засѣданіи этн. отдѣла были продемонстированы спѣтыя Лаврентіемъ „Оперодила мати сына“ и „Возлѣ рѣчки“. *Ред.*

[2]) И эта пѣсня была исполнена фонографомъ. *Ред.*

ходился въ такомъ настроеніи, что хотѣлось продолженія начатыхъ удовольствій, и фонографъ явился кстати. Хоръ былъ недурной. Но особенно выдѣлялся изящной фразировкой Степанъ Китовъ. Лучинушку онъ спѣлъ одинъ и, какъ мнѣ кажется, необыкновенно удачно [1]).

Теперь затрону важный вопросъ о способѣ собиранія пѣсенъ.

Есть очень достойные собиратели, которымъ удается собрать цѣлую коллекцію пѣсенъ, не трогаясь съ мѣста. Они довольствуются случайно попавшими въ ихъ руки интересными экземплярами пѣсенъ отъ самыхъ разнообразныхъ исполнителей, начиная съ оперныхъ пѣвцовъ и кончая своей кухаркой или лакеемъ. Достоинства этихъ записей зависятъ всецѣло отъ таланта собирателя, отъ его музыкальнаго чутья. Обыкновенно такіе собиратели, не имѣя возможности провѣрить сравненіемъ вѣрность своихъ записей, склонны преувеличивать значеніе своихъ записей и считаютъ ихъ единственными „химически-чистыми“, по выраженію одного доктора собирателя.

Другіе собиратели, живя въ деревнѣ, изучаютъ свою округу, свой уѣздъ или губернію и собираютъ мѣстныя пѣсни. Въ выводы ихъ изслѣдованія можетъ вкрасться нѣкоторая односторонность, но у нихъ въ рукахъ уже болѣе цѣнныя данныя—они стоятъ у самаго источника.

Третій способъ—спеціальныя поѣздки для записыванія пѣсенъ, можетъ быть самый правильный. Я говорю „можетъ быть“, потому что, испытавъ его на дѣлѣ, вижу и въ немъ нѣкоторые недостатки. Преимущество его въ томъ, что онъ открываетъ собирателю огромное поле изслѣдованія, даетъ возможность познакомиться съ пѣсней разныхъ мѣстностей, сравнивать различные варіанты пѣсенъ. Главный же его недостатокъ — невольная спѣшность дѣла и иногда отсутствіе предварительнаго знакомства съ мѣстными условіями и съ людьми, съ которыми приходится имѣть дѣло. Вообще, мнѣ думается, важно привлечь къ дѣлу собиранія пѣсенъ *мѣстныя деревенскія силы*. Нѣтъ возможности

[1]) Я не могу еще дать полной характеристики новгородской пѣсни въ Череп., Бѣлоз. и Кирил. уѣздахъ. Надъ ними еще нужно поработать, но нѣкоторыя изъ тѣхъ, кот. я записала, представляютъ не малый интересъ по красотѣ напѣва, что видно даже изъ исполненія фонографа, всегда нѣсколько портящаго пѣсню. *Примѣч. автора.*

вступить въ сношенія со всѣми учителями, священниками, земскими начальниками и другими оффиціальными лицами, не зная ихъ. Это дѣло было бы безполезной потерей времени. Изъ личнаго опыта я убѣдилась, что немногіе интеллигенты знаютъ пѣсни своей мѣстности. Даже между учителями и священниками такія лица составляютъ исключеніе. Учителя не всѣ умѣютъ даже отличить старинную пѣсню отъ пѣсни новой формаціи и вводили меня въ заблужденіе, которое удавалось разсѣять, только наведя справки у крестьянъ-пѣвцовъ. *Цѣнны только указанія людей, дѣйствительно интересующихся этимъ дѣломъ.* Узнать же ихъ можно только на мѣстѣ. Поэтому я рекомендовала бы *предварительныя* поѣздки для ознакомленія съ мѣстностью и населеніемъ, во время которыхъ можно опредѣлить пункты, гдѣ стоитъ записывать пѣсни, и познакомиться съ „пѣсенниками". Вотъ эти *народные пѣвцы,* главнымъ образомъ старики и старухи, и есть тотъ элементъ, который важенъ при собираніи *хоровыхъ* записей. Нужно познакомиться съ ними во время предварительной поѣздки, просить ихъ приготовить пѣсни *„артелью"*, какъ они называютъ, къ слѣдующему пріѣзду собирателя, и условиться относительно времени, къ которому можетъ спѣться хоръ. Я думаю, что это *единственный способъ* приблизиться къ идеальной записи народнаго хорового исполненія. Иначе всегда придется записывать пѣсни въ несовершенномъ видѣ, въ исполненіи двухъ-трехъ стариковъ, а иногда и одного старика или старухи, такъ какъ другіе не знаютъ пѣсенъ по старинному складу. Для того, чтобы записать возможно лучшее исполненіе, необходимо впередъ все приготовить, впередъ вступить въ сношенія съ мѣстными пѣсельниками. Узнать же о нихъ можно въ дорогѣ при переѣздѣ изъ одного мѣста въ другое, а лучше всего – отъ самихъ крестьянъ.

Мнѣ кажется, очень важно установить въ народѣ тотъ взглядъ, что помнить и пѣть старинныя пѣсни не стыдно и не только не преступленіе, но даже въ своемъ родѣ гражданская доблесть. Тогда повсемѣстно старики и старухи постараются припомнить многія забытыя пѣсни. Хорошо было бы даже давать за это какую-нибудь награду, подарки или благодарность въ какой-либо иной формѣ. Тогда не были бы возможны факты, подобные случившемуся въ Тамбовской губ. въ одну изъ моихъ прошлыхъ поѣздокъ, когда 63 лѣтняго старика-запѣвалу священникъ поста-

вилъ на колѣни въ церкви, при всемъ народѣ, за то, что онъ пѣлъ пѣсни въ неурожайный годъ. Конечно, этотъ печальный фактъ составляетъ исключеніе,—въ другихъ мѣстахъ священники, напротивъ, помогали мнѣ,—но фактъ этотъ тѣмъ не менѣе остается во всей своей силѣ.

Въ другомъ мѣстѣ мнѣ пришлось попасть въ довольно неловкое положеніе. Имѣя уже достаточный опытъ въ записываніи пѣсенъ фонографомъ, а въ двухъ деревняхъ Новгородской губ. даже встрѣтивъ фонографъ у сыроваровъ, которые пытались записать пѣсни, я совершенно успокоилась насчетъ того, что „нечистая сила" не загородитъ мнѣ нигдѣ дороги. Но вотъ мнѣ пришлось пріѣхать въ большое село Родники, Кирилловскаго уѣзда, Польченьгской волости. Я остановилась въ домѣ богатаго крестьянина, на котораго мнѣ заранѣе указали. Семья оказалась очень большая, а старуха-хозяйка была большая любительница пѣсенъ. Она собрала нѣсколько старухъ, довольно древнихъ, такъ что голоса были разбитые. Сначала шло довольно плохо, и я думала, что записывать не стоитъ. Но, чтобы туда попасть, пришлось ѣхать по ужасной дорогѣ, называемой мѣстными жителями „колодникомъ", и не хотѣлось претерпѣть эту пытку напрасно, такъ что я терпѣливо добивалась, чтобы старухи что-нибудь наладили, пѣла съ ними, напоминала имъ пѣсни. Наконецъ, пошло недурно, и старухи рѣшили спѣть въ „трубу", но съ тѣмъ, чтобы сначала послушать „машинку". Я дала имъ послушать нѣсколько пѣсенъ, объяснила, какъ обыкновенно, устройство машинки и предложила имъ спѣть. Старухи уже стали передъ рупоромъ и приготовились пѣть, какъ вдругъ хозяйка заупрямилась. „Не могу", говоритъ: „страховито. Не люди въ трубѣ поютъ, а бисы; діаволъ рычитъ". Всѣ старухи шарахнулись отъ трубы, какъ испуганныя овцы. Слышу, какъ она внушаетъ имъ, что пѣть въ трубу грѣхъ, начинаетъ говорить о послѣднемъ днѣ, о гласѣ трубномъ. „Ну", думаю, „конецъ". Молча убираю фонографъ и соображаю, что глупые слухи могутъ повредить мнѣ и въ другихъ мѣстахъ. Потомъ говорю имъ: „Какъ вамъ не стыдно. Вотъ вы говорите грѣхъ, грѣхъ... А развѣ можетъ быть большій грѣхъ, какъ обидѣть человѣка? Развѣ вы не понимаете, какую злую небылицу вы на меня взводите, напраслину? Меня вѣдь и позвалъ-то къ вамъ вашъ же мужикъ, Федоръ, въ Пуштарѣ у батюшки мы встрѣти-

лись". „Федоръ? Такъ оно и есть. Онъ на праздникъ въ Пуштару ѣздилъ, дѣло у него къ батюшкѣ было", послышались голоса. „И пѣсни тамъ записывала, и самъ батюшка помогалъ", вступился мой ямщикъ. „Ну, поѣдемъ, дядюшка Никаноръ, Богъ съ ними", сказала я. Потомъ помолилась умышленно широкимъ крестомъ на образъ и пошла садиться въ телѣжку. Старухи были смущены и толклись на крыльцѣ. „Ты бы намъ хоть по гривенничку дала", нерѣшительно проговорила одна старуха. Я чуть не разсмѣялась. Очевидно, образъ діавола блѣднѣлъ. „Эхъ, вы, безстыдницы", крикнулъ на нихъ дядюшка Никаноръ: „обидѣли человѣка, да съ него же гривенникъ тянете", и ударилъ по лошадямъ. „Дуры бабы", проговорилъ онъ и долго плевалъ сердито на дорогу. Такъ я въ Родникахъ ничего и не записала. Но, кромѣ одного, двухъ подобныхъ случаевъ, отношеніе къ удивительной „машинкѣ", запоминающей пѣсни съ перваго раза—это особенно удивляло крестьянъ — было вполнѣ разумное. Она возбуждала громадный интересъ. Всѣ хотѣли знать, кто тотъ хитрый человѣкъ, который ее выдумалъ, и старались запомнить имя Эдиссона. „Ишь, проворный какой", замѣчали они. „Премудрость Соломонова, истинно". Одинъ острякъ изрекъ: „Эта машинка выдумана для вдоваго попа. Заскучаетъ безъ жены, вотъ ему и утѣха".

Закончу нѣсколькими словами о музыкальномъ значеніи фонографической записи пѣсенъ. Я смотрю на фонографъ, какъ на удивительно удобную записную книжку, которую, конечно, лучше всего понимаетъ тотъ, кто записалъ въ нее. Лично мнѣ никогда бы не записать всѣ голоса во время исполненія: я записываю медленно. Удачно записанная фонографомъ пѣсня всецѣло сохраняетъ свой оригинальный характеръ какъ въ ритмическомъ, такъ и въ гармоническомъ смыслѣ. Каждая пѣсня, если дать ей возможность вылиться на бумагѣ въ той формѣ, которую ей придали пѣвцы-импровизаторы, *подчинивъ напѣвъ слову*, каждая пѣсня, повторяю, носитъ особенный, интересный въ музыкальномъ отношеніи характеръ.

Е. Э. Линева.

СМѢСЬ.

Сказки киргизовъ Сыръ-Дарьинской области.

(Переводъ съ киргизскаго).

Сказка I.

Въ прежнія минувшія времена былъ одинъ несчастный бѣднякъ; жена его ежедневно пряла по одному мотку нитокъ и передавала мужу. Мужъ, отправляясь на базаръ, продавалъ (эти нитки) и, купивъ провизію, возвращался домой. Въ одинъ изъ дней, когда этотъ несчастный бѣднякъ, взявъ въ руки одинъ мотокъ нитокъ, шелъ на базаръ, онъ увидѣлъ передъ собою одного бѣлобородаго человѣка и привѣтствовалъ его. Этотъ бѣлобородый человѣкъ спросилъ: «Нитки, которыя у тебя въ рукахъ, за сколько продаешь?» Этотъ несчастный бѣднякъ сказалъ: «За одну теньгу [1]) продаю».

Старикъ сказалъ: «Я имѣю одно правоучительное слово; если за него продашь, я куплю (нитки)». Тутъ помянутый несчастный бѣднякъ продалъ нитки за одно правоучительное слово. Бѣлобородый человѣкъ, взявъ въ руки нитки, произнесъ: «О, дитя мое! *Раньше смерти душа не покидаетъ, раньше времени солнце не восходитъ.* Вотъ мое правоученіе», сказалъ (старикъ).

Послѣ того помянутый несчастный бѣднякъ возвратился домой. Жена за продажу нитокъ за правоучительное слово очень осердилась на мужа. Она потомъ, всю ночь пропрявъ, на утро дала мужу одинъ мотокъ нитокъ. «Если ты, поддавшись обману старика, продашь нитки за правоученіе, то не подходи къ дому» — сказала она. Мужъ ея сказалъ: «Хорошо».

Когда онъ шелъ на базаръ, вчерашній бѣлобородый человѣкъ опять встрѣтился съ нимъ. «Прими мое одно правоучительное слово, а нитки отдай мнѣ» — сказалъ (старикъ). Нитки онъ опять отдалъ, а старикъ сказалъ: «*Если ты попадешь въ незнакомое мѣсто и если твой спутникъ заснетъ, ты оставайся неспящимъ*».

---

[1]) *Теньга*—туземная монета, серебряная, равняющаяся 20 к., нынѣ уже не существуетъ.

На слѣдующій день старикъ опять получилъ одинъ мотокъ нитокъ и сказалъ нравоученіе: «*Тамъ, гдѣ отвѣдалъ соль, не будь тому врагомъ*».

Спустя день старикъ еще получилъ нитокъ и опять сказалъ нравоученіе: «*Отъ ранней пищи не отказывайся, а поздней пищи не дожидайся*». Наконецъ черезъ день старикъ опять получилъ нитокъ и сказалъ: «*Сегодняшнюю злобу прибереги на завтра*».

Итакъ, пять мотковъ нитокъ несчастный бѣднякъ продалъ за пять нравоученій. Жена послѣ того стала съ нимъ ссориться, не подпускала его къ дому и, сказавъ: «Ты можешь питаться нравоученіями», прогнала его совсѣмъ изъ дома.

Несчастный мужъ, струсивъ своей жены, нанявшись въ работники, уѣхалъ съ однимъ караваномъ. Проведя въ пути нѣсколько дней, этотъ большой караванъ прибылъ въ безводную степь. Здѣсь оказался одинъ колодезь. Когда опускали бадью въ колодезь, то она оставалась въ колодцѣ. Тогда караванбаши спустилъ въ колодезь одного человѣка, но голова его осталась въ колодцѣ, а наружу вышло только туловище. Послѣ того много людей было спущено въ колодезь, но ни одинъ изъ нихъ не вышелъ живымъ. Тутъ караванбаши выложилъ тысячу золотыхъ тиллей и сказалъ: «О, молодцы! тотъ, кто спустится въ этотъ колодезь и, доставши воды, утолитъ жажду каравана, тотъ пусть получитъ въ вознагражденіе эти тилли, а ежели будетъ вытащенъ изъ колодца мертвымъ, то пусть получитъ эти тилли въ *кунъ* [1]) семья того человѣка».

Тогда помянутый несчастный бѣднякъ вспомнилъ нравоученіе бѣлобородаго старика. Вѣдь раньше смерти душа меня не покинетъ, а ежели смерть придетъ, то и не спускаясь въ колодезь помру—подумалъ несчастный бѣднякъ и, ободренный нравоученіемъ и, желая получить тысячу тиллей, сталъ спускаться въ колодезь. На днѣ колодца, съ одного бока, сидѣли одинъ парень и одна молодуха. Молодуха была очень красива. Съ другого бока тоже сидѣли одинъ парень и одна молодуха. Молодуха была очень некрасива.

Когда (несчастный бѣднякъ) спустился въ колодезь, одинъ изъ парней спросилъ: «У котораго изъ насъ красивѣе жена?» Несчастный бѣднякъ отвѣтилъ: «Каждому своя (жена) кажется въ глазахъ его свѣтлою луною. Для каждаго возлюбленная кажется красивою». Тогда мужъ некрасивой женщины сказалъ: «Люди, раньше спускавшіеся въ колодезь, отвѣчали (мнѣ):—Твоя жена дурна собою, а вотъ этого—красивая. Мнѣ было тогда стыдно и я рѣзалъ имъ головы, а такъ какъ ты говоришь впопадъ, я выражаю тебѣ спасибо; такъ исполняй свое дѣло».

Когда названный несчастный бѣднякъ напоилъ до сыта людей и скотъ каравана, мужъ некрасивой женщины далъ ему тысячу тиллей, а когда онъ вышелъ изъ колодца, съ тиллями караванбаши у него получилось двѣ тысячи тиллей. Несчастный бѣднякъ сильно обрадовался. Потомъ этотъ большой караванъ, выйдя далѣе въ путь, прибылъ въ Кашмиръ.

---

[1]) „Кунъ"—отъ персид. слова *хунъ*, т. е. кровь. Отсюда—цѣна за кровь.

Здѣсь людей каравана разобрали по два, по два въ гости, а несчастный бѣднякъ съ однимъ человѣкомъ (каравана) попалъ въ гости къ одной старушкѣ. Спутникъ его здѣсь заснулъ. Вспомнивъ правоученіе бѣлобородаго человѣка, несчастный бѣднякъ не спалъ, а притворился спящимъ.

Въ это время старуха, принявъ ихъ за спящихъ, встала съ постели и посыпала по полу сакви, пшеницы. Когда старуха произнесла «Кишъ, Кишъ», изъ за сакви прибѣжали двѣ мыши и встали передъ старухой. Тогда старуха накинула на шеи мышей ошейники, вспахала ими землю и полила своей уриной; пшеница въ одинъ мигъ поспѣла и была сжата. Потомъ помянутыя мыши вымолотили ее, а старуха смолола зерно въ муку, испекла лепешки, положила ихъ на скатерть и сама ушла въ поле. Тогда, неспящій бѣднякъ всталъ съ постели, взялъ эти лепешки и положилъ въ свой мѣшокъ, а свои лепешки выложилъ на скатерть старухи.

Не подозрѣвая ничего, вернувшись съ поля, старуха положила лепешки, лежащія на скатерти, передъ обоими гостями. Когда гости приступили къ ѣдѣ лепешекъ, старуха все время произносила; «Кишъ, Кишъ». Тогда бѣднякъ, сказавъ: «О, мать! и вы отвѣдайте нашу соль, поѣшьте нашихъ лепешекъ»,—досталъ изъ мѣшка ея лепешки и подалъ ей. Въ то время, когда старуха сидѣла и ѣла лепешки, несчастный бѣднякъ произнесъ: «Кишъ, кишъ». Изъ за сакви прибѣжали двѣ мыши и обѣ вбѣжали въ уши старухи. Старуха, обратившись въ осла, вскочила на ноги. Эти два (гостя) сѣли верхомъ на нее.

На другой день оказалось, что всѣ люди при караванѣ также обратились въ ословъ и на нихъ ѣздили верхомъ жители города (Кашмира). Когда жители города пришли въ домъ старухи, они увидѣли, что и она обратилась въ осла. Тогда Кашмирцы заплакали навзрыдъ.

— «Оказывается его (бѣдняка) молитва лучше нашей, что онъ, обративъ нашу мать въ осла, сѣлъ на нее», приговаривали они и, кланяясь ему въ ноги, стали подносить много подарковъ. Обративъ всѣхъ ословъ при караванѣ снова въ людей, несчастный бѣднякъ достигъ богатства. Теперь они (т. е. караванъ) направились домой.

Когда стали приближаться къ своему городу, караванбаши послалъ бѣдняка впередъ съ радостными вѣстями къ себѣ домой. Черезъ нѣсколько дней (бѣднякъ) прибылъ въ домъ караванбаши. Жена караванбаши этого несчастнаго бѣдняка стала сбивать съ пути. «Полюби меня» — говорила она. Этотъ бѣднякъ, вспомнивъ нравоучительныя слова бѣлобородаго человѣка: «Тамъ, гдѣ отвѣдалъ соль, не будь тому врагомъ» — не поддался словамъ искушенія.

«Когда караванбаши вернется, вѣдь онъ (бѣднякъ) обнаружитъ мои дѣянія. До этого лучше я убью его, дабы онъ не выдалъ мою вину», подумала женщина (жена караванбаши) и, пріидя къ лепешечнику, сказала: «О, лепешечникъ, я тебѣ сдѣлала много добра, такъ не забывай этого. Я тебѣ дамъ одно порученіе, конечно, ты исполнишь. Если ты его не исполнишь, я убью тебя самого».

— «Хорошо»,—сказалъ лепешечникъ.

Тогда женщина сказала: «Утромъ придетъ къ тебѣ одинъ человѣкъ, ты его немедленно брось въ печку, чтобы онъ, сгорѣвъ, померъ».

Женщина вернулась домой и сказала несчастному бѣдняку, чтобы онъ съ разсвѣтомъ пошелъ и принесъ отъ лепешечника лепешекъ. Этотъ несчастный бѣднякъ не зналъ дурного умысла женщины и пошелъ по направленію къ лепешечнику. Идетъ это онъ и видитъ, какъ одна старушка приготовляетъ болтушку.

— Вѣдь говорилъ мнѣ бѣлобородый человѣкъ: «Отъ ранней (утренней) пищи не отказывайся, а поздней пищи не дожидайся»—подумалъ (бѣднякъ), и остался въ домѣ старушки, чтобы поѣсть болтушки и идти потомъ далѣе.

Въ это время жена караванбаши, выйдя изъ дому, накрывшись, прошла къ лепешечнику, для того чтобы посмотрѣть, какъ помираетъ въ огнѣ бѣднякъ. Лепешечникъ, не взглянувъ въ лицо женщинѣ, сгребъ ее и бросилъ въ огонь.

Когда несчастный бѣднякъ, поѣвъ болтушки, пришелъ къ лепешечнику, женщина уже сгорѣла и померла.

Объ умыслахъ женщины (бѣднякъ) узналъ только отъ лепешечника и благодарилъ Бога. Если-бъ онъ, не дождавшись ранней пищи, ушелъ, то самъ бы, сгорѣвъ въ огнѣ, померъ.

Спустя немного дней, пріѣхалъ караванбаши и, услыхавъ о смерти жены и непорочности бѣдняка, остался очень доволенъ имъ.

Бѣднякъ, получивъ разрѣшеніе отъ караванбаши, прибылъ домой. Въ полночь, когда онъ вошелъ въ домъ, то увидѣлъ, что около жены его лежитъ одинъ мужчина. Чтобы убить его сонпаго, онъ обнажилъ шашку, но вспомнивъ нравоученіе: «Сегодняшнюю злобу прибереги на завтра», вложилъ шашку въ ножны и легъ самъ на дворѣ.

На утро, когда онъ посмотрѣлъ, то узналъ, что лежавшій мужчина былъ его сынъ. Еслибъ несчастный бѣднякъ позабылъ нравоученіе, то убилъ бы своего сына.

Такъ знайте-жъ теперь, что тотъ, который давалъ бѣдняку нравоученія, былъ Азретъ-Хизръ [1]), да будетъ надъ нимъ миръ.

Итакъ, вслѣдствіе того, что несчастный бѣднякъ не забылъ пять нравоучительныхъ словъ, онъ достигъ своей цѣли.

Боже! да достигнутъ цѣли всѣ созданія. Да будетъ такъ, Властитель міровъ!

---

[1]) Хизръ—имя пророка, который будто бы нашелъ источникъ жизненной воды и выпилъ изъ него, а потому и будетъ жить до скончанія вѣковъ.— „Добраго тебѣ пути, да будетъ спутникомъ твоимъ Хизръ" — говорятъ обыкновенно киргизу, отъѣзжающему въ путь. По разсказамъ мѣстныхъ туземцевъ, Хизръ иногда встрѣчается съ людьми въ образѣ нищаго старца. Этого можетъ сподобиться одинъ изъ счастливѣйшихъ въ мірѣ. Говорятъ, что мусульманинъ одинъ разъ въ жизни своей долженъ обязательно встрѣтиться съ Хизромъ, но при встрѣчѣ онъ не подозрѣваетъ, что видитъ передъ собою Хизра.

Сказка II.

«Счастье», «Богатство» и «Разумъ» держали однажды втроемъ путь. По дорогѣ они поспорили и говорилъ каждый изъ нихъ: «Я мудрѣе, я мудрѣе».

Продолжая путь, они встрѣтили одного нищаго, голова котораго была паршивая, а икры въ коростахъ. Онъ пахалъ землю.

— Тотъ, кто изъ насъ мудрѣе, пусть поддержитъ и исцѣлитъ этого нищаго—думали они втроемъ; но Разумъ не принялъ участія. Богатство и Счастье вдвоемъ подошли (къ нищему) и поддержали его подъ руки. Посѣвы нищаго дали большой урожай, цѣны были высокія и онъ нажилъ большое богатство. Итакъ нищій сталъ богачемъ. Опьяненный богатствомъ и счастьемъ, онъ сосваталъ себѣ дочь одного царя. Въ одинъ изъ дней онъ соединился съ дочерью царя и, признавъ ее недостойной себя, онъ три ночи (спалъ) спиною къ ней. На четвертую ночь дѣвица (дочь царя) обхватила ласково мужа за шею и повернула къ себѣ, но мужъ толкнулъ ее мизинцемъ и вышибъ ей два лапаточныхъ зуба. Узнавъ объ этомъ, царь пришелъ въ гнѣвъ.

— Пусть зять мой укажетъ на вину моей дочери, иначе я убью его—сказалъ царь, и повелъ зятя пѣшкомъ къ висѣлицѣ.

Тогда Счастье и Богатство засуетились.

— Опьяненный нами, вѣдь онъ дочери царя вышибъ зубы, и царь рѣшилъ казнить своего зятя, а мы стали причиной смерти этого несчастнаго (человѣка),—сказали они, идя вдвоемъ. Тутъ они увидѣли сидящимъ въ одномъ мѣстѣ Разумъ.

Взявъ за обѣ руки Разумъ, они сказали: «О, Разумъ, мы стали причиной несчастья одного несчастнаго (человѣка); если вы не изыщете какихъ либо средствъ (къ избавленію его), будетъ ему плохо».

Тогда Разумъ сказалъ: «Если я избавлю этого парня отъ смерти, подчинитесь-ли вы мнѣ?»

Счастье и Богатство почтительно поклонились и дали дорогу Разуму. Разумъ немедленно пришелъ и поддержалъ (совѣтомъ) подъ руки зятя царя.

Послѣ того парень, обращаясь къ собравшемуся народу, сказалъ: «О, народъ, я имѣю къ вамъ одну просьбу, дозвольте сказать ее передъ смертью». Царь сказалъ: «Пусть онъ скажетъ свою просьбу». Тогда зять его сказалъ: «Дочь царя выросла чистой и непорочной, на тѣлѣ ея я не нашелъ никакого недостатка, но порочные зубы вышибъ; теперь она очистилась отъ порока».

Выслушавъ это, царь позвалъ мать, воспитавшую дочь, и спросилъ: «О, мать, какой имѣется порокъ у лопаточныхъ зубовъ моей дочери, скажите. Если есть порокъ, то зятя я избавляю отъ мученій; если порока нѣтъ, повѣшу его на висѣлицѣ».

Мать сказала: «О, царь, жертвую вамъ своею душою, буду говорить правду. Въ то время, когда дочь ваша еще ползала, была у насъ одна молодая сука со щенятами, и вотъ смотрю я какъ-то въ одинъ изъ дней

и вижу, какъ она, играя со щенятами, сосетъ суку. Увидя это своими глазами, я отняла ее своими руками».

Тогда царь, обращаясь къ своему народу, крикнулъ: «Браво! оказывается мой зять святой. Онъ угадалъ, какъ дочь моя въ младенчествѣ, по глупости, сосала суку; другихъ пороковъ не нашелъ, а ежели-бъ они были, то также бы указалъ на нихъ». Сказавъ это, при звукахъ трубъ и барабановъ, царь отпраздновалъ свадьбу своей дочери и проводилъ ее (къ мужу).

О, молодцы! знайте-же, что изъ этого примѣра видно, что безъ разума богатство и счастье, оказывается, ничто. Потому что мы полагаемъ, что еслибъ не было Разума, нашъ зять, опьяненный Богатствомъ и Счастьемъ, подвергся бы смерти, но онъ при помощи своего ума избавился отъ смерти. Каждый человѣкъ, если дастъ волю разуму, въ обоихъ мірахъ не потерпитъ вреда и мукъ. Но люди, обольщенные счастьемъ и богатствомъ, безъ участія разума, въ концѣ концовъ получаютъ одну печаль.

Боже! да не очутится человѣчество въ печали... Да будетъ такъ, Властитель міровъ!

Сказка III.

Въ прежнія времена одинъ верблюдъ, одинъ тигръ, одинъ боровъ и одна лисица—всѣ четверо пошли въ путь.

Въ одинъ изъ дней для тигра и лисицы настала гибель, они совсѣмъ проголодались. А верблюдъ съ боровомъ, щипля траву, насыщали свои желудки. Тигру и лисицѣ не было пищи. Тогда лисица, придя къ тигру, сказала: «О, богатырь, мы вдвоемъ дошли до того, что хоть помирай съ голоду. Что, если мы съѣдимъ верблюда?»

Тогда тигръ сказалъ: «Нѣтъ, тяжко будетъ насиліе надъ спутникомъ, причинить ему несправедливость невозможно».

— А ежели мы добровольно склонимъ къ этому верблюда, тогда можно?—спросила лисица. Тигръ сказалъ: «Да развѣ верблюдъ соглашался когда-нибудь помирать добровольно?»

Послѣ того лисица привела тигра къ верблюду и сказала: «О, верблюдъ, мы всѣ четверо спутники другъ-другу, но мы не могли еще воздать другъ-другу должное. Тигръ, боровъ и я, втроемъ, лишены съѣдобнаго, проголодались, и желудки наши почернѣли. Вы же, питаясь любою травою, насытивъ свой желудокъ, объ насъ совсѣмъ позабыли». Сказавъ это, лисица заплакала.

На это верблюдъ сказалъ: «О, мои спутники, развѣ я жалѣлъ когда нибудь дѣлать для васъ добро по силѣ своей возможности. Въ силахъ ли я помочь вамъ теперь?»

— Если вы согласны, мы васъ зарѣжемъ, раздѣлимъ на доли, а когда съѣдимъ мясо ваше, опять воскресимъ васъ, поставимъ на ноги,

да еще дадимъ вамъ (въ придачу) такого же верблюда, какъ вы. Такъ вѣрьте-жъ нашему обѣщанію—сказала лисица.

Тогда верблюдъ подумалъ: «если дадутъ мнѣ такого же верблюда, какъ я, и воскресятъ меня, такъ чего же лучше! Какъ бы то ни было, вѣдь насъ тогда будетъ два верблюда»—и согласился помереть.

Убивъ верблюда, мясо раздѣлили на четыре части. Одна доля была очень большая.

Тутъ лисица шопотомъ сказала тигру: «Вы замѣтили, что боровъ измѣнился и уже сталъ не прежній. Вѣдь сколько времени, при дѣлежѣ, мы признавали васъ старшимъ между нами. Когда я сказала, что вотъ молъ эта большая доля предназначена вамъ, боровъ не согласился, напротивъ того, несправедливо выругалъ васъ и сказалъ, что большую долю онъ возьметъ самъ».

Увѣривъ въ этомъ тигра, (лисица) прибѣжала къ борову.

— О, дядя-боровъ! Тигръ, чтобъ его прибралъ Богъ, не годится быть спутникомъ нашимъ. Сколько разъ, при дѣлежѣ, мы считали его старшимъ, но добра нашего онъ совсѣмъ не понялъ. Когда я сказала, что вотъ эту большую долю отдадимъ вамъ, сдѣлаемъ нашего дядю-борова старшимъ, онъ не согласился. Вѣдь отцы и дѣды тигра были не знатнѣе васъ; но вы трусъ, боитесь тигра. Еслибъ я имѣла во рту такое оружіе, какъ у васъ, и была такой представительной, какъ вы, я бы за такой поступокъ тигра отомстила бы ему; но что подѣлаю, я немощна,— сказала лисица.

Тогда боровъ сказалъ: «А можно-ли на этотъ разъ взять мнѣ большую долю (мяса)?»

— Можно,—сказала лисица.

Послѣ того лисица, тигръ и боровъ втроемъ подошли къ (верблюжьему) мясу.

Лисица сдѣлала знакъ борову, боровъ бросился и налегъ на большую долю мяса.

Когда лисица сказала тигру:—«Вотъ видите, слова мои сбылись»— тигръ не выдержалъ, кинулся на борова и придавилъ его. Боровъ не могъ устоять противъ тигра, бросился бѣжать. Тигръ погнался за нимъ и убилъ борова въ камышахъ.

Теперь послушайте слова о лисицѣ.

Послѣ того, какъ тигръ погнался за боровомъ, лисица раздѣлила верблюжье мясо на мелкія части и попрятала подъ камни, засыпавъ землей.

Вернулся тигръ, а мяса нѣтъ.

— Гдѣ же мясо?—спросилъ тигръ у лисицы.

Лисица сказала: «Когда вы погнались за боровомъ, верблюдъ, вставъ, подошелъ ко мнѣ и сказалъ, что мы съ самаго начала стали плутовать и, заподозрѣвъ насъ въ томъ, что мы не дадимъ ему (обѣщаннаго) верблюда, обидѣвшись на насъ, ушелъ».

Тигръ повѣрилъ этому.

Послѣ того лисица и тигръ нѣсколько дней питались мясомъ борова, и тѣмъ спасали свою жизнь (отъ голодной смерти).

Наконецъ покончили и мясо борова, а лисица, крадучись отъ тигра продолжала питаться припрятаннымъ мясомъ верблюда.

Тигръ сталъ тощать.

Въ одинъ изъ дней, добывъ въ одномъ мѣстѣ кусокъ мяса, (лисица) накормила тигра. И такъ послѣ того она кормила его въ недѣлю по одному разу.

Однажды лисица тигру сказала: «О, тигръ! сопутствуя много разъ вашему дядѣ, этотъ мужъ не разъ выручалъ меня въ стѣсненномъ положенiи, добывалъ мнѣ пищу. А вы, недобрый, не только добывать мнѣ пищу, стали обузой мнѣ».

Тогда тигръ сказалъ: «Не говори ты мнѣ такихъ словъ. Покажи ты моимъ взорамъ что-нибудь и, если я устрашусь, тогда можешь питать ко мнѣ злобу».

Послѣ этого разговора лисица подбросила у подошвы одной крутой впадины горы кусокъ мяса верблюда.

Въ одинъ изъ дней (лисица) вмѣстѣ съ тигромъ отправилась по краямъ впадины (горы). Лисица и тигръ сразу увидѣли у подошвы впадины мясо.

Тутъ лисица сказала: «О, тигръ! покажите свое мужество и достаньте мнѣ вонъ это мясо, что лежитъ у подошвы оврага. Сопутствуя постоянно вашему отцу, онъ не разъ кормилъ меня мясомъ, доставая его изъ этого оврага. Теперь вы достаньте мнѣ это мясо. Развѣ не стыдно будетъ вамъ, если я, сопутствуя постоянно такому льву, какъ вы, помру съ голода».

Тигръ, отойдя назадъ, разбѣжался, но, подбѣжавъ къ обрыву, струсилъ и остановился.

Тогда лисица сказала: «Спасибо вамъ! Вы, оказывается, родились въ отца. Отецъ вашъ тоже, бывало, сначала разбѣгался».

Ободренный этой похвалой, тигръ ринулся съ обрыва и, ударясь о камни, упалъ, переломилъ себѣ позвонокъ и подохъ.

О, друзья! знаете-ли, не имѣя ума, верблюдъ согласился померѣть, боровъ поддался обману, тигръ расшибся и подохъ, а умная и смышленая лисица продолжала жить.

Сказка IV.

Въ прежнія времена жили семь братьевъ, родившiеся отъ одного отца и одной матери; всѣ они были *тазъ* (плѣшивые). Поэтому народъ имъ далъ прозвище—«семь плѣшивыхъ». Кромѣ того, жилъ еще одинъ молодецъ, онъ былъ тоже плѣшивый; народъ его прозвалъ «жекè-тазъ» *(одинокiй-плѣшивый)*.

Въ одинъ изъ дней одинокiй плѣшивый, придя къ семи плѣшивымъ, сказалъ: «О, добрѣйшiе! я имѣю единственную корову, присоедините ее

на сегодня къ своимъ коровамъ и пустите на подножный кормъ, а я займусь починкою своихъ сапогъ.

— Хорошо—сказали семь плѣшивыхъ.

Сдавъ единственную свою корову семи плѣшивымъ, одинокій плѣшивый, придя домой, сталъ чинить свои сапоги.

Семь плѣшивыхъ держали такой совѣтъ: «Вѣдь мы не пастухи одинокаго плѣшиваго, убьемъ его корову». (Порѣшивъ на этомъ), корову одинокаго плѣшиваго они утопили въ болотѣ и, зарѣзавъ ее тамъ, дали знать хозяину.

— Корова твоя, чтобы напиться воды, забралась въ болото и утонула тамъ—сказали они.

Въ то время, когда одинокій плѣшивый, взявъ въ руки ножъ, пласталъ въ болотѣ корову, подошли къ водѣ шесть бѣлоголовыхъ верблюдовъ и стали пить воду.

Одинокій плѣшивый, поймавъ верблюдовъ, всѣмъ имъ окрасилъ головы кровью (зарѣзанной) коровы и пустилъ. Верблюды отправились въ одну ложбину и стали щипать тамъ траву.

Спустя немного времени, подъѣхалъ на лошади одинъ человѣкъ и спросилъ одинокаго плѣшиваго: «Не видѣли-ли вы шесть верблюдовъ?»

Одинокій плѣшивый отвѣтилъ: «Вонъ въ той ложбинѣ лежатъ шесть верблюдовъ. Если признаете—угоните ихъ, если не признаете—пригоните ихъ сюда».

Этотъ человѣкъ поѣхалъ и, увидѣвъ, что у верблюдовъ головы красныя, не призналъ ихъ и пригналъ къ одинокому плѣшивому. Одинокій плѣшивый, навьючивъ мясо коровы, привелъ шесть верблюдовъ въ поводу къ себѣ домой.

Пришли семь плѣшивыхъ.

— О, одинокій плѣшивый, откуда вы взяли шесть верблюдовъ?—спросили они.

Тогда одинокій плѣшивый сказалъ: «Оказывается, если накрошить мелко сердце и печень коровы, начинить ими складчатый желудокъ коровы и вынести на рынокъ, даютъ много денегъ, но я, по глупости, продалъ дешево,—получилъ только шесть верблюдовъ».

Семь плѣшивыхъ, придя немедля домой, зарѣзали всѣхъ своихъ коровъ и, искрошивъ мелко сердце и печень, начинили складчатый желудокъ коровамъ и отправились на рынокъ. Тамъ надъ ними всѣ подшучивали; уже день сталъ вечерѣть, и они, осрамившись, вернулись домой, перенеся много непріятностей. Потомъ всѣ семеро стали держать совѣтъ.

— О, одинокій плѣшивый!.. *Да будетъ дочь его разведена мужемъ!!...* [1]), Оказывается, онъ большой нашъ врагъ, такъ убьемъ его мать,—сказали (семь плѣшивыхъ).

---

[1]) Это ругательное восклицаніе произносится у туземцевъ краткимъ словомъ: *Кызъ-талакъ,* что въ переводѣ значитъ: „Дочь разведена“.

Итакъ, въ то время, когда одинокій плѣшивый былъ въ полѣ, задушили его мать.

Одинокій плѣшивый очень плакалъ по матери и узналъ, что она была убита семью плѣшивыми.

Одѣвъ свою умершую мать, накрывъ ея лицо покрываломъ и посадивъ ее на верблюда, (одинокій плѣшивый) выѣхалъ въ другія земли.

На другой день, когда онъ проѣзжалъ по одному аулу, одинъ человѣкъ спросилъ: «Откуда вы ѣдете?»

Одинокій плѣшивый сказалъ: «Мать моя обладала разнымъ искусствомъ. А такъ какъ царь провожаетъ (къ жениху) свою дочь, она учила ее разному искусству, и вотъ теперь я везу мать свою (домой)».

Услыхавъ слова эти, всѣ дѣвицы и женщины (аула) окружили его, говоря, что онѣ желаютъ посмотрѣть пальцы той, которая научила искусству дочь царя, а также желаютъ и сами научиться отъ нея искусству.

— Не подходите близко! верблюдъ мой пугливый—кричалъ одинокій плѣшивый.

Въ это время одна дѣвица, сказавъ: «Развѣ твой верблюдъ не видѣлъ людей», подошла и ухватилась за верблюда. Въ это время одинокій плѣшивый кольнулъ верблюда стальнымъ шиломъ въ ляжку. Верблюдъ, сильно брыкаясь, сбросилъ мать одинокаго плѣшиваго въ одну сторону, а его—въ другую. Одинокій плѣшивый, приговаривая: «Сломалось мое бедро», продолжалъ лежать, не освѣдомляясь о матери своей.

Спустя много времени, одинокій плѣшивый подползъ къ матери, открылъ ей лицо и, сказавъ: «мать моя померла», заплакалъ.

— Вы убили мою мать, мнѣ сломали бедро; теперь пойду я къ царю и укажу на васъ,—сказалъ одинокій плѣшивый.

Тогда народъ этого аула, умоляя одинокаго плѣшиваго, упалъ передъ нимъ на колѣни и выдалъ за него ту самую дѣвицу, которая напугала верблюда и, проводивъ ее, снабдилъ домашнею утварью.

Одинокій плѣшивый прибылъ домой.

Семь плѣшивыхъ, придя къ одинокому плѣшивому, спросили: «Откуда взялъ эту дѣвицу?»

Одинокій плѣшивый молчалъ.

Семь плѣшивыхъ умоляли его, чтобы онъ сказалъ.

— Когда я находился въ полѣ, оказывается, мать моя померла. Крадучи отъ васъ тѣло своей матери, я повезъ на базаръ и продалъ за большія деньги, а на деньги эти купилъ вотъ эту дѣвицу совсѣмъ съ постелью,—сказалъ одинокій плѣшивый.

Послѣ того семь плѣшивыхъ, придя домой, посовѣтовались. Когда мать ихъ заснула, они задушили ее и, съ разсвѣтомъ, на спинѣ утащили на базаръ.

Сидя тамъ въ разныхъ мѣстахъ, они кричали: «Тѣло старухи принесли мы, нѣтъ ли покупателя мужа!»

р Услышали этотъ крикъ царскіе есаулы. «Развѣ бываетъ рынокъ для лѣодажи мертвецовъ», сказали они, и стали жестоко ругать (семь пшивыхъ).

Не переносившіе ранѣе такихъ оскорбленій, семь плѣшивыхъ, вернувшись домой, стали держать совѣтъ.

— Да будетъ дочь его разведена мужемъ!.. Этотъ одинокій плѣшивый, оказывается, нашъ врагъ; убьемъ его и отберемъ у него жену,— сказали они. Привязавъ за шею одинокаго плѣшиваго арканъ, повели его въ открытое поле и привязали тамъ къ одному дереву, а сами ушли за дровами, сказавъ: «Да будетъ дочь его разведена мужемъ!.. Этого одинокаго плѣшиваго мы убьемъ, бросивъ въ огонь».

Итакъ, семь плѣшивыхъ ушли.

Въ то время, когда одинокій плѣшивый былъ на привязи у дерева, подъѣхалъ къ нему одинъ человѣкъ верхомъ. Онъ гналъ передъ собою восемь барановъ и былъ слѣпъ на одинъ глазъ. Подъѣхалъ онъ къ этому дереву и сказалъ одинокому плѣшивому: «Что ты здѣсь дѣлаешь?»

Одинокій плѣшивый отвѣтилъ: «Я человѣкъ, помилованный Богомъ, потому что я былъ слѣпъ на оба глаза, но когда одинъ человѣкъ, одѣвъ меня въ это одѣяніе, привязалъ къ этому дереву, слава Тебѣ Господи, у меня стали видѣть глаза. Сталъ видѣть землю, вселенную; вотъ вижу и васъ».

Тогда (подъѣхавшій) человѣкъ сказалъ: «Я слѣпъ на одинъ глазъ и сверстники мои смѣются надо мною, говоря: *онъ слѣпой*. Такъ привяжите меня къ этому дереву, чтобъ я могъ прозрѣть». Сказавъ это, развязалъ одинокаго плѣшиваго, а одинокій плѣшивый привязалъ его вмѣсто себя, надѣлъ на него свое платье и, одѣвшись въ платье пріѣхавшаго, сѣлъ на лошадь и погналъ барановъ.

Пришли семь плѣшивыхъ съ дровами и, принявъ привязаннаго къ дереву человѣка за одинокаго плѣшиваго, бросили его въ огонь, гдѣ онъ сгорѣлъ, а пепелъ костей его взяли съ собой и продолжали идти домой, какъ въ это время съ одной стороны неожиданно подошелъ къ нимъ одинокій плѣшивый.

Семь плѣшивыхъ спросили: «Откуда ты идешь?»

Одинокій плѣшивый отвѣтилъ: «Послѣ того, какъ вы, бросивъ меня въ огонь, убили, я отправился къ покойному моему отцу. Оказывается, что онъ сталъ очень богатымъ. Онъ далъ мнѣ одинъ халатъ, одну лошадь и восемь барановъ. Вотъ и гоню ихъ.

Семь плѣшивыхъ спросили: «Видѣлъ-ли ты нашего отца?»

Одинокій плѣшивый отвѣтилъ: «Видѣлъ, но не хочу говорить вамъ. Вѣдь вы мою дружбу принимаете во зло, а потому что жъ я вамъ буду говорить»?

Семь плѣшивыхъ умоляли, чтобы онъ сказалъ.

Тогда одинокій плѣшивый сказалъ: «Вашъ отецъ очень богатъ, а скота у него на столько много, что не помѣщается на томъ свѣтѣ. Онъ меня очень просилъ, чтобъ я передалъ его дѣтямъ, т. е. вамъ, поклонъ; просилъ, чтобы вы пришли къ нему и половину скота угнали оттуда и пасли на этомъ свѣтѣ. Но такъ какъ я былъ сердитъ на васъ, то не говорилъ объ этомъ, молчалъ».

Тутъ семь плѣшивыхъ повалились въ ноги одинокому плѣшивому, прося его, чтобъ онъ свелъ ихъ въ это мѣсто (т. е. къ ихъ отцу).

Взявъ съ собою семь плѣшивыхъ, онъ привелъ ихъ къ водовороту одной рѣки.

— Если вы войдете вотъ отсюда, то непремѣнно встрѣтитесь съ вашимъ отцомъ, сказалъ одинокій плѣшивый.

Тогда всѣ семь плѣшивыхъ вошли въ водоворотъ рѣки, были затянуты въ глубь и тамъ погибли.

Изъ этого случая дѣти Адама должны брать примѣръ.

За неимѣніемъ ума, семь плѣшивыхъ, во-первыхъ, убили своихъ коровъ, во-вторыхъ, убили свою мать и, въ-третьихъ,—погибли сами. А умно мыслящій одинокій плѣшивый самъ одинъ отомстилъ семерымъ; не имѣя же ума, какую пользу получили семь плѣшивыхъ отъ того, что ихъ много?

Сказка V.

Въ прежнія времена былъ одинъ справедливый царь. Царь этотъ, сидя въ высокой крѣпости, ежедневно замѣчалъ, какъ народъ собирался въ кучу и расходился.

Однажды царь спросилъ своего визиря: «Отчего вонъ на томъ мѣстѣ собирается народъ въ кучку, а потомъ опять расходится?»

Визирь сказалъ: «Одинъ человѣкъ приходитъ туда и продаетъ *разумъ*, а собравшійся народъ покупаетъ (у него) этотъ разумъ».

Царь былъ пораженъ этимъ.

— Если Богъ не далъ разума, то какъ же его купишь—думалъ царь.

И вотъ царь со скрытымъ намѣреніемъ пришелъ къ продавцу «разума». Продавцу разума онъ сказалъ: «Есть-ли у васъ подходящій для меня разумъ?»

Продавецъ разума сказалъ: «Кто вы такой будете?» Царь отвѣтилъ: «Я царь».

Продавецъ разума сказалъ: «Если вы царь, то у меня есть подходящее для васъ нравоучительное слово, но вы прежде должны дать одну тысячу тиллей».

Царь, отсчитавъ, далъ одну тысячу тиллей.

Тогда продавецъ разума сказалъ: «Всякое дѣло начинай, подумавши: если не подумаешь, разрушится основаніе».

Слова эти царь приказалъ написать на всѣхъ сторонахъ стѣнъ своего дома, для того, чтобы каждый видѣвшій могъ прочитать.

Въ одинъ изъ дней царь потребовалъ къ себѣ цирульника. Въ то время, когда шелъ цирульникъ, царскій визирь сказалъ ему: «О, цирульникъ, которой изъ этихъ бритвъ ты будешь брить волосы царя?»

Тогда цирульникъ показалъ свою бритву, но визирь бросилъ бритву цирульника и, сказавъ: «Для волосъ царя должна быть вотъ такая бритва»—далъ (цирульнику) одну бритву съ золотой ручкой.

Цирульникъ эту бритву съ золотой ручкой взялъ въ свои руки, а свою бритву заткнулъ за поясъ. Придя потомъ къ присутствію царя, положилъ бритву съ золотой ручкой на столъ и, растирая волосы царя, сталъ озираться во всѣ стороны.

Цирульникъ былъ грамотный. Увидѣлъ всѣ надписи и прочелъ: «Всякое дѣло начинай, подумавши: если не подумаешь—разрушится основаніе».

Получивъ примѣръ изъ этихъ (нравоучительныхъ) словъ, цирульникъ не сталъ брить золотой бритвой, а обрилъ своей.

Когда обрили у царя голову, онъ съ гнѣвомъ спросилъ: «О, цирульникъ, ты должно быть нашелъ золотую бритву для меня не подходящей, что, выставивъ ее передъ моими глазами, обрилъ мои волосы бритвой съ деревянной ручкой?»

На это цирульникъ сказалъ: «О, государь! сами же вы написали: «Всякое дѣло начинай, подумавши: если не подумаешь, разрушится основаніе».—Вѣдь золотую бритву далъ (мнѣ) визирь вашъ, а такъ какъ съ секретомъ этой бритвы я не былъ ранѣе знакомъ, я, подумавши, обрилъ ваши волосы своей бритвой».

Царь, потребовавъ къ себѣ визиря своего, сказалъ: «Сейчасъ же обрей свои волосы».

Цирульникъ обрилъ визиря, по приказанію (царя), золотой бритвой. Пока брили, визирь отдалъ Богу душу.

Оказалось, что помянутый визирь питалъ къ царю вражду, а потому обмакнулъ бритву въ ядъ и предложилъ цирульнику обрить царя. Еслибъ цирульникъ не прочиталъ надписи, то обрилъ-бы царю волосы отравленной бритвой, и царь померъ-бы.

Царь, придя въ восторгъ и давъ цирульнику много добра, выпроводилъ его.

Когда царь пошелъ разыскивать продавца разума, то его уже не было, онъ, оказывается, ушелъ.

Сказка VI.

Птица, называемая *бидаыкъ* [1]), между всѣми птицами занимаетъ высокое положеніе.

Въ одинъ изъ дней, когда бидаыкъ, обойдя всѣхъ птицъ, собрался летѣть домой, всѣ птицы отправились проводить его, выражая ему лесть.

Бѣлый соколъ, кречетъ, соколъ и другія птицы, съ разрѣшенія бидаыка, вернулись съ проводовъ, такъ что при бидаыкѣ остался лишь одинъ небольшой орелъ (бӧктӧргӯ).

Этотъ небольшой орелъ (продолжая путь) сказалъ (бидаыку): «О, господинъ, мнѣ не всегда приходится сопровождать васъ; это еще пер-

[1]) Бидаыкъ—по разсказамъ киргизовъ, одна изъ сильнѣйшихъ хищныхъ птицъ, но описать ея внѣшность они не могли. Въ словаряхъ я не встрѣтилъ русскаго названія этой птицы.

вый случай. Я сопровождаю васъ съ надеждой прокормиться (около васъ) день, другой».

Тогда бидаыкъ, сказавъ: «хорошо», бросилъ свой взглядъ къ сторонѣ одного обрыва, и взорамъ бидаыка показалась какая-то птица. Чтобы предоставить пищу небольшому орлу, бидаыкъ стремительно ударился на показавшуюся птицу.

Посмотрѣлъ (бидаыкъ), а это, оказывается, были сѣти птицелова, и бидаыкъ попалъ въ руки.

Говорятъ, тогда бидаыкъ сказалъ съ горечью-сожалѣньемъ: «Слѣдуя словамъ почтенныхъ, я достигалъ желаемаго, слѣдуя словамъ дурныхъ,—я остался осрамленнымъ».

Эти слова потомъ между киргизами вошли въ поговорку.

Также и люди, которые слѣдуютъ словамъ дурныхъ, попадаютъ въ положеніе бидаыка и остаются въ печали. Мы питаемъ надежду, что Богъ всемогущій пошлетъ намъ хорошихъ спутниковъ. Аминь [1])!

Г. Ташкентъ.

А. Диваевъ.

Грузинскіе духовные стихи.

Вѣсти съ того свѣта.

(Пѣсни, записанныя среди тушинъ Иваномъ Гомелаури).

Хочу я вамъ пропѣть стихи о мукахъ ада.

Когда солнце склонится къ западу, Христосъ Богъ возсядетъ на золотой тронъ. Рядомъ съ Нимъ располагаются судьи, взвѣшивающіе грѣхи и добрыя дѣла. Предъ ними вѣсы и ножницы. Судьи дѣлятъ по-поламъ нашъ волосъ. Когда мы вступили на волосяной мостъ, то испугались («я и Иванъ Картели, отправленные для спасенія души») и поблѣднѣли подумавъ: какъ можно пройти чрезъ этотъ мостъ? Проводникъ проходитъ, раскрывъ словно орлиныя крылья. Взглянулъ я въ сторону рая, вижу въ нёгѣ невѣстку свою, дѣвицы вышли ко мнѣ на встрѣчу: всѣ трое были мои сестры.

— Братецъ, какъ ты сюда попалъ, кто далъ тебѣ на то силы?

— Сестры, попалъ я потому, что отъ Бога имѣлъ столько силы!

— Поди, братъ, позакусимъ: теплаго хлѣба и крѣпкаго уксуса, а потомъ встань и иди—ты прошелъ длинный путь.

—

---

[1]) Всѣ шесть сказокъ написаны киргизомъ Чимкентскаго уѣзда, Ногай-Куринской волости, Иркембекомъ Ахенбековымъ.

Не почитавшій родителей висѣлъ въ небѣ за языкъ; измѣнникъ товарищу стоялъ одной ногой въ смолѣ; измѣнника быковъ и плуга обвивала за шею сѣрая змѣя.

—

Привели грѣшника, ничего онъ не могъ сказать ни словомъ, ни дѣломъ о содѣянномъ добрѣ. Расплакался онъ и пролилъ, какъ зерно пшеничное, горячія слезы.— «Возьмите и бросьте туда, гдѣ тьма адская, гдѣ кипитъ смола, пылаетъ пламя и гдѣ кружатся дьяволы!»

—

Привели праведника, творившаго добро. Онъ сталъ рядомъ съ Христомъ Богомъ, какъ добрый сосѣдъ.—Возьмите и водворите, гдѣ тронъ райскій! У изголовья у него горитъ свѣча, въ ногахъ стоитъ овечка. «Дайте двѣ склянки розовой воды, чтобы ему умыть лицо и руки. Пусть это онъ ѣстъ и пьетъ, и будетъ это неисчерпаемо.

А. Хахановъ.

Обрядъ тайнаго обрученія у крестьянъ Васьяновской волости, Кадниковскаго уѣзда.

Въ Васьяновской волости крестьянская молодежь сближается полами на такъ называемыхъ посидѣлкахъ и гульбищахъ, на которыхъ парни и дѣвушки иногда добровольно рѣшаютъ свою судьбу; парень и дѣвушка, имѣющіе любовь другъ къ другу, даютъ клятву: первый—что не возьметъ замужъ другую дѣвушку, вторая—что не выйдетъ замужъ за другого парня и эту клятву скрѣпляютъ такъ называемымъ обрядомъ тайнаго обрученія. Совершеніе этого обряда соблюдается въ строгой тайнѣ. Происходитъ онъ такъ: виновники обряда при одномъ свидѣтелѣ, парнѣ или дѣвушкѣ, предъ иконою засвѣчиваютъ свѣчку и молятся, затѣмъ мѣняются другъ съ другомъ кольцами и, въ заключеніе всего, обмѣниваются поцѣлуями. Сила тайнаго обрученія, по вѣрованію крестьянской молодежи, велика: она приводитъ къ браку парня и дѣвушку такихъ, между которыми, по ихъ общественному и матеріальному положенію, бракъ немыслимъ; лицъ, нарушившихъ клятву, скрѣпленную этимъ обрядомъ, постигаетъ будто бы несчастная семейная жизнь.

А. Д. Неуступовъ.

Два сектантскихъ стихотворенія о безбрачіи и о бракѣ.

Ниже печатаемыя стихотворенія записаны въ Самарѣ и помѣщены Г. А. Трущовымъ въ «Сам. Газетѣ», потомъ перепечатаны въ «Спб. Вѣд.» (1902 № 165), откуда и беремъ ихъ тексты. Въ первомъ излагаются взгляды на безбрачіе Федосеевцевъ-бракоборовъ; второе есть возраженіе имъ со стороны поморянъ-бѣглопоповцевъ.

I. Бракоборческое.

Дѣвство каждый сохраняй,
Тайну брака не познай.
Холостой будь, не женися,
Староженый—воздержися,
Дѣвка—замужъ не ходи,
Староженка—не роди.
Тайна брака истребися,
Дѣтохотство запретися:
Къ зачатію человѣка
Нынѣ въ жизни душу вѣка
Богъ Творецъ не посылаетъ,
А самъ діаволъ помѣшаетъ (помогаетъ?).
Сатана зиждетъ людей,
Множество числомъ семей.
Въ томъ невѣрны помогаютъ,
И враги тожъ пособляютъ.
Сына—дочь не сочетать,
Мать—отца за бракъ изгнать.
Чистоту мы соблюдаемъ,
Вѣру, дѣвство защищаемъ:
Повивалками не быть,
Повиваньемъ не служить,
Вѣру твердо сохранять
И въ родахъ не помогать.
Тверды въ вѣрѣ пребывайте,
Жизни брачной не примайте.
Страсть любовну поправляти,
Покаяньемъ очищати.
Насъ духовные отцы за грѣхи наши простятъ,
Въ райско мѣсто помѣстятъ.
Кто же браки принимаетъ,
Ихъ законность почитаетъ,—
Тамъ иконамъ не молись,
Безъ моленья обойдись.
Намъ дѣтей бракорожденныхъ пестовать не должно,
Удаляться ихъ какъ можно.
Да избавиться напасти—
На одномъ столѣ не ясти,
Въ банѣ съ ними намъ не мыться,
Разной шайкой отдѣляться.
Ихъ съ разводомъ исповѣдать,
Въ домахъ ихнихъ намъ не обѣдать.
Ихъ Христа въ домахъ ихнихъ намъ не славьти,
Какъ невѣрныхъ ихъ оставить.
Чтобъ повсюду дѣвству быть,
Брачну жизнь истребить.
Въ бракъ вступившихъ отлучать,
Святой Троицы лишать.
Вѣру дѣвства знать бы впредь,
Брачныхъ всюду бѣсу въ снѣдь.
Вѣра наша лучше всѣхъ,
Въ чистотѣ нашей успѣхъ.
Насъ Федосей научилъ,
Вѣру дѣвства утвердилъ.
Въ вѣрѣ нашей брака нѣтъ,
Пусть хошь знаетъ цѣлый свѣтъ.

II. Въ защиту брака.

Фараонъ - дѣтоубійца,
Иродъ злобный кровопійца
Грѣхъ легчае сотворили,
Мужескъ полъ одинъ убили;
Бракоборъ же взаконяетъ,
Оба пола умерщвляетъ.
Въ бракоборствѣ—смертный ядъ,
Имъ владѣетъ супостатъ.
Ложну дѣвству злый учитель,
Самъ діаволъ предводитель,
Богу, людемъ врагъ-злодѣй,
Душегубецъ Осмодѣй.
Бракоборство иновѣрно
И ученіемъ зловѣрно.
Тутъ ума святаго нѣтъ;
Это скажетъ цѣлый свѣтъ.

„Старинная" скопческая пѣсня.

Г. А. Трущовъ сообщаетъ въ «Самарск. Газ.» слѣдующую скопческую пѣсню, записанную имъ въ 30 верстахъ отъ Самары, въ селѣ Сухая Вязовка Никол. уѣзда [1]).

От Востокъ страны,
Отъ бѣлой зари,
Отъ Иркутскаго.—
Выкатало къ намъ
Красно солнышко,
Красно солнышко
Сударь батюшка,
Пребогатый гость,
Мать—Сіонъ гора
Превысокая.
Выкатало къ намъ
Яснымъ соколомъ
Огонь-полымя
Жарка молынья,
Въ кораблѣ силушка
Несчетная.
Милліонами, билліонами
Бѣлы голуби (скопцы)
Летятъ тучами,
Тучами за крестъ мучены.
А купцы—скопцы земли греческой—
Именитые, знаменитые,
Знамена несутъ,
Кандалами трясутъ,
Въ колкола звонятъ,
Сокола манятъ.
Къ намъ соколъ летитъ,
Святой Духъ катитъ
Съ награжденіемъ, со страданіемъ,
Съ дарованіемъ, съ чистымъ серебромъ,
Съ краснымъ золотомъ,
Съ пресвѣтлыми брилліантами.
Люди—первенцы земли скупленной—
Они скуплены искупителемъ,
И Святымъ Духомъ утѣшителемъ,
И пречистою его кровію;
И во слѣдъ пошли за искупителемъ,
За Святымъ Духомъ утѣшителемъ.
Онъ идетъ, ведетъ въ града царскіе,
Въ града царскіе, мѣста райскія,
Во Сіонъ-то градъ, во Давыдовъ домъ.
Какъ въ томъ-то домѣ во Давыдовомъ
Агнецъ Божій съ его чадами,
Какъ у нихъ трубы окованныя,
Окованныя, ликованныя,
Во цимбалы бьютъ,
И на литры льютъ
Горючи слезы со рыданіемъ,
Со рыданіемъ, со вздыханіемъ.
На горѣ стоятъ на Сіонскою,
Они молятся въ тайность Божію,
Въ тайность Божію, въ лицо Агнеца,
Въ лицо Агнеца—Искупителя,
Во Свята Духа—Утѣшителя.
Ихъ моленья (подобны) грому страшнаго,
Грому страшнаго, преужаснаго.
Какъ въ томъ домѣ, во Давыдовомъ
Совершается тайность Божія,
Тайность Божія заповѣдная
Отъ всего міра темнаго,
Міра темнаго, преужаснаго.
Только свѣдана святымъ ангеламъ,
Святымъ ангеламъ и архангеламъ,
Херувимамъ съ серафимами,
И апостоламъ съ пророками,
Да еще мученикамъ, да и мученицамъ,
Да еще дѣвственникамъ, да и дѣвственницамъ,
Съ ними Богъ богамъ,
Съ ними Царь царямъ.
Онъ прошелъ, прошелъ костры огненны,
Да еще слава во вѣки вѣковъ, аминь.

По ладу и по содержанію пѣсня принадлежитъ къ числу старинныхъ. Такъ она и извѣстна подъ именемъ «старинной»,—по ритму медленная, дышущая фанатизмомъ.

---

[1]) Перепечатывается изъ „Спб. Вѣд". 1902, 193. *Ред.*

Пѣсня про Морозенка.

Однимъ изъ любопытныхъ засѣданій послѣдняго археологическаго съѣзда, имѣвшаго мѣсто въ Харьковѣ, было засѣданіе этнографическаго отдѣленія 19-го августа съ участіемъ кобзарей, лирниковъ и артистовъ. Обширный залъ Харьковской публичной библіотеки, гдѣ происходило засѣданіе, былъ переполненъ публикой, несмотря на то, что входъ въ залъ былъ весьма ограниченъ. Кобзари и лирники, эти послѣдніе носители южно-русскаго народнаго творчества, были встрѣчены громкими аплодисментами собравшейся въ залѣ публики; они своимъ художественнымъ исполненіемъ народныхъ мотивовъ, о которыхъ большинство изъ слушателей знало только по наслышкѣ, произвели настолько сильное впечатлѣніе, что принимавшій въ этомъ же вечерѣ участіе прекрасный хоръ товарищества русско-малорусскихъ артистовъ подъ управленіемъ г. Садовскаго казался блѣднымъ въ сравненіи съ оригинальнымъ исполненіемъ слѣпыхъ кобзарей и лирниковъ. Безыскусственная народная поэзія, пѣніе бандуриста и нѣжные, полные богатой и сложной гармоніи звуки бандуры побѣдили искусство и заронили въ душу слушателей новую искру любви къ народной поэзіи и ея носителю—народу. Въ числѣ исполнителей на этомъ вечерѣ выступилъ молодой еще, но съ прекраснымъ голосомъ, искусною игрою на бандурѣ и богатымъ пѣсеннымъ матеріаломъ, слѣпой бандуристъ Терентій Макарычъ Пархоменко, житель села Бурковки Сосницкаго у. Черниговской губ , 29-ти лѣтъ отъ роду. Родился онъ въ с. Волосковцахъ Сосницкаго же уѣзда, учился въ народной школѣ, десяти лѣтъ ослѣпъ; женатъ, имѣетъ свою хату. На вечерѣ это былъ безспорно лучшій исполнитель. Онъ пѣлъ „Пѣсню про Морозенка" (отрывокъ). Эту же самую пѣсню онъ исполнялъ нѣсколько раньше, зимою того же года, въ Нѣжинѣ, гдѣ она и была цѣликомъ записана Ѳ. Д. Проценкомъ, большимъ любителемъ пѣнія, организаторомъ народныхъ спектаклей и хоровъ въ нѣжинскомъ Народномъ домѣ. Онъ же пригласилъ Пархоменка къ участію въ народныхъ малорусскихъ спектакляхъ въ роляхъ бандуриста. Запись прилагаемой при этомъ „Писни про Морозенка" была передана мнѣ г. Проценкомъ минувшимъ лѣтомъ, а въ концѣ того же лѣта я имѣлъ удовольствіе совершенно случайно на археологическомъ съѣздѣ лично увидѣть бандуриста и прослушать отрывокъ той же его „Писни про Морозенка". Вотъ ея текстъ:

Ой Морозе, Морозенко,
Ой да ты, славный козаче!
За тобою, Морозенко,
Вся Украина плаче.
Ой не такъ же Украина
Якъ ридная маты,
Заплакала Морозыха
Та стоячи для хаты.
—Ой не плачь же, стара Морозыха!
Не плачь, не журыся,
Пиды зъ намы, козакамы,
Меду-пыва напыйся.
—Чогось мыни, козачейьки,
Медъ-пыва не пьетця,
Десь мій сынъ Морозенко
Зъ татарьмы бьетця.
Изъ за горы, изъ за кручы
Вдале війско выступае,

Попереду Морозенко
Сывымъ конемъ выгравае.
Та схилывъ же голывоньку
Сыву коню на грыву,
Та роспустывъ чорны кудри
Сыву коню до копыту.
Тожъ не гримъ у степу грогоче,
Тожъ не хмара свитъ закрыла;—
Тожъ татаръ велыка сыла
Козаченькивъ обступыла.
Былысь зъ ранку козаченьки
До ночи глухои..
Козакивъ лягло чи мало,.
А татаръ утрое.
Не одынъ козакъ не здався
Живымъ у неволю,
Полеглы уси, не вернувся
Не одынъ до дому.
Не вернувся й Морозенко
Голова завзята..
Житья старе Украины
Якь не було, мыновало,
Тилько думки на спомынки
Та писни застались.
И живучи, и могучи
Други писни Украины,
И вразлывы и унылы
Якъ плачъ сыротыны.
Ихъ родыла степъ широка,
Гей та Днипръ, та море.
Воны зъ сердця вылывались
Одъ тяжкаго горя.
Розлылося по всихъ писняхъ
Горенько козаче,
И въ веселыхъ и въ удалыхъ
Спiючися плаче.
Ой, якъ весело спиваты
Тоби, Украино!
Ты жъ николы не зазнала
Доброи годыны.
Товклы тебе зо всихъ бокивъ
Зо всіеи сылы
И хрещены й нехрещены
Сусидоньки мылы.
Хочъ не хочъ, а довелося
Высь викъ воюваты
И за віру й за родыну
Й за правду стояты.
И стоялы, не вныналы
Въ лыхую годыну,
Здачи всимъ здавать вспивалы
Сыны Украины.
Та давно добро и лыхо
Уже мыновалось,
Тилько думки на спомынки
Та писни зостались.
Уся то ты, Украино,
Славою покрыта,
Лютымъ горемъ, та слизами,
Та кровью залыта!

Н. Д-винъ.

Критика и библіографія.

Wasiliev I. Priester, Uebersicht über die heidnischen Gebräuche, Aberglauben u. Religion der Wotiaken in den Gouvern. Wiatka u. Kazan. *Helsingfors, 1902. Suomalais-Ugrilaisen Seuran Tomituksia, XVIII. Mém. de la Soc. Finno-Ougrienne, XVIII.*

Передъ нами богатый матеріалъ по религіознымъ воззрѣніямъ вотяковъ. Съ большой подробностью и тщательностью разсмотрѣны различные виды жертвоприношеній: общественные, родовые, семейные. Описаны дѣйствія лицъ, исполняющихъ жреческія обязанности, функціи въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ туно, тӧре, парчасей, кодоковъ и др.; видъ и цвѣтъ жертвеннаго животнаго при каждомъ отдѣльномъ жертвоприношеніи, совершается ли оно въ священной рощѣ, въ родовомъ или семейномъ святилищѣ, въ полѣ, на дворѣ избы и т. д. Въ общемъ, какъ намъ кажется, книжка представляетъ добросовѣстно исполненную сводку имѣющихся въ литературѣ свѣдѣній о языческихъ обрядахъ и вѣрованіяхъ считающихся христіанами вотяковъ. Быть можетъ, такія свѣдѣнія дополнены личными наблюденіями автора, который, повидимому, хорошо знакомъ съ вотяками. Отсутствуетъ какое либо указаніе на литературу предмета. Это сильно обезцѣниваетъ трудъ о. Васильева. Лишенный указанія на мѣстности, въ которыхъ записаны тѣ или другіе обряды, на источники, откуда взято то или другое свѣдѣніе, матеріалъ, представленный въ настоящей книжкѣ, теряетъ бо́льшую часть своего значенія. Отдѣльныя данныя кажутся выхваченными откуда-то, неимѣющими почвы. Нельзя смѣшивать воедино религіозныя воззрѣнія и обряды вотяковъ, живущихъ на пространствѣ двухъ губерній. Едва ли между отдѣльными группами вотяковъ не окажется различія, если не въ главныхъ основахъ міросозерцанія и поклоненія божествамъ и духамъ, то въ частностяхъ, имѣющихъ однако существенное значеніе. Не даромъ же изслѣдователи вотскаго быта такъ разнорѣчиво подчасъ говорили о вотскомъ пантеонѣ. Мы имѣемъ къ тому же цѣнное указаніе въ литературѣ о вотякахъ. „И въ настоящее время, пишетъ г. Богаевскій, вотяки убѣждены, что разныя племена молятся своимъ родовымъ божествамъ различнымъ образомъ, а эти послѣднія принимаютъ лишь тѣ моленія, которыя совершены по обрядамъ покровительствуемаго ими племени“. (Э. О. 1890, 2. стр. 78 прим.). На это указаніе нельзя не обратить достаточнаго вниманія. При строго родовомъ характерѣ, кото-

рый все еще носитъ вотяцкая религія, такой взглядъ на обязательное различіе между поклоненіемъ отдѣльнымъ родовымъ божествамъ является вполнѣ естественнымъ. Слѣдовательно, есть возможность предположить, что отдѣльные рода жертвовали и различныхъ животныхъ, употребляли при моленіяхъ вѣтви разныхъ деревьевъ. „Черезъ годъ или полтора (послѣ рожденія ребенка), пишетъ Верещагинъ (Вотяки Сосновскаго края) за каждаго ребенка приносятъ Воршуду рыбную жертву. Для каждой деревни родъ рыбы опредѣленъ давно, поэтому каждая деревня знаетъ свою рыбу, и въ случаѣ нужды платитъ за нее дорого, лишь бы найти“. При этомъ надо еще имѣть въ виду, что жители одного селенія въ прежнее время принадлежали обыкновенно одному роду и что духи хранители отдѣльныхъ родовъ и семей были такъ же различны, какъ и родъ приносимой имъ жертвы. Точно также отдѣльные рода и семьи имѣли своихъ деревьевъ-хранителей и свои священныя рощи. Культъ духовъ деревьевъ еще ясно сохранился въ міровоззрѣніи вотяка. Одинъ изслѣдователь писалъ, что, „каждый основатель новаго хозяйства идетъ въ лѣсъ и выбираетъ особаго березу-покровителя“. (Смирновъ, Вотяки, цитир. Буха). Есть указанія на то, что въ родовой священной рощѣ у каждой семьи бываетъ свое священное дерево. Безъ сомнѣнія въ общемъ культѣ божествъ и духовъ долженъ былъ проявиться въ схожихъ чертахъ у всего народа, но разновидности во всякомъ случаѣ могутъ существовать. Вотякамъ посчастливилось въ этнографической литературѣ. Ихъ бытомъ и религіозными воззрѣніями занимались такіе крупные и талантливые изслѣдователи, какъ Потанинъ, Первухинъ, Верещагинъ, Богаевскій, Смирновъ и др. Однако, многое еще остается сдѣлать. Интересна сводка добытаго матеріала, умѣло и научно сдѣланная; интересно также детальное изслѣдованіе по отдѣльнымъ мѣстностямъ разселеній вотяковъ.

Въ книжкѣ о. Васильева приведены нѣсколько пѣсенъ и молитвъ и одинъ заговоръ на вотскомъ языкѣ съ точнымъ переводомъ, и эти образцы языка и творчества представляютъ значительный интересъ. Напомнимъ только, что вотяцкія молитвы не представляютъ изъ себя разъ навсегда созданныя молитвенныя формулы. Ихъ сочиняютъ свободно лица, исполняющія жреческія обязанности, и вотяки весьма цѣнятъ даровитаго и краснорѣчиваго импровизатора.

В. Х—на.

Arthur Kopp. *Alter Kernsprüchlein und Volksreime für liebende Herzen ein Dutzend.*

Подъ такимъ заглавіемъ помѣщена интересная статья въ журналѣ «Zeitschrift des Vereins für Volkskunde» 1902 г. Heft I. Авторъ говоритъ въ ней о тѣхъ коротенькихъ риѳмованныхъ присловьяхъ и четверостишіяхъ, которыя въ большомъ ходу среди народа. Всѣ они посвящены изображенію душевныхъ состояній, обусловленныхъ сердечными привязанностями, и представляютъ собою кратко формулированныя основныя темы народной лирической поэзіи, которыя развиты во множествѣ

народныхъ лирическихъ пѣсенъ. По изслѣдованію автора оказалось, что эти общеупотребительныя поговорки или присловья издавна странствуютъ въ народѣ, они встрѣчаются не только въ текстѣ народныхъ пѣсенъ, но и въ памятникахъ древней письменности: въ статьяхъ различнаго содержанія, въ перепискахъ, въ рыцарскихъ романсахъ, средневѣковыхъ стихотвореніяхъ, въ надписяхъ на поляхъ книгъ, подъ гравюрами. Такихъ риѳмованныхъ присловій, вкратцѣ передающихъ содержаніе многочисленныхъ лирическихъ народныхъ пѣсенъ, Ар. Коппъ приводитъ 12. Первое изъ нихъ:

Wolt Gott und ein
So wer mein trauren klein,—

представляя собою строки народной пѣсни, встрѣчается въ рукописяхъ 16 и 17-го вѣковъ (1562, 74, 1601 г.). Оно изображаетъ сомнѣніе въ привязанности любимаго лица и мысль о томъ, что вся печаль пройдетъ, если измѣнятся обстоятельства. 2-е присловье:

Lieb mich allein
Oder lass es gar sein,

выражающее первое условіе любви, часто попадающееся въ старинныхъ сборникахъ стихотвореній и пѣсенъ, не менѣе часто находится и въ современныхъ народныхъ поэтическихъ произведеніяхъ. 3-е присловье:

Lieb mich, wie ich dich,
Nichts mehr begehr ich,

передающее желаніе любящаго сердца, благодаря своей счастливой риѳмовкѣ и отчетливости мысли, много разъ попадается въ пѣсняхъ, романсахъ, надписяхъ на подаренныхъ предметахъ. Иногда это присловье встрѣчается написаннымъ лишь начальными буквами словъ L M W I D N M B I. Въ 17 в. было сложено стихотвореніе изъ 5 куплетовъ, по 6 строкъ въ каждомъ, такъ, что первыя слова первой и четвертой строкъ каждаго куплета составляли это присловье.

Народное убѣжденіе, что любовь необходимо хранить втайнѣ, вылилось въ краткую поговорку:

4-е присловье: Stet und still ist ganz mein will.

Ее можно встрѣтить и въ народной пѣснѣ и въ романсѣ 16 в. Тайна необходима, во-первыхъ, потому, что скрытая любовь, какъ говорятъ пѣсни, горячѣе:

5-е присловье: Kein Feuer, keine Kohle kann brennen so heiss
Als heimliche Liebe von der niemand was weiss.

—а во-вторыхъ, потому, что пересуды людей нарушаютъ спокойствіе любящихъ:

6-е присловье: Disteln und Dornen stechen sehr,
Falsche Zungen noch viel mehr.

Боязнь злыхъ языковъ часто выражается въ народныхъ пѣсняхъ и онѣ рѣдко обходятся безъ вышеприведеннаго двустишія.—Какъ средство, спо-

собствующее прекращенію пересудовъ, пѣсни рекомендуютъ скромность, и совѣтъ этотъ выражается въ очень распространенномъ присловьи:

7-е присловье: Liebchen halt'fest
Wie der Baum seine Aest!

Благодарною темою для лирики служатъ увѣренія въ вѣчной любви, и пѣсенъ, содержащихъ въ себѣ клятвы вѣрности, очень много. Вся ихъ разнообразная вереница сводится къ одному очень старинному четверостишію, безъ котораго не обходится почти ни одна пѣсня:

8-е присловье: Wann dich Gott so lang liess leben
Bis Müllnstein trügen Weinreben.
Auch biss die Reben tragen Wein
Solst du allzeit mein Liebste sein.

Разнообразный и длинный рядъ лирическихъ народныхъ пѣсенъ посвященъ изображенію страданій отъ любви. Мотивъ этотъ формулированъ народнымъ творчествомъ очень кратко и отчетливо:

9-е присловье: Lieb ist Leides Anfang
Es währe kurz oder lang.

Присловье это, на разные лады употребленное въ пѣсняхъ и романсахъ, одинаково часто встрѣчается какъ въ рукописяхъ 16 и 17 в. в., такъ и въ современной народной поэзіи.—Причины душевныхъ страданій выяснены народнымъ творчествомъ въ четверостишіяхъ, которыя часто повторяются въ народѣ отдѣльно или распространяются и варіируются въ лирическихъ пѣсняхъ.

1-я причина печали—разлука:

10-е присловье: Ach scheiden, immer scheiden
Und wer hat dich erdacht,
Du hast mir mein junges Hertze
Aus freuden in trauren gebracht.

2-я причина—отсутствіе любимаго человѣка:

11-е присловье: Ach den ich hätt so gern,
Der ist von mir so fern!
Und den ich gar nicht mag,
Den seh' ich alle Tag.

И 3-я наконецъ—измѣнчивость дѣвушки:

12-е присловье: Kein Apfel ist so rosenroth,
Es steckt ein Würmlein drinn,
Und keine Jungfer wird geborn
Sie trägt ein falschen Sinn.

Приведенныя присловія и четверостишія интересны, какъ проявленія народнаго творчества, сумѣвшаго въ удачныхъ комбинаціяхъ немногихъ словъ выразить всю суть многочисленныхъ лирическихъ народныхъ пѣсенъ.—Эти кратко и отчетливо выраженныя основныя лирическія темы народныхъ пѣсенъ могутъ представить собою еще нѣкоторый интересъ потому, что онѣ почти дословно совпадаютъ съ нѣкоторыми изъ

строфъ русскихъ народныхъ лирическихъ пѣсенъ и именно съ такими, которыя, заключая въ себѣ основную мысль, повторяются почти безъ измѣненій въ цѣломъ рядѣ пѣсенъ. Такъ 3-е присловье почти дословно отвѣчаетъ словамъ русской пѣсни:

Если любишь, такъ люби,
А не любишь—откажи. (Соб. 4 т. 275, 79 и др.),

почти въ неизмѣнной формѣ повторяющимся во многихъ пѣсняхъ. Тема о злыхъ языкахъ, нарушающихъ спокойствіе любящихъ, широко распространена въ русской народной лирикѣ и выраженіе русскихъ пѣсенъ:

„Да боюся злыхъ людей...
Подсмотрятъ наши слѣды,
Доведутъ насъ до бѣды" [1])

входящее въ текстъ многихъ пѣсенъ, довольно близко подходитъ къ 6-му присловью.

Совѣтъ, какъ беречь себя отъ злыхъ пересудовъ въ русской лирической пѣснѣ:

„Посмирнѣе живи, любушка,
Моя бѣлая лебедушка (Соб. 5 т. 217, 219 и др.)

если не по внѣшней формѣ, то по своему внутреннему смыслу, отвѣчаетъ вышеприведенному 7-му присловью.

Формулировка клятвъ вѣрности въ рус. лирическихъ народныхъ пѣсняхъ нѣсколько отличается отъ той, которая принята нѣмецкой лирикой, но поэтическое изображеніе невозможнаго событія подъ видомъ камня, на которомъ можетъ взойти растеніе, не чуждо и русской народной лирикѣ:

„Какъ на камешкѣ повырастетъ густой кустъ ракитовый,—
Тогда къ тебѣ побываю бѣдна, молода жена" [2]),

говоритъ воинъ, идя въ битву и не надѣясь вернуться. Тоска по отсутствующему другу въ русскихъ народныхъ лирическихъ пѣсняхъ передается почти одинаково съ нѣмецкимъ четверостишіемъ:

Ach den ich hätt so gern
Der ist von mir so fern!
„Ахъ, кого вѣрно люблю, того здѣся нѣтъ,
Ахъ, кого я ненавижу, всегда въ глазахъ вижу (т. V. 79).

Темы: разлука и измѣнчивость дѣвушки, подробно и разнообразно изложены въ русскихъ лирическихъ пѣсняхъ; по внутреннему смыслу эти пѣсни сходны съ нѣмецкими на тѣ же темы, но одинаковыхъ внѣшнихъ чертъ онѣ имѣютъ очень мало.

Устойчивость и широкое распространеніе вышеизложенныхъ 12-ти присловій и четверостишій Артуръ Коппъ объясняетъ тѣмъ, что мѣткость ихъ нравилась народу, видѣвшему въ нихъ искусное выраженіе его воззрѣній, а краткость и отчетливость изложенныхъ мыслей способствовали тому, что, разъ заученныя, присловія и четверостишія эти уже не забывались, а напротивъ постоянно употреблялись въ подходящихъ случаяхъ.

Е. Е—ая.

[1]) Соболевскій, V т. 425, 440 и др.
[2]) Соболевскій, т. I, 261.

Извѣстія С. Петербургскаго Славянскаго Благотворительнаго Общества. *1902 г. №№ 1, 2.*

Съ октября мѣсяца минувшаго 1902 г. СПБ. Славянское Благотворительное Общество возобновило изданіе собственнаго печатнаго органа, заглавіе котораго нами выписано выше. Что дастъ намъ этотъ новый журналъ въ будущемъ—говорить пока преждевременно, но то, что ужъ дали первые его два выпуска, опредѣляетъ до нѣкоторой степени характеръ его направленія и заранѣе говоритъ о томъ общественно-научномъ успѣхѣ, какой, несомнѣнно, ждетъ его въ будущемъ. Въ немъ прежде всего обращаетъ на себя вниманіе разнообразіе содержанія. Въ его программу входятъ научно-популярныя статьи по исторіи, литературѣ, церковной жизни, этнографіи славянъ; статьи и извѣстія, касающіяся современной политической и культурной жизни славянскихъ народовъ; письма и корреспонденціи изъ славянскихъ земель; библіографическіе отчеты о выдающихся книгахъ по всѣмъ вопросамъ славяновѣдѣнія... И хотя редакція, выпуская въ свѣтъ первую книжку, заявила, что нѣкоторые отдѣлы являются пока не въ полномъ видѣ, тѣмъ не менѣе первые два выпуска представляютъ уже достаточно матеріала по всѣмъ намѣченнымъ редакціей отдѣламъ. Давая разнообразный матеріалъ и затрогивая массу животрепещущихъ вопросовъ общественной, научной и политической жизни всѣхъ славянскихъ народовъ, «Извѣстія» во всей полнотѣ раскрываютъ передъ русскимъ читателемъ картину современной жизни славянскаго міра и вводятъ его въ кругъ интересовъ славянской жизни. Эта прекрасная задача, которую ставитъ себѣ журналъ, несомнѣнно, окажетъ громадную услугу русскому читателю, и ея постановка заслуживаетъ полнаго уваженія. Не ново, конечно, повторять, что мы, русскіе люди, мало знаемъ славянъ. Славяне, между тѣмъ, постоянно интересуются нашей жизнью, говорятъ о насъ. Развитіе интереса къ славянамъ въ русскомъ обществѣ представляется настоятельно необходимымъ, особенно при современныхъ условіяхъ политической жизни славянъ, когда самое существованіе ихъ находится въ серьезной опасности и нуждается во взаимной славянской поддержкѣ и тѣсномъ внутреннемъ единеніи отдѣльныхъ славянскихъ народностей. Въ этомъ смыслѣ журналъ можетъ быть наиболѣе пригоднымъ, и «Извѣстія СПБ. Славянскаго Благотворительнаго Общества», изданіе русскаго учрежденія съ извѣстнымъ историческимъ прошлымъ, пользующагося авторитетомъ среди славянъ, окажутъ въ этомъ случаѣ, повторяемъ, услугу прежде всего русскому читателю, а затѣмъ и всему славянскому обществу. Послѣднее, кстати сказать, въ дѣлѣ развитія общеславянскаго національнаго сознанія поставлено въ болѣе благопріятныя условія, чѣмъ мы: у славянъ въ этомъ направленіи работаютъ цѣлые десятки общественныхъ учрежденій, имѣется нѣсколько научно-литературныхъ изданій, тогда какъ мы до послѣдняго времени не имѣли ни одного подобнаго изданія, не считая, конечно, тѣхъ, которыя преслѣдовали чисто научныя цѣли и весьма ограниченный кругъ читателей. Характерною чертой содержанія «Извѣстій» является широкая общедоступность изложенія какъ вопросовъ науч-

ныхъ, такъ и вопросовъ, касающихся общественной жизни разныхъ славянскихъ народовъ. А такой-то журналъ и необходимъ русскому читателю. Вотъ почему нельзя не привѣтствовать появленія этого изданія и отъ души не пожелать ему полнаго успѣха въ будущемъ.

Изъ статей, помѣщенныхъ въ первыхъ двухъ выпускахъ, отмѣтимъ слѣдующія: А. С. Будиловичъ—«Современный мадьяризмъ въ перспективахъ угрославянской исторіи».—Извѣстно, что угорская или мадьярская орда Арпада, разрушивъ Великоморавское государство Моймировичей, основала здѣсь свое Угорское или Венгерское государство, которое сохранилось до настоящаго времени. Какъ бы мы ни объясняли живучесть Угорскаго государства и мадьярской народности, но, несомнѣнно, имъ принадлежитъ извѣстная роль въ исторіи славянъ. Выяснить вопросъ, является ли мадьяризмъ, какъ одна изъ основныхъ стихій Угорскаго государства, полезнымъ или вреднымъ дѣятелемъ въ прошедшемъ и настоящемъ западнаго славянства и вообще въ развитіи греко-славянской образованности—и ставитъ своей задачей А. С. Будиловичъ. Отвѣчая на этотъ вопросъ, авторъ статьи, прежде всего, вспоминая исторію западныхъ славянъ со времени паденія Великоморавскаго государства, говоритъ, что послѣ паденія этого государства на славянскомъ западѣ не было еще народа или государства, которое имѣло бы и средства и охоту взять на себя охрану для восточно-христіанскаго міра славянскаго Закарпатья и областей Тисо-дунайскихъ и, утвердившись въ этой области, сохранило бы свою самобытность и независимость. Съ другой стороны, мадьяры, въ теченіе десяти вѣковъ, находясь въ тѣсныхъ сношеніяхъ со славянами, подверглись значительной ассимиляціи, что особенно отражается въ языкѣ мадьяръ. Культурное воздѣйствіе славянъ на мадьяръ подтверждается и фактами исторіи. Въ области государственныхъ отношеній Угрія также находилась въ самомъ тѣсномъ и непрерывномъ взаимодѣйствіи съ наслѣдіемъ Великоморавскаго государства и со смежными славянскими народами, и подобно имъ она мужественно отстаивала свою государственную независимость отъ многихъ враговъ и въ частности отъ нѣмцевъ. Воспринявъ въ себя много славянскихъ элементовъ особенно въ области языка, Угрія до послѣдняго времени жила въ тѣсномъ единеніи съ славянскимъ народомъ и поддерживала его въ борьбѣ съ культурными врагами.

Начало разрыва со славянствомъ и отдѣльными славянскими племенами, входившими въ составъ угорскаго государства, начинается въ концѣ XVIII в., но наиболѣе рѣзко проявляется въ серединѣ XIX в., когда, несмотря на прочно утвердившееся со времени св. Стефана сознаніе свободной федераціи населяющихъ ее народовъ, провозглашается господство мадьяризма, посягательство одной народности на самое существованіе другихъ, которое должно было привести къ внутренней смертельной борьбѣ, а эта борьба вскорѣ привела (въ 1849 г.) мадьяризмъ къ полному крушенію. Но этотъ урокъ не предупредилъ развитія въ Угріи терроризма мадьярскаго языка и мадьярской «политической національности». Мадьяризація пошла полнымъ ходомъ, не останавливаясь

ни передъ какими мѣрами пресѣченія и подавленія какихъ бы то ни было проявленій жизненности славянскаго элемента. Между тѣмъ чисто мадьярскія народныя массы вовсе не раздѣляютъ славянофобства мадьярской и мадьяронской интеллигенціи и находятся въ дружественныхъ отношеніяхъ къ сосѣднимъ селеніямъ словацкимъ, угрорусскимъ, сербохорватскимъ и т. д., нерѣдко выражая свой протестъ противъ мнимыхъ благодѣтелей. Такимъ образомъ, нынѣшняя система мадьяризма, не имѣя корней въ прошломъ Угорскаго государства, не можетъ опереться и на чувства мадьярскихъ массъ, слѣдовательно,—является искусственнымъ продуктомъ, который питается далеко не жизненными соками и вмѣсто того, чтобы на вѣковѣчныхъ кантонно-федеративныхъ началахъ (какъ въ Швейцаріи) создать изъ крѣпкой Угріи оплотъ для себя и славянства, мадьяризмъ подготовляетъ ее pour le roi de Prusse.

Въ статьѣ — «Симеонъ Милутиновичъ Сарайлія и Петръ II Петровичъ Нѣгошъ, владыка Черногорскій»,—вызванной недавнимъ празднованіемъ пятидесятилѣтія со дня кончины владыки Петра II, авторъ П. А. Лавровъ ставитъ своей задачей «прослѣдить вліяніе Милутиновича на Нѣгоша, разобрать литературные пріемы того и другого писателя и установить такимъ образомъ извѣстныя отношенія между ихъ литературными произведеніями». Статья остается пока неоконченой,—но и въ этой части уже прекрасно раскрываетъ предъ нами интересную личность автора «Сербіянки», Милутиновича, одного изъ выдающихся сербскихъ писателей. Въ этомъ же первомъ выпускѣ «Извѣстій» въ отдѣлѣ «Письма изъ славянскихъ земель» помѣщена весьма интересная статья вождя младохорватской партіи С. А. Радича — «Сербо-хорватскій споръ и славянство»,— въ которой авторъ пытается выяснить причины недавнихъ печальныхъ событій, имѣвшихъ мѣсто въ Загребѣ, и объясняетъ сербо-хорватское столкновеніе, сопровождавшееся цѣлымъ рядомъ невѣроятныхъ жестокостей, какъ явленіе, развившееся не на почвѣ религіозно-культурной или соціально-экономической розни, а на почвѣ умственной односторонности, нравственной разрозненности и партійнаго сектантства хорватской и сербской интеллигенціи. Статья написана очень живо и увлекательно, и если она не всегда принимаетъ во вниманіе всѣ наличныя причины племенной розни между сербами и хорватами, то во всякомъ случаѣ интересна, какъ искренній призывъ убѣжденнаго человѣка къ тѣсному славянскому единенію. Во второй книжкѣ «Извѣстій» помѣщены, между прочимъ, статьи: 1) Н. С. Державина—«Этнографическія условія развитія болгарскихъ колоній въ Бердянскомъ у. Таврической губ.»,—продолженіе этнографическихъ работъ того же автора, печатавшихся также и на страницахъ «Этнографич. Обозрѣнія» за 1898 и 1900 гг.; 2) Яснаго Сокола— «Чешскіе соколы», представляющая очеркъ исторіи возникновенія, развитія и задачъ сокольства, созданнаго 40 лѣтъ тому назадъ съ цѣлью борьбы за славянскую народность; 3) Азъ—«Зарубежная Русь» (письмо изъ Галиціи), 4) М. Цемовича—«Церковно-школьный вопросъ въ Босніи и Герцоговинѣ» — и нѣкторыя другія. Со второго выпуска «Извѣстій» въ приложеніи начинаетъ печататься новѣйшее изслѣдованіе прив.-доц.

чешскаго университета въ Прагѣ Карла Кадлеца—«Семейная община или задруга въ славянскомъ правѣ»—въ переводѣ Г. А. Ильинскаго съ чешскаго, спеціально пересмотрѣннаго и дополненнаго авторомъ подлинника.

Н. Д.

Zpráva o Museu království Českého za rok. *1901.*

Отчетъ музея чешскаго королевства въ Прагѣ за 1901 г. производитъ чрезвычайно благопріятное впечатлѣніе. Какъ средства музея, такъ и всѣ его отдѣлы весьма пополнились, благодаря заботливости не только лицъ, близко стоящихъ къ нему, но и горячей симпатіи всего чешскаго народа. Особенно благопріятнымъ составители отчета считаютъ этотъ годъ для библіотеки. Въ теченіе 1901 г. поступило: 1) 9033 заглавій книгъ, изъ которыхъ куплено только 1407 заглавій; 2) рукописей 79 (куплено 3); 3) корреспонденціи 727 (даромъ); 4) художественныхъ произведеній и фотографій 1923 (почти всѣ даромъ); 5) музыкальныхъ произведеній 1041 (почти всѣ даромъ); 6) географическихъ и иныхъ картъ 678 (даромъ). Въ числѣ щедрыхъ жертвователей находимъ извѣстныя имена: проф. Б. Пруша, В. и Р. Фенрифовъ, Induction Иречка, Фриче и мн. другихъ.

Музыкальный отдѣлъ музея 1901 годъ тоже считаетъ весьма плодотворнымъ. Въ отвѣтъ на 276 писемъ къ лицамъ, имѣющимъ отношеніе къ музыкѣ, съ просьбой высылать музыкальныя произведенія всякаго рода, были получены весьма богатыя пожертвованія.

Архивъ пріобрѣлъ 1055 дѣлъ по большей части даромъ. Нумизматическій отдѣлъ получилъ 17 медалей и 158 монетъ. Отдѣлъ доисторической археологіи обогатился 105 предметами, а въ отдѣлы историко-археологическій и этнографическій поступило 411 предметовъ. Вообще этотъ отдѣлъ настолько обогатился, что поставлено 15 новыхъ витринъ. Зоологическій и ботаническій отдѣлы тоже очень увеличились,—первый 5515 экз., а второй 4983. Отдѣлы минералогіи, петрографіи, геологіи и палеонтологіи разрослись весьма значительно.

Число посѣтителей увеличилось противъ предшествующаго года на 30000 человѣкъ, достигнувъ въ общемъ 110,000. Въ отчетѣ перечислены имена ученыхъ, занимавшихся спеціальными вопросами въ музеѣ.

Финансовую сторону музея можно назвать блестящей. Словомъ, отчетный годъ можно было бы назвать однимъ изъ самыхъ удачныхъ, если бы не было тяжелыхъ утратъ въ лицѣ членовъ и сотрудниковъ музея. А утраты были очень значительны. Умеръ историкъ В. Брандль; проф. чешскаго университета Б. Прушъ; теологъ А. Ленцъ; баронъ А. Прожакъ и другіе.

К. К.

Сборникъ Музея по Антропологіи и Этнографіи при Имп. Академіи Наукъ. II. *СПБ. 1901.*

Второй выпускъ этого интереснаго изданія занятъ описаніемъ одной части коллекцій Н. Л. Гондатти, принесенныхъ имъ въ даръ этнографическому музею Им. Академіи Наукъ, а именно предметовъ, относящихся

къ быту чукчей Анадырскаго округа. Цѣнность колекцій, привезенныхъ съ дальняго сѣверо-востока Россіи нашимъ извѣстнымъ изслѣдователемъ, была въ свое время оцѣнена по достоинству и различными научными обществами, и научными повременными изданіями. Къ сожалѣнію, разработки привезенныхъ коллекцій со стороны Н. Л. Гондатти до сихъ поръ еще не послѣдовало. Поэтому, нельзя не привѣтствовать появленія настоящаго «Очерка матеріальнаго быта оленныхъ чукчей, составленнаго на основаніи коллекцій Н. Л. Гондатти», которому посвященъ II выпускъ Сборника Музея. Очеркъ составленъ извѣстнымъ знатокомъ чукотскаго быта В. Г. Богоразомъ, который во время своихъ научныхъ путешествій въ полярной области сѣверо-востока Россіи имѣлъ случай лично ознакомиться съ этой интересной группой гиперборейскихъ народовъ. Очеркъ, заключающій въ себѣ слѣдующіе отдѣлы: пища, одежда, украшенія, жилища, утварь, оружіе, орудія, оленеводство, охота, игры и игрушки, идолы и домашняя святыня, костяныя издѣлія, несмотря на сжатость, весьма содержателенъ. Отмѣтимъ нѣкоторыя заинтересовавшія насъ подробности. Авторъ обратилъ вниманіе на символическое значеніе нѣкоторыхъ украшеній—браслетовъ, ожерелій и головныхъ повязокъ (стр. 16). Незатѣйливыя на первый взглядъ: браслетъ изъ ремешка и бусинки, повязка изъ ремешка, усаженнаго бусами и кусочками дерева, напримѣръ, оказывается, носятся въ качествѣ амулетовъ и имѣютъ глубокое значеніе для чукчей, трудно уловимое для культурнаго человѣка. Бусина на браслетѣ изображаетъ символически свящ. бубенъ (каковой имѣется не только у шамановъ, но и въ каждой семьѣ), а ремешокъ есть символъ духа покровителя, защищающаго того человѣка, которому его сила подчинена». Деревянные кусочки на повязкѣ обозначаютъ покровителей владѣльца повязки. Эти, такъ называемые, «деревянные люди» принимаютъ на себя удары злыхъ духовъ, направленные на покровительствуемое ими лицо. Нельзя не пожелать, чтобы изслѣдователи вообще обращали вниманіе на точное описаніе и на значеніе амулетовъ (вопросъ мало обслѣдованный до сихъ поръ), и ихъ отдѣльныхъ частей, а также и на истинное значеніе нѣкоторыхъ украшеній. Безсмысленные на первый взглядъ для культурнаго европейца, амулеты могутъ имѣть глубокій смыслъ и ярко освѣщаютъ иногда религіозное міросозерцаніе носящаго ихъ дикаря. На стр. 27 находимъ интересное описаніе добыванія огня путемъ сверленія деревяннымъ сверломъ и при помощи рогового лучка довольно широкаго бруска деревяннаго же и «обтесаннаго въ видѣ грубаго идола». Такой способъ добыванія огня «обязателенъ во время многихъ празднествъ»; онъ замѣненъ другими способами въ обычной жизни и сохранилъ преимущественно обрядовое значеніе. На стр. 44—45 указанія на суевѣрный страхъ чукчей къ волку. Если сопоставить нѣкоторыя черты этого особаго отношенія къ волку: запрещеніе убивать волка (табу) или по крайней мѣрѣ убивать его свинцомъ или желѣзомъ, что почитается грѣхомъ, вѣрованье, что за смерть одного волка мстятъ всѣ волки (См. Изд. И. Р. Г. О. т. XXIV. в. III СПб, 1888, стр. 130), что волчья голова или

волчій черепъ считаются святыней, которая хранится въ жилищахъ какъ «охранители несчастій», (очеркъ Богораза, стр. 50—51), представленіе, что волкъ есть шаманъ (стр. 44), то едва ли можно ошибиться, усмотрѣвъ въ суевѣрномъ отношеніи чукчей къ волку остатки прежнихъ тотемическихъ воззрѣній. — На стр. 49 авторомъ указано на интересное значеніе куколъ у чукчей. Куклы, изображающія мужчинъ, дѣтей и женщинъ, чаще же всего дѣтей, особенно грудныхъ,—служатъ не только любимыми игрушками дѣвочекъ: онѣ считаются «отчасти и покровителями женскаго плодородія. Выходя замужъ, женщина уноситъ съ собой свои куклы и прячетъ ихъ въ мѣшокъ въ тотъ уголъ, который приходится подъ изголовьемъ, для того, чтобы воздѣйствіемъ ихъ получить скорѣе дѣтей». Куколъ этихъ не отдаютъ, «т. к. вмѣстѣ съ этимъ будетъ отданъ залогъ плодородія семьи. Зато, когда у матери родятся дочери, она даетъ имъ играть свои куклы, причемъ старается раздѣлить ихъ между всѣми дочерьми». Если у матери всего одна кукла, она отдаетъ ее старшей дочери, а для меньшихъ дѣлаетъ новыя. Есть куклы, которыя переходятъ такимъ образомъ изъ поколѣнія въ поколѣніе.—Не позволяя себѣ никакихъ сближеній, отмѣтимъ, что куклы съ тѣмъ же значеніемъ залога, что будущій бракъ не будетъ бездѣтнымъ,—фигурируютъ иногда въ свадебныхъ обрядахъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Германіи, напримѣръ, во время свадебнаго обѣда происходитъ обрядъ «крестинъ куколъ», наряду съ другимъ обрядомъ—ношеніемъ вокругъ стола елочки съ повѣшенными на ней дѣтскими платьицами, (E. H. Meyer, Deutsche Volkskunde, 181). Онъ имѣетъ цѣлью обезпечить супругамъ рожденіе дѣтей. Въ Терской области молодымъ дарятъ куклы, которыя вѣшаютъ во время свадьбы на почетномъ мѣстѣ близъ образовъ, и «это значитъ пожеланіе молодымъ счастья и потомства» (Малявкинъ, станица Червленая, Э. О. 1891, № 1, стр. 134). Не безынтересно было бы прослѣдить распространенность подобныхъ обрядовъ съ одной стороны, съ другой собрать болѣе подробныя свѣдѣнія о подобныхъ куклахъ, имѣющихъ символическое и обрядовое значеніе, сохраняются ли онѣ въ семьѣ, придается ли имъ какое нибудь особое, т.-ск., магическое значеніе и т. д.

Въ заключеніе замѣтимъ, что «Очеркъ» г. Богораза иллюстрированъ 25-ю прекрасными таблицами съ фототипическими снимками съ отдѣльныхъ предметовъ описанной имъ коллекціи, что придаетъ особенный интересъ II-му вып. Сборника Музея.

В. Х-на.

Сибирскій Сборникъ за 1902 годъ. *17-й годъ изданія. Подъ ред. И. И. Попова. (Приложеніе къ газетѣ „Восточное Обозрѣніе“. Ирк. 1902. 8⁰ 191 стр.).*

„Восточное Обозрѣніе“ ежегодно выпускаетъ отдѣльной книжкой свой «Сибирскій Сборникъ», въ который обыкновенно входитъ не мало статей и матеріаловъ по этнографіи. Авторами послѣднихъ являются чаще всего мѣстные писатели и изслѣдователи, ближе всего

знающіе свою родную Сибирь. Отъ этого сборникъ пріобрѣтаетъ нѣкоторый областной отпечатокъ, весьма интересный во многихъ частностяхъ изслѣдуемыхъ вопросовъ. Остановимся на нѣкоторыхъ статьяхъ.

В. Арефьевъ помѣстилъ статью «Енисейскіе инородцы. Популярные очерки» (стр. 1—40). Авторъ хорошо знакомъ съ литературой вопроса и, хотя не даетъ ссылокъ на источники, излагаетъ исторію инородцевъ въ Енисейскомъ краѣ и современное ихъ положеніе довольно вѣрно. Дѣля енисейскихъ инородцевъ на бродячихъ (звѣроловство, рыбная ловля, оленеводство), кочевыхъ (скотоводство и коневодство) и полуосѣдлыхъ и осѣдлыхъ (скотоводство и земледѣліе), т. е. давая не вполнѣ точное дѣленіе по роду занятій, авторъ, тѣмъ не менѣе, вѣрными общими чертами характеризуетъ ихъ занятія, домашній и семейный бытъ, религію и общественное положеніе. Въ частности оно касается тунгусовъ, остяковъ, самоѣдовъ, коряковъ и якутовъ на сѣверѣ (Туруханскій край). Бытъ инородцевъ южной части губерніи оставленъ до слѣдующаго очерка.

И. Тыжновъ далъ очеркъ: «Къ исторіи сибирскаго старообрядчества въ XVIII вѣкѣ» (61—66 стр.). Изъ дѣла Коноваловыхъ (1752 г.) видно, что Томскъ и Томскій уѣздъ были въ то время значительнымъ центромъ старообрядчества, сильно однако гонимаго и утѣсняемаго: чѣмъ ретивѣе дѣйствовали православные миссіонеры, тѣмъ значительнѣе оказывалось количество присоединившихся къ православію, но еще значительнѣе—предавшихся самосожженію, зарѣзавшихся и утопившихся (съ 1749 по 1755 гг.—771 человѣкъ). Старообрядцами были люди всѣхъ категорій, не исключая и лицъ духовныхъ.

Ал. Шерстобитовъ помѣстилъ очеркъ: «Полѣтошные. Странички изъ жизни новоселовъ въ Алтайскомъ округѣ» (стр. 119 — 128). «Полѣтошные»—это особый типъ новосела, извѣстный еще у стариковъ-старожиловъ. Авторъ прежде всего не наблюдалъ исключительно враждебнаго отношенія старожиловъ къ новоселамъ, какъ это видно у г. Овсянкина («Колонизація и переселенческое дѣло на Алтаѣ»), г. Чудновскаго, въ «Томской Памятной книжкѣ на 1895 г.». и др.

Нѣкоторые новоселы въ старожильскихъ деревняхъ не приписаны къ обществу, живутъ по временнымъ свидѣтельствамъ, но ежегодно, за каждое лѣто, платятъ обществу поборы за право житья на общественной усадьбѣ. Отсюда они и «Полѣтошные». Так. обр., они—какъ бы арендаторы у старожиловъ. Не видно только, чтобы сторожилы прониклись этимъ правомъ аренды и въ своихъ отношеніяхъ къ полѣтошнымъ пользовались имъ. Въ погонѣ за увеличеніемъ мірскихъ доходовъ, они смотрятъ на полѣтошнымъ скорѣе какъ на своихъ постоянныхъ членовъ и не рѣшаются ихъ выдворять. Для иллюстраціи приведено нѣсколько примѣровъ изъ разныхъ деревень. «Полѣтошные» находятъ многія выгоды въ своемъ положеніи, обзаводятся исправнымъ хозяйствомъ и не приписываются къ обществу.

Перу *С. Г.* принадлежитъ очеркъ: «Дѣти идеи. Изъ жизни тунгусовъ» (стр. 129—143), популярно излагающій свѣдѣнія о бытѣ тун-

гусовъ: жилища, пища, одежда, занятія, бракъ и семья, культура. Авторъ отмѣчаетъ, между прочимъ, обычай «немачеренія». Обычай таковъ: «если тунгусъ наткнулся на другого тунгуса, добывшаго сохатаго или медвѣдя, то гость раздѣляетъ съ хозяиномъ шкуру пополамъ; если же подошли нѣсколько тунгусовъ, то они раздѣляютъ добычу между собою, хозяинъ же остается ни причемъ; но когда промышлявшій успѣлъ отнести шкуру въ юрту и повѣсить ее сушить, то она поступаетъ въ его полное частное владѣніе».

Андрей Рудневъ даетъ отзывъ на книгу В. В. Бартольда: «Туркестанъ въ эпоху монгольскаго нашествія, т. I и II. Спб. 1900».

Оканчивая этимъ обзоръ «Сборника», припомнимъ еще разъ, что онъ изданъ не какимъ-нибудь ученымъ обществомъ, а частнымъ издателемъ почтеннаго «Восточнаго Обозрѣнія». Нельзя не пожелать, чтобы и другія подобныя изданія въ своихъ «приложеніяхъ» давали не дребедень, а полезный научный, хотя бы и популярный, матеріалъ, на который все болѣе и болѣе является спросъ въ наше время.

Вл. Б.

Отчетъ Пермскаго Научно-Промышленнаго музея за 1901 г. *Изд. музея. Пермь 1902 г.*

Передъ нами отчетъ недавно открывавшагося оффиціально Пермскаго музея, составившагося изъ коллекцій Пермской Комиссіи Уральскаго Общества Любителей Естествознанія. Такъ какъ музей является созданіемъ упомянутой Комиссіи и дѣятельность его составляетъ лишь продолженіе дѣятельности призвавшаго его къ жизни кружка лицъ, посвятившихъ свои силы изученію края, составители отчета совершенно основательно совмѣстили его съ краткимъ очеркомъ одиннадцатилѣтней (1890 - 1901 г.) дѣятельности Пермской Комиссіи Уральскаго Общества Любителей Естествознанія. Исторія возникновенія и развитія провинціальныхъ научныхъ учрежденій полна интереса. Каждое изъ нихъ является культурнымъ центромъ, съ одной стороны объединяющимъ мѣстныя интеллигентныя силы, побуждающимъ ихъ къ собиранію и научной разработкѣ матеріаловъ, относящихся къ изученію даннаго края; съ другой оно является источникомъ просвѣщенія, несущимъ свѣтъ знанія въ болѣе широкіе круги населенія. Дѣятельность Пермской Комиссіи Уральскаго Общества въ этомъ отношеніи заслуживаетъ величайшей похвалы. Въ теченіе одиннадцати лѣтъ своего существованія она сумѣла привлечь многія мѣстныя силы къ плодотворной работѣ; число членовъ равнялось въ 1901 г. — 277 ч. Она устроила музей, въ которомъ въ настоящее время существуетъ 13 отдѣловъ и болѣе 11000 предметовъ. Музей этотъ сталъ общеобразовательнымъ учрежденіемъ. Рядъ лекцій и чтеній, устраиваемыхъ при немъ, посѣщался большимъ количествомъ слушателей. Самый музей, входъ въ который безплатенъ, привлекалъ большое количество посѣтителей. Наконецъ, въ 1901 г. былъ устроенъ особый отдѣлъ при музеѣ—подвижной музей наглядныхъ учебныхъ пособій для разсылки коллекцій его во временное пользованіе въ началь-

ныя училища. Замѣтимъ также, что кружкомъ лицъ, составлявшимъ совѣтъ Пермской Комиссіи Уральскаго Общества, а теперь совѣтъ музея, были организованы нѣкоторыя экскурсіи съ научными цѣлями. — Наибольшее количество предметовъ Пермскаго музея относится къ отдѣлу естественно-историческому: зоологическому, минералогическому, ботаническому и др. Довольно богато представленъ нумизматическій отдѣлъ. Этнографическихъ предметовъ сравнительно очень немного — всего 562 экз. Гораздо богаче археологическій отдѣлъ — 2505 экз. Сравнительно слабо представлена этнографія (и антропологія) въ библіотекѣ музея. Изъ чтеній и докладовъ, состоявшихся при Пермской Комиссіи Уральскаго Общества, лишь немногіе были посвящены этнографіи. Это и неудивительно, если принять во вниманіе, что главной задачей Пермской Комиссіи была разработка естественно-историческихъ вопросовъ и самый музей носилъ прежде исключительно естественно-историческій характеръ. Но постепенно цѣли кружка расширялись. Въ задачи его входитъ теперь самое широкое обслѣдованіе края. Надо надѣяться, что силы отдѣльныхъ членовъ его будутъ направлены и на серьезное этнографическое изученіе Пермской губерніи. Насколько важно серьезное обслѣдованіе края мѣстными интеллигентными силами, доказали и доказываютъ цѣнные труды провинціальныхъ этнографовъ. Въ заключеніе приведемъ послѣднюю фразу отчета Пермскаго музея, такую бодрую, что невольно вѣрится въ блестящую будущность этого важнаго просвѣтительнаго учрежденія Перми: «Конечно, нашему музею еще далеко до богатства даже такихъ провинціальныхъ музеевъ, какъ Уральскій, Казанскій, Минусинскій; если полагать значеніе музеевъ не въ одномъ только мертвомъ богатствѣ коллекцій [1]), но также или даже еще болѣе и въ той интеллектуальной силѣ ихъ, которая этимъ кунсткамерамъ даетъ жизнь и душу и которая зиждется на единеніи мѣстной интеллигенціи, то намъ пока нѣтъ нужды завидовать другимъ музеямъ: у насъ слишкомъ мало или почти совсѣмъ нѣтъ средствъ, но зато у насъ есть люди, преданные дѣлу и вѣрящіе въ него, а были бы люди — средства найдутся!».

В. Х—на.

Первовъ, П. Д. *Жители крайняго сѣвера. Эскимосы. М. 1903. 8° 43 стр. Ц. 15 к.*

Этотъ популярно-написанный очеркъ эскимосовъ дастъ массовому читателю наглядное представленіе о современномъ положеніи страны, ея физическихъ явленій и ея современныхъ жителей; вопросы историко

---

[1]) Выше составители отчета цитировали слова секретаря Смисзоновскаго института Гуда: „Публичный музей долженъ представлять собой нѣчто гораздо большее, чѣмъ домъ, наполненный образчиками въ стеклянныхъ шкапахъ; это долженъ быть домъ, наполненный идеями, въ размѣщеніи которыхъ соблюдено строжайшее вниманіе къ системѣ“. Эти слова почтеннаго секретаря Смисзоновскаго института, какъ нельзя болѣе вѣрно, указываютъ на необходимость строго научной систематизаціи музейскихъ коллекцій, которая лишитъ ихъ характера мертваго богатства и послужитъ проводникомъ научныхъ идей.

этнографическіе освѣщены довольно ясно, но не всегда понятно. Раса, языкъ, вѣрованія (шаманство), творчество освѣщены слабо и сами по себѣ и въ отношеніи къ другимъ народамъ «крайняго сѣвера».

Начавъ съ характеристики полярныхъ странъ, авторъ, переходя далѣе къ эскимосамъ, говоритъ только о Гренландіи. Такимъ образомъ упускается изъ виду наличность эскимосовъ въ Азіи, а именно въ Анадырскомъ краѣ [1]), и въ сѣв. Америкѣ; о послѣднемъ хотя и упоминается, но какъ-то вскользь. Вообще территорія разселенія эскимосовъ, въ ущербъ истинѣ, подробно изображается только въ той части, которая касается Гренландіи. Эта неточность сказывается сейчасъ на такомъ частномъ вопросѣ, какъ знакомство эскимосовъ съ животными. «Моржъ, тюлень, китъ, медвѣдь, волкъ, лисица, заяцъ, выдра — вотъ животныя, которыя эскимосъ знаетъ» (говоритъ авторъ (23 стр.). Прежде всего самъ авторъ далѣе говоритъ и о мускусномъ быкѣ [2]) (27 стр.), про чемъ нисколько не останавливается на этомъ интересномъ животномъ, тогда какъ подробно описываетъ охоту на тюленя, моржа, кита и т. п. Не останавливается авторъ также и на гренландскомъ волкѣ, оказавшемся сѣверною разновидностью американскаго вида «Canis lupus occidentalis» (у эскимосовъ — «амарокъ») [3]). Не говорится также объ оленѣ въ Гренландіи (а ужъ тѣмъ болѣе въ Анадырскомъ краѣ); не указывается куница; то и другое упоминается только вообще на 8-й страницѣ очерка. Географическое распредѣленіе сѣвернаго оленя — явленіе весьма важное, и на немъ слѣдовало бы остановиться болѣе отчетливо. Отсутствуетъ въ брошюрѣ песецъ.

Все это однако не имѣетъ ближайшаго отношенія къ этнографіи, но разъ авторъ сдѣлалъ данный очеркъ полярныхъ странъ, какъ территоріи эскимосовъ, ему нужно было имѣть въ виду позднѣйшую литературу своего предмета.

Слѣдовало бы еще въ такихъ популярныхъ очеркахъ эту литературу, если не всю, то хотя бы наиболѣе цѣнную, давать въ видѣ библіографическаго указателя. Всякій популярный очеркъ долженъ имѣть въ виде не только школьника, но и лицо, пополняющее свои свѣдѣнія самообразованіемъ, а для послѣдняго, если оно заинтересуется популярнымъ очеркомъ, естественное стремленіе — обратиться къ спеціальной литературѣ. Несмотря на всѣ указанные и нѣкоторые другіе недостатки очерка, онъ все-же, какъ сказано вначалѣ, написанъ очень хорошо и даетъ своему читателю очень яркую картину жизни описываемаго племени.

Вл. Б.

---

[1]) См. докладъ Л. Н. Гондатти въ Географическомъ отдѣленіи И. О. Л. Е. А. и Э. 29 окт. 1898 г.

[2]) Слѣдовало бы дать и его другое названіе — „овцебыкъ“ ovibos moschatus.

[3]) См. *Nathorst* — Le loup polaire et le boeuf musqué dans le Grönland oriental („La géographie. Bull. d. l. Soc. géogr.“ Paris. 1901. 15-й livr).

І. Г. Каргаретели. *Краткій очеркъ грузинской народной музыки. Тифлисъ. Ц. 30 к.*

Этой маленькой книжкой г. Каргаретели сдѣлалъ недурное дополненіе къ тому, что написано въ молодой литературѣ о грузинской музыкѣ. Авторъ, какъ и слѣдуетъ, говоритъ сначала о языческой музыкѣ, высказываетъ много интересныхъ мыслей и затѣмъ переходитъ къ христіанской. Въ христіанской онъ касается какъ церковной музыки, такъ и свѣтской, излагая въ историческомъ порядкѣ все, что упоминается въ сохранившихся древнихъ памятникахъ грузинской литературы. Мы только не согласны съ тѣмъ, что новая эра для грузинской музыки наступаетъ съ половины X ст., какъ объ этомъ думаетъ авторъ. Намъ кажется, что новая эра правильнѣе должна считаться съ водворенія христіанства; половина же X ст. есть не что иное, какъ время дальнѣйшей эволюціи.

Далѣе, не оставляя безъ вниманія музыкальныхъ инструментовъ, которымъ дается подробное описаніе, авторъ перечисляетъ композиторовъ, которые пользовались для своихъ сочиненій грузинскими пѣснями, и лицъ, сдѣлавшихъ для нея что-нибудь перомъ. Въ первомъ случаѣ, говоря о Рубинштейнѣ, мы не совсѣмъ согласны съ авторомъ: «Ноченька» если и грузинская пѣсня, то очень передѣланная и характернаго у ней мало; что же касается «Какое солнышко», то увеличенная секунда у Рубинштейна совсѣмъ не позволяетъ ее отнести къ «эріо, эріо», грузинскимъ рабочимъ пѣснямъ, исполняющимся во время вѣянія.

Относительно Чайковскаго мы скажемъ, что онъ, превративъ характерную дѣтскую пѣсню «Іав нана» въ арабскій танецъ, профанировалъ народную пѣсню, хотя, можетъ быть, сдѣлалъ это и безсознательно.

Теперь, что касается лицъ, писавшихъ что-либо о грузинской народной музыкѣ или записывавшихъ ея пѣсни, намъ тоже кажется, что авторъ слишкомъ повысилъ тонъ относительно ихъ заслугъ. Нѣтъ сомнѣнія, что эти лица, т. е. Н. С. Кленовскій, А. Н. Корещенко, М. М. Ипполитовъ-Ивановъ и др., поработали на поприщѣ грузинской музыки (въ особенности-же М. М. Ипполитовъ-Ивановъ), но ихъ почтенные труды все же пока—еще капля въ обширномъ не обслѣдованномъ морѣ грузинской народной музыки. Въ общемъ, несмотря на эти и кое-какіе другіе недостатки, мы все таки скажемъ, что въ книжкѣ г. Каргаретели много дѣльныхъ и интересныхъ свѣдѣній, изложенныхъ популярно и хорошимъ языкомъ. Такимъ образомъ, она представляетъ большой интересъ какъ для спеціалиста, такъ и для неспеціалиста.

Д. Аракчіевъ.

Труды Воронежской Ученой Архивной комиссіи. *Вып. I. Подъ ред. Ст. Звѣрева. Вор. 1902. 8° II+150+229+LXVIII стр.*

Во всемъ первомъ выпускѣ «Трудовъ» нѣтъ спеціально этнографическихъ статей или матеріаловъ; но и въ томъ, что помѣщено здѣсь, этнографъ найдетъ не мало полезныхъ указаній и справокъ. Вопросы о борьбѣ съ расколомъ (Ст. Е. Звѣревъ), древнихъ татарскихъ шляхахъ

(Е. Л. Марковъ), пещерныхъ монастыряхъ (В. Н. Тевяшовъ), исторіи сектантства (І. И. Недѣтовскій), раскопкахъ, курганахъ, городищахъ, древнихъ актахъ—и все это въ предѣлахъ Воронежской губерніи—очень цѣнны своими мѣстными и историческими данными, имѣвшими ближайшее отношеніе къ народному быту въ различныя времена.

Въ концѣ помѣщенъ списокъ древнихъ актовъ, хранящихся въ Воронежскомъ Губернскомъ Музеѣ, и указатель къ нимъ. Жаль, что указатель составленъ только для именъ, и нѣтъ предметнаго.

Воронежская Ученая Архивная комиссія, почетнымъ членомъ которой состоялъ и покойный М. А. Веневитиновъ, организовалась, можно сказать, силами Воронежскаго Статистическаго Комитета, секретаремъ котораго былъ въ 187⁰/₁ г. тоже Мих. Ал-ичъ. Пожелаемъ, чтобы достойные труды этого знатока архивнаго дѣла, его преданность наукѣ, энергія и добросовѣстность навсегда остались въ памяти членовъ Воронежской Комиссіи и служили имъ благотворнымъ примѣромъ.

Вл. Б.

Б. Д. Гринченко. Литература украинскаго фольклора 1777—1901 г. *Опытъ библіографическаго указателя. Черниговъ. 1901 г. Ц. 1 р. 20 к.*

Авторъ разсматриваемой книги уже довольно извѣстенъ какъ ревностный собиратель малорусскихъ этнографическихъ матеріаловъ, которые были изданы въ видѣ приложенія къ «Земскому сборнику Черниговской губерніи» подъ заглавіемъ «Этнографическіе матеріалы, собранные въ Черниговской и сосѣднихъ съ ней губерніяхъ», «Изъ устъ народа» (малорусскіе разсказы, сказки, пословицы и проч.), «Думы кобзарськи» и проч. Всѣ эти изданія чрезвычайно важны для всякаго работающаго въ области этнографіи и исторіи литературы. Но особенно важное значеніе имѣетъ не такъ давно появившаяся книга «Литература украинскаго фольклора 1777—1900». Собираніе всякихъ библіографическихъ матеріаловъ затруднительно вообще, въ Россіи же въ особенности, такъ какъ у насъ библіографическихъ указателей очень мало а каталоги книгохранилищъ или еще не изданы или изданы такъ, что ими пользоваться довольно трудно. Въ виду этихъ условій работа г. Гринченка заслуживаетъ полнаго одобренія, особенно если принять во вниманіе условія работы автора, который выполнилъ свою сложную задачу въ г. Черниговѣ, «лишенномъ книгохранилищъ, предназначенныхъ для научныхъ цѣлей».

Указатель г. Гринченка посвященъ записямъ фольклорныхъ матеріаловъ, изданнымъ съ ученой или иной цѣлью; произведеніямъ изящной словесности, представляющимъ изъ себя литературную обработку сюжетовъ украинскаго фольклора, изслѣдованіямъ и исторіи науки объ украинскомъ фольклорѣ, а также біографическимъ свѣдѣніямъ о фольклористахъ. Весь этотъ матеріалъ собранъ очень тщательно. Указаны не только книги, вышедшія отдѣльнымъ изданіемъ, но и журнальныя статьи съ обозначеніемъ страницъ номера, что облегчаетъ возможность пользованія указателемъ. Конечно, пропуски въ указателѣ есть, какъ во всякомъ трудѣ подобнаго

рода, который притомъ является первымъ опытомъ въ данной области. Жаль, что авторъ мало обратилъ вниманія на такія сочиненія, которыя, хотя и не посвящены спеціально украинскому фольклору, но даютъ интересный матеріалъ всякому интересующемуся украинской жизнью. Такъ, напр., мы не нашли при бѣгломъ просмотрѣ слѣдующихъ книгъ: *Акад. Гильденштедтъ*: Путешествіе по слободск. украинск. губ. Харьковъ, 1892 г. ц. 40 к. *Тушкавскій П*: Юго-Западный край. 1893—95 г. Кіевъ. *Днѣпръ и Приднѣпровье*. СПБ. 1878 г. ц. 75 коп. *Захарченко*: Кіевъ теперь и прежде, 1888 г. ц. 12 р. *Мукаловъ*. Географія Кіевской губ. 1883 г. Ц. 50 к., и т. д.

Авторъ самъ смотритъ на настоящее изданіе какъ на первый опытъ и разсчитываетъ постоянно пополнять свой списокъ какъ новымъ, такъ и старымъ, пропущеннымъ матеріаламъ и обращается съ просьбой ко всѣмъ заинтересованнымъ этимъ дѣломъ о сообщеніи дополненій къ его списку.

Что касается внѣшней стороны изданія, то оно очень изящно, четко напечатано и имѣетъ алфавитный указатель. Жаль только, что авторъ не выставилъ цѣнъ. Въ изданіяхъ подобнаго рода это необходимо.

К. Кузьминскій.

Володимир Гнатюк. Угроруськи Духовні Вірші 1902. *У Львові (Записки науковою Тов. ім. Шевченка и отд. оттискъ 272 страницы).*

Литература духовныхъ виршей обогатилась очень полезнымъ сборникомъ г. Гнатюка, собравшаго 225 пѣсенъ, восходящихъ къ псалмамъ XVII и XVIII вѣковъ. При пѣсняхъ указаны параллели; впрочемъ, многія малорусскія, бѣлорусскія и великорусскія пѣсни упущены изъ виду, м. б., по недоступности нашихъ ученыхъ сборниковъ въ провинціальныхъ библіотекахъ въ Россіи и за границей. Нельзя не пожелать, чтобы наиболѣе крупные и болѣе ученые центры возможно полнѣе обставляли свои университетскія и другія ученыя библіотеки.

Возвращаясь къ сборнику виршей, надо сказать, что онъ обработанъ все-таки очень старательно, изданъ добросовѣстно и отнынѣ является необходимымъ источникомъ для всякаго занимающагося русскими виршами.

Вл. Б.

ГАЗЕТЫ и ЖУРНАЛЫ.

Астраханскій Листокъ. 1903. 6. Отъ Управленія Калмыцкимъ народомъ. Въ 1890 г. была разрѣшена калмыкамъ распашка ихъ земли совмѣстно съ крестьянами. Послѣдніе не научили калмыковъ земледѣлію, а лишь эксплоатировали ихъ и хищнически превращали ихъ земли въ площади сыпучихъ песковъ. Теперь такая совмѣстная распашка запрещается; калмыкамъ предоставляется право самимъ распахивать и засѣвать землю.—**16.** *Мешкечи.* Изъ калмыцкой степи. Вышеприведенное рѣшеніе о совмѣстной распашкѣ авторъ считаетъ палліативомъ, такъ какъ ловкіе культуртрегеры нанимаются въ работники къ калмыкамъ и превращаются въ фактическаго хозяина. **25.** Новооткрытое племя въ Мексикѣ. Карлъ Лумгольцъ въ ущельи Сіерры-Мадре открылъ племя „Гунхольсъ". См. о нихъ въ этой же книгѣ „Этн. Обозр." въ библіографіи „Сѣв.-Зап. Слова".

Виленскій Вѣстникъ. 1903. 8. Столичный Ковчегъ. Модель храма Соломона. (См. здѣсь же хронику).

Восточное Обозрѣніе. 1903. 2, 3, 17, 21, 27. *Головачевъ, П.* Прошлое и настоящее сибирской печати.—**9.** Сибирскіе очерки. Со словъ „Сиб. Жизни" передается, что крестьяне Бійскаго уѣзда отъ „утѣсненія" ищутъ „бѣловодья". „Бѣловодье", по ихъ представленіямъ, есть новая земля, никѣмъ не занятая и находящаяся въ Китаѣ. Лѣтъ около 15 назадъ нѣсколько смѣльчаковъ проникли въ Китай, надѣясь найти это „бѣловодье", но, прогнанные китайцами, вернулись на родину. Интересъ къ отысканію „бѣловодья" однако не ослабѣвалъ. Явились новые искатели. Въ настоящее время въ верховьяхъ Енисея въ предѣлахъ Китая основались три русскихъ поселенія: Туранъ (20 сем.), (Уюкъ 25 сем.) и Кебе (17 сем.).—**19.** Вопросъ объ открытіи Отдѣла Геогр. О-ва въ Томскѣ.—**22.** *А. И.* У шаманистовъ. Бурятскій очеркъ. Бытовая обстановка обыденной жизни.—**27.** Создатель слова „шарлатанъ" (знахарь-лѣкарь Лотанъ при Людовикѣ XIV; (Char—колясочка, въ которой онъ возилъ свои лѣкарства).

Дальній Востокъ. 1903. 19. Мѣстная хроника: среди китайцевъ въ Уссурійскомъ краѣ развито чувство товарищества; живутъ они и въ чужой странѣ плохо; но побратимство, закрѣпленное клятвой, улучшило для многихъ ихъ положеніе; въ январѣ, во время „бѣлаго мѣсяца" китайцы возобновляютъ старыя клятвы и даютъ новыя новымъ товарищамъ. Клятва по обычаю пишется по извѣстному образцу и скрѣпляется подписями всѣхъ побратимовъ. Этотъ документъ потомъ уносится въ кумирню, гдѣ клятва еще разъ торжественно подкрѣпляется. Нарушенія клятвы, говорятъ, не бываетъ. Русское племя не оказываетъ своего вліянія на нравы замкнутаго желтаго племени (?). Въ Китаѣ еще продолжается празднованіе „бѣлаго мѣсяца"; во Владивостокѣ каули не могутъ позволить себѣ такой роскоши и уже на шестой день вышли на работу.

Енисей. 1903. 12. С. Комское. Пропала женщина; суевѣрные люди говорятъ, что ее водитъ „лѣшакъ“.—**15.** *С. М.* Суровые нравы деревни. Въ Минусинскомъ уѣздѣ убійства распространены изъ-за различныхъ семейныхъ и общественныхъ неладовъ.—**11, 15.** Изъ исторіи русской школы въ Енисейской губерніи (не оконч.).

Живописная Россія. 1902. [1] **91.** *Ушаковъ, П.* Усть-Цылемы и пустозеры. Раскольники усть-цылемы не считаютъ себя православными, но крестятся на старости, передъ смертью, чтобы, явясь на тотъ свѣтъ съ новымъ именемъ, не отвѣчать за грѣхи, нажитые при старомъ имени. И смерть и рожденіе тщательно скрываются. Матери къ дѣтямъ относятся плохо: бракъ по ихъ понятіямъ, въ антихристово время—блудъ, и дѣти, прижитыя отъ него, недостойны любви. Пустозеры зажиточны, практичны, эксплоатируютъ самоѣдовъ. Самоѣды спаиваются.—**91, 92, 93 94, 95, 96, 97, 98.** *Черевковъ, В. Д.* Отъ Хабаровска до Владивостока.—**93.** *Козминъ, Н.* „Пазрѣка“. Лопарскій погостъ на границѣ съ Норвегіей.—**95, 96, 97.** *Прозрителевъ, Г.* Мажары. Одинъ изъ древнѣйшихъ городовъ Сѣвернаго Кавказа.—**97.** *Надежинъ, Н.* Общество изслѣдователей Волыни. Общество возникло съ 1896 года по иниціативѣ археолога II И. Коробки. Программа дѣятельности о-ва обширна, при чемъ въ нее входитъ „этнографія, (этнографія, статистика населенія, обычное право, народная словесность, діалектологія и т. п)“. Въ засѣданіи этнографической секціи выработана программа для собирателей, рѣшено издать сборникъ колядокъ съ нотами, составить историко-географическій словарь Волыни. Въ „Трудахъ“ о-ва напечатанъ обрядъ свадьбы, записанный въ с. Курозвонахъ В. Г. Кравченкомъ. — **98.** *Баловъ, А.* „Коньки“. Историко - этнографическій очеркъ. „Коньки“—теперь украшеніе крышъ домовъ, встарину ставились и внутри избъ около печи, а иногда и по обѣимъ сторонамъ божницы. Олицетвореніе у славянъ „буйнаго вѣтра“ въ видѣ коня, священные кони у славянскихъ идоловъ, обычно ставились конскія головы (черепа коней) на верху жилищъ (позднѣе прибивалась конская подкова), обычай въ настоящее время вѣшать среди пчелъ на пасѣкѣ конскую голову—все это авторъ сопоставляетъ съ религіозными представленіями языческаго культа славянъ.—**102, 103 и 104.** *Надеждинъ, Н.* Исторія русской одежды. Парчевое платье явилось изъ Греціи. Въ отдаленной же эпохѣ русскіе столкнулись съ другими культурами, когда еще не имѣли своей національной одежды. Даны вообще справки по различнымъ историческимъ источникамъ.

Землевѣдѣніе. Періодич. изданіе Географич. Отдѣленія И. О. Л. Е, А. и Э. **1902. Кн. II.-III.** *Анучинъ, Д. Н.* О преподаваніи географіи и о вопросахъ, съ нимъ связанныхъ. — *Беркенгеймъ, А. М.,* Переселенческое дѣло въ Сибири (Оконч.).—*Голавачевъ, П. М.* Взаимное вліяніе русскаго и инородческаго населенія въ Сибири. Вліяніе русскихъ на инородцевъ въ общемъ не благопріятно для послѣднихъ, особенно на сѣверѣ и сѣверо-востокѣ. Культурное вліяніе русскихъ больше всего замѣтно на бурятахъ и якутахъ; у первыхъ появилось земледѣліе, исчезаютъ кочевки; якуты тоже развили земледѣліе подъ русскимъ вліяніемъ. Киргизы, наоборотъ, къ земледѣлію переходятъ медленно и слабо. Вліяніе русскихъ на духовное просвѣщеніе инородцевъ незначительно. Обратный процессъ — вліяніе инородцевъ на русскихъ — сказывается въ типѣ, бытѣ и языкѣ. Смѣшанные браки съ бурятами даютъ „карымовъ“ и „карымокъ“, потомство смуглое, черноволосое и черноглазое. „Калмыковатые“ встрѣчаются въ Зап. Сибири. На отдаленныхъ окраинахъ въ типѣ русскихъ замѣтно уменьшеніе роста, силы и плодовитости, ухудшеніе умственныхъ способностей, порча языка. Среди якутъ, особенно въ колымскомъ округѣ, русскіе объякучиваются. Нижне-колымцы не понимаютъ старинныхъ русскихъ пѣсенъ, которыя тѣмъ не менѣе поютъ. Въ ихъ языкѣ много инородческихъ

[1] См. „Этн. Обозр.“ кн. LIV.

словъ: „откуль церире шухаря доспейя“ (оттуда четыре сухаря получилъ). Инородцы повліяли въ бытовой сферѣ не менѣе сильно: въ защитѣ отъ холода, въ передвиженіи по тундрамъ, въ одеждѣ, пищѣ и способахъ ея приготовленія, вѣрѣ (въ бурятскихъ, напр., шаманство), лѣченіи, языкѣ, (ш-с: „усе наси присли“, р-л: „тли лубля“ и т. п.), не исключая и разговора на инородческомъ языкѣ, въ сознаніи принадлежности къ русской народности (утрачивается—словомъ „русскій“ дразнятъ русскіе же русскаго человѣка). Происходящія теперь глубокія измѣненія въ экономическомъ строѣ жизни Сибири, несомнѣнно, отзовутся на взаимномъ вліяніи русскихъ и инородцевъ въ новомъ направленіи.— *Круберъ, А. А.* Новая Гвинея. I (съ картою и 3 таблиц. рис.).—*Лурье, А.* Мѣстный Минусинскій Музей.—*Адлеръ, Б.* Географическій семинарій при лейпцигскомъ университетѣ. Это лучшее учрежденіе Европы для занимающагося географіей, этнографіей и геологіей.—Отзывъ на книгу Деникера: Человѣческія расы; на книгу Головачева: Сибирь; на книгу Іонина: По южной Америкѣ. Т. IV и др.—**Кн. IV.** *Бергъ, Л.* О прежнемъ впаденіи Аму-Дарьи въ Каспійское море.—Новыя стѣнныя таблицы для преподаванія антропологіи, этнографіи и географіи. Издаются д-ромъ Р. Мартиномъ (Цюрихъ).—Приложеніе: *Гюнтеръ, З.* Исторія географическихъ открытій и успѣхи научнаго землевѣдѣнія въ XIX вѣкѣ. Перев. Л. Д. Синицкаго подъ ред. проф. Д. Н. Анучина.

Міръ Божій. 1903. 1. Турція и будущее ислама. Замѣтка: турки вовсе не погибающая раса; изъ всѣхъ существующихъ религій будущее принадлежитъ исламу, благодаря его удивительной организаціи. Таково мнѣніе автора статьи въ „Fortnightly Review“.—Князьковъ: Какъ начался расколъ русской церкви (отзывъ).—**2.** *Рожковъ, Н.* Обзоръ русской исторіи съ соціологической точки зрѣнія. Часть 1-я. Кіевская Русь (съ VI до конца XII вѣка).—Крѣпостное рабство въ Дагестанѣ. Замѣтка составлена на основаніи свѣдѣній, полученныхъ „Бакинскими Извѣстіями“ о существованіи въ Дагестанѣ крѣпостного права. Ни слова не говорится о статьѣ П. В. Гидулянова: „Сословно-поземельный вопросъ и райятская зависимость въ Дагестанѣ“, напечатанной въ „Этнограф. Обозрѣніи“ за 1901 годъ, въ книгахъ 48, 49, 50 и 51-ой.—Жидъ: Гражданское положеніе женщины съ древнѣйшихъ временъ (отзывъ).

Пермскія губернскія Вѣдомости 1903. 9. Убійство колдуньи. Это было въ дек. 1902 г. въ Петербург. губ. Убита Суммонель, знахарская слава которой гремѣла далеко Убилъ ее финнъ за ея пророческое проклятіе (какъ самъ онъ объяснялъ).—**26.** *А. С.* Пав. Ив. Мельниковъ (Андрей Печерскій). 1-го февр. исполнилось 20 лѣтъ со дня смерти этого беллетриста-этнографа. (1819—1883). П. И. род. въ Н.-Новгородѣ, окончилъ Казанскій университетъ по словесному факультету, былъ оставленъ при университетѣ для подготовки къ славянской каѳедрѣ, былъ высланъ въ Пермь, гдѣ былъ учителемъ. Съ этого времени начинается его литературная дѣятельность. „Въ лѣсахъ“ было написано въ 1871 г., „На горахъ“ въ 1875—1881 г.

Полтавскія Еп. Вѣд. 1901. 1. Древнѣйшій храмъ въ Россіи (въ Инкерманской обители). Первый день декабря въ народной Руси. **2.** Сиро-халдеи и православіе въ Персіи. Нѣмецкая легенда о происхожденіи рождественской ёлки. Канунъ Рождества Христова въ Сербіи. **3—4.** *В. Курдиновскій.* Мѣстечко Опошня Зѣньк. уѣз. Полт. губ. (археографическій этюдъ). **3.** Святки въ Зап. Европѣ. **7.** Интересное открытіе (о раскопкахъ въ Месопотаміи изъ „Стран.“). **1902. 3.** Святки въ Малороссіи. **4.** Жизнь древне-русскаго прихода (изъ Симб. еп. вѣд.) **8.** Страшный вопросъ (объ убійствѣ дѣтей и стариковъ въ Малороссіи).

Приднѣпровскій Край. 1903. 1695. (3 янв.) *Востоковъ, Мих. (Гросманъ).* Исторія Екатеринославской печати.—**1698.** Первое собраніе шекеледателей (сіонистовъ; всѣхъ ихъ въ Россіи въ 1902 г. было 80.000 человѣкъ).—**1703.** Постановленія правленія Научнаго общества. Имѣются доклады А. С. Синяв-

скаго: „Археологическія раскопки въ окрестностяхъ Екатеринослава"; А. Н. Краснова: „Вліяніе нѣмецкой культуры, занесенной поселившимися въ Новороссіи нѣмцами-колонистами, на коренное населеніе.—Постановлено просить А. И. Маркевича прочесть рядъ лекцій въ различныхъ городахъ „Екатеринославщины", чтобы ознакомить публику съ различными вопросами будущаго XIII археологическаго съѣзда.—1731. Въ Совѣтѣ Музея (Разсмотрѣніе проекта устава музея. См. „Хронику" въ этой книгѣ).—1732. Природа и Люди. Подъ ред. А. А. Ивановскаго. Изданіе Курнина: самоѣды, якуты, буряты, чукчи, остяки, вотяки, киргизы, аварцы, великоруссы, Прибалтійскій край, Амурскій край и наши переселенцы. (Отзывъ).—1734. Цѣна жены у различныхъ народовъ. Свѣдѣнія изъ „Revue Mame".

Русская Мысль. 1902. 12. *Сторожевъ, Василій.* Отголоски Харьковскаго Археологическаго съѣзда. Авторъ касается архивнаго дѣла въ Россіи.—Архивъ князя Куракина. Кн. X. (Отзывъ).—Конъ: Историческій очеркъ Минусинскаго Музея. (Отзывъ).

Русскій Антропологическій Журналъ. Изданіе Антропологическаго отдѣла И. О. Л. Е., А. и Э. подъ ред. *А. А. Ивановскаго.* **1902 г. № 3. (Кн. XI).** *Элькиндъ, А. Д.* Евреи. Сравнительно-антропологическій очеркъ. Съ 25 рис. и 4 діагр. Авторъ приводитъ мнѣнія разныхъ ученыхъ объ антропологическомъ типѣ евреевъ и переходитъ затѣмъ къ самостоятельному очерку о польскихъ евреяхъ по матеріаламъ, собраннымъ лично и въ обработанномъ видѣ имѣющимъ явиться въ „Трудахъ" Антропологическаго отдѣла; здѣсь же сравнены и данныя другихъ антропологовъ. Авторъ, заодно съ д-ромъ Вайсенбергомъ и д-ромъ Юдтомъ, приходитъ къ заключенію, что современные европейскіе евреи, по своему анатомическому строенію, образуютъ довольно однородную этнологическую группу, которая, въ основныхъ признакахъ (окраска волосъ и глазъ, головной указатель, ростъ,) обнаруживаетъ вездѣ болѣе или менѣе одинаковыя отличія отъ коренного, христіанскаго населенія". Съ другой стороны, „польскіе евреи сильнѣе, нежели евреи другихъ странъ удержали антропологическія особенности, свойственныя этой народности". Миграцію евреевъ въ Европу изъ ихъ прародины—Передней Азіи—авторъ разсматриваетъ въ трехъ направленіяхъ: 1) черезъ Кавказъ, 2) къ берегамъ Чернаго моря и Азовскаго и 3) черезъ Средиземное морское побережье. Послѣдній путь авторъ считаетъ наиболѣе изслѣдованнымъ и достовѣрнымъ.—*Красновъ, А. Н.* Матеріалы для антропологіи русскаго народа (съ 4 табл. рисунковъ). Авторъ производилъ наблюденія надъ новобранцами, проходящими черезъ сборный пунктъ въ Харьковѣ; свѣдѣнія касаются гл. обр. великороссовъ и малороссовъ.—*Аристовъ, Н. А.* Этническія отношенія на Памирѣ (продолж.)—*Королевъ, С.* Вопросъ о пигмеяхъ въ новѣйшей литературѣ. (*Prof. Thilenius*—Prähistorische Pygmäen in Schleisen; *Prof. d-r. Kolmann*—Pygmäen in Europa und Amerika; *Dawid Mac Ritschil*—Zwerge in Geschichte und Ueberlieferung; *Prof. d-r. K. Wenle*—Zwergvölker in Neu-Guinea?)—Рудольфъ Вирховъ (некрологъ).—Присужденіе премій по антропологіи А. Д. Элкинду („Евреи"), Ю. Д. Талько-Грынцевичу, („Матеріалы для антропологіи Забайкалья и Монголіи") и И. И. Майнову („Два типа тунгусовъ" и „Якуты").

Русскія Вѣдомости. 1903. 4. Засѣданіе этнографическаго отдѣла И. О. Л. Е., А. и Э. Доклады: 1) В. Ѳ. Миллера: „Къ былинѣ о князѣ Глѣбѣ Володьевичѣ", 2) А. Д. Григорьева: „Къ вопросу о происхожденіи старины о путешествіи Вавилы со скоморохами".—7 Засѣданіе предварительнаго Комитета по устройству XIII археологическаго съѣзда въ Екатеринославлѣ. (См. хронику).—8. *Зеленинъ Д.* Черты современнаго народнаго быта по „частушкамъ". Авторъ смотритъ на частушку, какъ на „особый типъ народнаго пѣснотворчества", многое говорящаго о „совершающихся въ нѣдрахъ народной жизни процессахъ, о происходящемъ тамъ грандіозномъ переломѣ".—„Частушка" далѣе, по его мнѣнію,

„созданіе индивидуальнаго, личнаго творчества“, выросшее „на развалинахъ старой народной пѣсни. Дальнѣйшія разсужденія и примѣры частушекъ не убѣждаютъ въ основательности высказанныхъ мыслей о частушкѣ.—21. *И. И.* Историческій Музей Черниговскаго губернскаго земства (В. В. Тарновскаго). Музей еще не открытъ. Коллекціи музея представляютъ эпохи: доисторическую, княжескую, казацкую и новѣйшую. 29. Раскопки въ южномъ Пиценумѣ обнаружили типъ культуры, въ общемъ совпадающій съ Гальштатскимъ (ранній желѣзный вѣкъ), примѣрно VIII—VI вѣка до Р. Х. Пиценаты въ то время были мирнымъ народомъ, преданнымъ охотѣ, земледѣлію и особенно торговлѣ (янтарь съ береговъ Балтійскаго моря, раковины изъ Азіи, слоновая кость изъ Африки; страна вывозила бронзовыя издѣлія).—31. *Линева, Е.* Жива ли народная пѣсня? Статья написана по поводу очерка Д. Зеленина (въ № 8-омъ), опровергаетъ доводы г. Зеленина а проводитъ мысль, „что коллективное творчество не губитъ творчества личнаго, и наоборотъ, питаетъ его, возвышаетъ“.

Русское Богатство. 1902 12: *Кондурушкинъ. С.* Изъ скитаній по Сиріи.— *Бѣлорѣцкій Григ.* Заводская поэзія. Авторъ соглашается съ нѣкоторыми изслѣдователями, что „частушка“ есть типичная представительница современной народной пѣсни и, на основаніи имѣющихся у него болѣе пятисотъ частушекъ, даетъ обзоръ частушекъ „фабричныхъ“ и „бытовыхъ“ (любовныхъ). Конечно, такое дѣленіе частушекъ не выдерживаетъ критики.—*Ю. Н. Каринъ.* Разсказы о пѣсняхъ и пѣвцахъ. (Отзывъ: есть разсказъ о собираніи произведеній народнаго творчества, связанный съ попыткой разобраться въ разнообразіи народной лирики).

С.-Петербургскія Вѣдомости. 1902. 165. Помѣщены приведенныя *Г. А. Трущовымъ* въ „Сам. Газ.“ два сектантскихъ стихотворенія: 1) Бракоборческое „Дѣвство каждый сохраняй, тайну брака не сознай“...; 2) Въ защиту брака—„Фараонъ дѣтоубійца, Иродъ злобный кровопійца“... Первое изъ нихъ представляетъ изложеніе взглядовъ на бракъ и дѣвство федосеевцевъ — бракоборовъ („староженовъ“, „новоженовъ“, „чистенькихъ“); второе есть возраженіе имъ поморянъ, бѣглопоповцевъ.—167. *Брусъ, В.* Еще о сынахъ вольной степи. Авторъ по поводу статьи г. Полферова („Среди инородцевъ“, Спб. Вѣд., 160), путешествовавшаго по Тургайской степи, вдается въ разсужденія о состояніи хозяйства киргизъ, бытовыя основы котораго сильно поколеблены русскими государственными мѣропріятіями. За одно авторъ приводитъ въ сравненіе исторію хозяйственнаго разоренія Башкиріи. — 169. Авторъ замѣтки „Изъ новыхъ книгъ“ обращаетъ вниманіе читателя на переведенное П. А. Буланже (въ изданіи „Посредника“) сочиненіе англичанина *Фильдинга* „Душа одного народа“. Онъ думаетъ, что „русская психика и нравъ... и матеріальное благополучіе поглощаются уже и, вѣроятно, будутъ еще усиленнѣе поглощаться „желтымъ игомъ“ XX вѣка. Поэтому онъ для лучшаго пониманія китайскаго вопроса рекомендуетъ книгу Фильдинга, въ которой хотя и идетъ рѣчь о Бирмѣ, но авторъ замѣтки считаетъ „языческую Азію однородной въ религіозномъ вопросѣ“, — въ этой книгѣ будто бы заключается особая какая-то Нирвана, характерная для всей этой части свѣта. Книга Фильдинга, скажемъ отъ себя, дѣйствительно, интересна, но чтобы ее читать, надо отрѣшиться отъ всякихъ неэтнологическихъ пріемовъ проникновенія въ „душу народовъ“. — 170. Изъ „Вост. Обозр.“ приведены свѣдѣнія о бытовой обстановкѣ раскладки податей (албана) въ родовыхъ управленіяхъ инородцевъ Минусинскаго уѣзда. 182 и 187. *А. Г.* Замѣчательная коллекція. (Собраніе уменьшенныхъ копій-моделей съ памятниковъ древняго и средневѣковаго зодчества, принадлежащее генералу Карлу Эриковичу Седергольму въ Гельсингфорсѣ. Всѣ модели исполнены по одному масштабу 1:150. Здѣсь и пирамиды, и храмъ Соломона, и мечеть „Куббетъ-эль-Сахра“, и ассирійскіе дворцы, и многое другое. Коллекція продается за 75.000 руб. 182. Современное экономическое значеніе скопцовъ для Якутской области (Замѣтки). — 184. *Мсеріанцъ, Л.* Къ вопросу объ археологическихъ

институтахъ, въ связи съ ихъ значеніемъ для средней школы. (Написано по поводу статьи В. И. Модестова „Русскій институтъ въ Римѣ", Спб. Вѣд., № 91).—**186.** *Z.* Къ вопросу о положеніи сибирскихъ сѣверныхъ инородцевъ. (Статья, привѣтствуя открытіе Красноярскаго подъотдѣла Русскаго Географическаго О-ва, переходитъ къ изложенію доклада врача Крутовскаго о положеніи сѣв. инородцевъ).—*Васильевъ, Сергѣй, крестьянинъ.* Какъ живутъ чуваши.—**193.** „Старинная" скопческая пѣсня, запис. Г. А. Трущовымъ: „Отъ востока страны отъ бѣлой зари отъ Иркутскаго"... — **212.** *Фурманъ, А. В.* Къ XII Археологическому съѣзду въ Харьковѣ (фельетонъ). — **216.** *И. А.* Сибирскіе этюды (прод. см. № 159): Н. М. Ядринцевъ, ритуалъ сибирской свадьбы. — **219.** Слѣды буддизма въ Мексикѣ (замѣтки по итал. газетѣ „Stampa").—**220.** О посѣщеніи калмыковъ ламой (изъ „Астр. Лист.").—**223.** Религіи въ Индіи (изъ „Mouvement géographique").—**225.** *И. Л.* Сибирскіе этюды (тюркскій и русскій періоды Сибири; сравнительная характеристика). — Харьковъ. (Корреспонденція объ археол. съѣздѣ) Тоже №№ 227, 228, 229, 230, 231, 232, 233, 235, 236.—**227.** Въ „Од. Лист." сообщается о судѣ надъ вѣдьмой: волостной и земскій начальникъ обсуждали дѣло серіозно, и только съѣздъ прекратилъ его.—**230.** *Диллетантъ археологіи.* Съ Харьковскаго съѣзда. Авторъ, отмѣтивъ свѣтлыя стороны съѣзда, сѣтуетъ однако на безсистемность русскихъ съѣздовъ вообще, неподготовленность въ должной мѣрѣ къ нимъ ученыхъ, а также на дикость нравовъ нѣкоторыхъ дико оппонирующихъ референтамъ или потѣшающихъ себя разными другими способами.—**231.** Рудольфъ Вирховъ (некрологъ. † 23 авг. 5 сент. 1902). — **245.** Къ характеристикѣ туземныхъ элементовъ Закавказья (фельет.).—*Полферовъ, Я.* Среди инородцевъ IV. На Тересъ-Бутанѣ (см. № 160). Рѣчь идетъ о современныхъ формахъ землевладѣнія у киргизъ.—**249.** „Приаз. Край" приводитъ рядъ примѣтъ и повѣрій, соблюдаемыхъ въ быту казачьяго населенія Дона: въ Чистый четвергъ обрѣзанные ногти зашиваютъ и носятъ на шеѣ,—на томъ свѣтѣ они нужны, чтобы взобраться на стеклянную гору; вихрь—это дѣлаютъ некрещеныя дѣти; 24 дек. и 5 янв. жгутъ навозъ,— чтобы родители грѣлись на томъ свѣтѣ; для предохраненія скота отъ падежа закладываютъ въ стѣны или вѣшаютъ вокругъ помѣщенія, гдѣ находится скотъ, черепа павшихъ животныхъ,—смерть убоится ихъ и не тронетъ скота; раньше былъ обычай хоронить покойниковъ въ шапкахъ [1]). — **231** и **258.** *Емельяновъ, П. Н.* Изъ деревенской глуши. (Авторъ рисуетъ невзгоды южнорусской деревни).—**258.** *Дьяченко, Е., д-ръ.* О значеніи „тибетской" медицины. Авторъ смотритъ на нее, какъ на медицину, находящуюся въ такой же несовершенной стадіи развитія, въ какой въ свое время была древняя медицина греческая, арабская и др.—**262.** Сибирь и желѣзная дорога. (Разсматривается вліяніе жел. дороги на перемѣны въ хозяйствѣ мѣстнаго населенія, при чемъ авторъ полагаетъ, что коренная ломка земледѣлія въ Сибири еще впереди). — *С.* Экономическое положеніе гродненскихъ крестьянъ. При отсутствіи общины, исчезнувшей въ эпоху литовскаго владычества, при владѣніи подворномъ и частыхъ семейныхъ дѣлежахъ сказываются недостатки крестьянскихъ хозяйствъ, особенно въ отсутствіи разныхъ усовершенствованій.—**263.** Присужденіе наградъ графа Уварова (1000 р. за соч—іе Н. А. Рожкова: „Сельское хозяйство Московской Руси въ XVI вѣкѣ" и др.).—**264.** Изъ Озургетскаго уѣзда (корресп.). Тяжело жить крестьянину, вѣчно таскающемуся къ „моураву", т. е. управляющему дворянскимъ имѣніемъ, потому что безъ аренды, безъ работы на сторонѣ крестьянину тѣсно и голодно у себя. — **265.** Вступительная лекція профессора-синолога *П. С. Попова* (in extenso). Лекція имѣла болѣе международнополитическое содержаніе.—**273.** Въ „Христіанскомъ Чтеніи" (октябрь) помѣщена статья *М. Соколовскаго*: „Черты благотворительности по нѣкоторымъ древне-русскимъ памятникамъ литературы и миніатюры". Авторъ развиваетъ мысль, что благотворительность была развита въ довольно сильной мѣрѣ; другіе изслѣдователи съ этимъ не согласны. — Центральная

[1]) Срв. *Н. Янчукъ*, по Минской губерніи.

Азія. Снаряжена археологическая экспедиція изъ семи японцевъ для изученія буддизма въ Средней Азіи. — **276.** Гельсингфорсъ (корресп. объ открытіи памятника д-ру Эліасу Лэнпроту, собирателю старыхъ финскихъ рунъ). — **280.** Д-ръ В. А. Петтерсъ (Савасисъ) (некрологъ и библіографія его этнографическихъ и другихъ сочиненій). — **290.** Прага (корресп.). Справлялись два юбилея: 40-лѣтія ученой дѣятельности проф. Антона Фрича (зоолога) и 500-лѣтняя годовщина ректорства чешскаго реформатора Яна Гуса. По поводу послѣдняго приводится исторія чешскаго просвѣщенія. — **293.** *Е. Ш.* Двадцатипятилѣтіе Зап.-Сибирскаго Отдѣла Императорскаго Русск. Геогр. О-ва (1877—1902 г.). — Приведены, между прочимъ, далеко не-юбилейныя страницы изъ исторіи З.-С. Отдѣла (отлучки членовъ распорядительнаго комитета, „капитальный ремонтъ" только что отстроеннаго собственнаго зданія, печальный инцидентъ со статьей г. Словцова). — **294.** Актъ въ Лазаревскомъ Институтѣ Восточныхъ Языковъ. (См. Эти. Обозр. кн. LV, хроника). — **295.** *Полфёровъ, Я.* Среди инородцевъ. V. Сказочная сторона. Авторъ далъ очеркъ „дикой Башкиріи" (см. № 245). — **296.** Къ вопросу объ общинѣ. (Изложеніе записки кн. А. Г. Щербатова въ „Вѣстникѣ Финанс."). — **298.** Засѣданіе Императорской Археологической Комиссіи. (Разсмотрѣніе о реставраціи десяти древнихъ храмовъ). — **299.** *Полфёровъ, Я.* Киргизскія былины (общая характеристика киргизскихъ пѣвцовъ, батырей (богатырей), а также акыновъ или джерше, воспѣвающихъ подвиги историческихъ героевъ. — **321.** *Каракашъ, Н. Д.* Ингуши. Къ вопросу о заселеніи черноморскаго побережья. (Общій очеркъ Ингушей). — **322.** *И. Л.* Сибирскіе этюды. V. Фельетонъ посвященъ вопросу, почему писателю-народнику Николаю Михайловичу Астыреву „фатально не повезло" въ его знакомствѣ съ сибирскимъ мужикомъ: онъ обличалъ „дурныя стороны народнаго уклада безъ всякаго сентиментализма". — **323.** Открытіе костюмной выставки (24 ноября). Первая международная выставка историческихъ и современныхъ костюмовъ и ихъ принадлежностей. — **325.** Изъ той же выставки *Ал. Кс.* выдѣляетъ этнографическій отдѣлъ: ткани Австраліи съ оригинальными рисунками (вывезенныя Кукомъ) и цѣлые костюмы изъ этой ткани, папуасъ Новой Гвинеи у входа въ свое жилище, фигура племени нямъ-нямъ, фигура короля Сандвичевыхъ острововъ въ цвѣтной войлочной шапкѣ и такой же тогѣ, фигуры племени ваганда, обитателей Суматры, японецъ въ одеждѣ изъ мочалы и тростника, казанская татарка въ парчевомъ камзолѣ, крымская татарка, калмыкъ, калмычка, киргизъ въ гамбарахъ (штаны) и жаргакѣ, киргизка, знатные буряты, минусинская монголка, дуванъ, сартская утварь, палатки букеевскихъ киргизовъ и многое другое пестритъ на этой выставкѣ. Современный отдѣлъ еще не весь готовъ. — **327** *Ал. Кс.* Оканчиваетъ описаніе этнографическаго отдѣла: костюмы персидскіе, гебрскіе, китайскіе, индо-китайскіе, абиссинскіе. — **328.** *Ал. Кс.* продолжаетъ описаніе выставки: костюмы Германіи, Швеціи, Сербіи, другихъ балканскихъ славянъ и Румыніи. — *В. И. К.* Хуторвое землевладѣніе въ Гродненской губерніи. (Вліятельная администрація поощряетъ переходъ отъ общиннаго землевладѣнія къ хуторному, дѣйствуя черезъ волостныхъ писарей). — **330** и **331.** *Ал. Кс.* даетъ описаніе богатаго польскаго отдѣла на выставкѣ костюмовъ. — **346.** 15 декабря въ Псковѣ торжественно освящены „Поганкины Палаты". Тамъ будутъ помѣщаться теперь городскіе музеи. Раньше тамъ съ 1747 года былъ провіантскій магазинъ. Пожертвованіе Н. Ф. фонъ-деръ-Флита освободило археологическую достопримѣчательность изъ этого житейскаго плѣна. Многія другія „палаты" ждутъ въ Россіи своего освободителя, напр. Ханскій дворецъ въ Баку (нынѣ складъ военнаго обоза) могъ бы быть чуднымъ музеемъ самъ по себѣ безъ всякихъ коллекцій. — **348.** *Жакова, Г.* Изъ жизни пермяковъ. Трактуется вопросъ о положеніи пермяцкой женщины и вообще пермяцкой семьи въ селеніяхъ по р. Иньвѣ Соликамскаго у. и по р. Косѣ Чердынскаго у. Авторъ слишкомъ пораженъ некультурностью пермяковъ и изъ-за чувства жалости къ нимъ не видитъ естественныхъ основъ ихъ быта. — **354.** Индія. (Внѣшнія Извѣстія): „Avenir du Tonkin" сообщаетъ свѣдѣнія о религіяхъ въ Индіи по послѣдней переписи.

(См. здѣсь же № 223 и „Хронику").—356. Торжественное засѣданіе Академіи Наукъ. (Чтеніе отчетовъ. Премія Батюшкова присуждена П. П. Жуковичу за соч іе „Сеймовая борьба православнаго западно-русскаго дворянства съ церковною уніей до 1609 г."; премія въ 400 р.— М. В. Довнаръ-Запольскому за соч-іе: „Государственное хозяйство Великаго Княжества Литовскаго при Ягеллонахъ").—357. (31 дек.). *С*. Движеніе въ Америку среди мазуровъ Бѣлостокскаго и Сокольскаго уѣздовъ. (Переселяются не только малоземельные, но и обезпеченные землей; причины переселенія недостаточно выяснены). **1903.** 2. Рѣчь, произнесенная гр. С. Д. Шереметевымъ на юбилейномъ праздновaніи Императорскаго Общества Древней Письменности. Онъ объясняетъ, какъ трудно было 25 лѣтъ назадъ основать въ Россіи ученое Общество.—4. *А. Н. Ч.* Къ вопросу о грузинологіи. Авторъ привѣтствуетъ послѣдовавшее недавно открытіе секціи востоковѣдѣнія (съ подсекціей грузинологіи) при московскомъ историко-филологическомъ студенческомъ обществѣ. Указывается на вліяніе Востока въ исторіи и культурѣ Грузіи до XIX вѣка, и новый періодъ съ XIX вѣка. Авторъ указываетъ па „Очерки по исторіи груз. словесности" А. С. Хаханова и говоритъ, что все-таки секціи грузинологіи приходится работать еще много надъ сырымъ матеріаломъ.—Литовская народная драма (см. „Сѣв.-Зап. Слово"—здѣсь).—5. *Клеменцъ, Д.* Замѣтки о кочевомъ бытѣ. I. Разсматриваются (въ популярномъ изложеніи) земледѣліе и охотничій промыселъ, какъ явленія болѣе позднія, чѣмъ кочевой бытъ. Послѣдній, помимо обычнаго типа, представляется автору еще и въ альпійскомъ хозяйствѣ Швейцаріи.—14. Памяти Н. В. Калачова. (По поводу празднованія 25-лѣтія основанія имъ С.-Петербургскаго Археологическаго Института).—Корреспондентъ изъ Стокгольма сообщаетъ, что лопари, кочующіе въ Вестерботніи, возбудили вопросъ о предоставленіи имъ права заводить пашни на отводимыхъ имъ земельныхъ участкахъ, такъ какъ подрастающая лопарская молодежь, подъ вліяніемъ школы, потеряла вкусъ къ кочевой жизни, и количество оленей необыкновенно быстро уменьшается —17. *К-инъ, Ал.* Русскіе переселенцы въ Маргеланскомъ уѣздѣ Ферганской области. Переселеніе началось съ 1892 года. Условія переселенія были хорошія. Туземцы отнеслись къ русскимъ сочувственно. Съ весны 1899 г. въ „Русскомъ селѣ" былъ 201 дворъ (201 русское семейство). Далѣе дѣла пошли туго: климатъ, допущеніе въ поселокъ некрестьянъ, разнообразность поселенцевъ по губерніямъ, отсутствіе общины, пьянство и проч. — были причиной тому.—24. *Клеменцъ, Д.* Замѣтки о кочевомъ бытѣ. II. Указавъ примѣры, что кочевой бытъ существуетъ и сейчасъ при разныхъ видахъ осѣдлой культуры, авторъ далѣе проводитъ мысль, что тотъ или другой видъ культуры поддерживалъ обезпеченность, каковую видитъ и въ кочевомъ хозяйствѣ. Далѣе, разбирая вопросъ „дѣйствительно ли земледѣліе всегда и вездѣ являлось спутникомъ высшей культуры?",—онъ останавливается на случаяхъ, не подтверждающихъ этой мысли въ Мексикѣ, Африкѣ, въ древней Греціи, въ Швейцаріи, особенно же въ Монголіи. „Монголъ", говоритъ авторъ, „можетъ служить опроверженіемъ ходячаго мнѣнія, что кочевнику свойственно „бедуинство", т. е. воинственность, страсть къ завоеваніямъ и хищеніямъ". Роль монголовъ въ исторіи Россіи авторъ разсматриваетъ нѣсколько иначе, чѣмъ историки-изслѣдователи: онъ не прочь признать застой въ эпоху монгольскаго ига (тоже было и въ Римѣ отъ германцевъ), но онъ не видитъ у монголовъ страсти къ завоеваніямъ, а просто—военное кочеванье съ счастливымъ исходомъ въ силу превосходной военной дисциплины; „Монголъ", говорится далѣе,—„теперь человѣкъ мирныхъ наклонностей и вкусовъ; скотоводъ, въ очень малой мѣрѣ торговецъ, отчасти земледѣлецъ.—25. Жизнеописанія молодыхъ солдатъ въ Харьковскихъ войскахъ (См. здѣсь „хронику").—38 Буддійское искусство въ Японіи (см. „хронику").—39. *Караваевъ, Н.* Ярославъ Врхлицкій. Къ пятидесятой годовщинѣ дня рожденія поэта.—40. Письмо въ редакцію. Пермскій научно-промышленный Музей обращается къ уроженцамъ пермскаго края, нынѣ спеціалистамъ разныхъ знаній, помочь музею своею просвѣщенною дѣятельностью.

Сѣверный Край. 1903. 18. Въ библіографіи помѣщенъ отзывъ *Т.* на „Лѣтопись великоустюжскую" XIII—XX вв.—**31.** *Джанинъ, К.* Сѣверная областная выставка 1893 года. Историческая справка. Среди отдѣловъ, помимо имѣющихъ отношеніе къ хозяйственному быту, былъ еще отдѣлъ научно-художественно-рукодѣльный и музыкальный. —**35.** Къ предстоящей областной выставкѣ Сѣвернаго края. Ярославскій Училищный совѣтъ желаетъ участвовать экспонатами изъ церковныхъ школъ. Авторъ замѣтно выражаетъ желаніе, чтобы ярославскій совѣтъ привлекъ и другіе совѣты сѣвернаго района, особенно архангельскій, олонецкій и вятскій, которые съ идеей школы соединяютъ идею миссіонерства среди инородцевъ.—**36.** *Джанинъ, К.* Сѣверная областная выставка 1903 г. Указываются недостатки подготовительныхъ работъ.—**41.** *Торговъ, А.* Празднованіе масляницы въ старину. Самыя общія свѣдѣнія.

Сѣверозападное Слово. 1903. 1475 (8 янв.). Доисторическіе пигмеи. Изложены выводы антрополога Тиленіуса, что пигмеи обитали не только въ центральной Африкѣ, но и въ части Европы, а также проф. Кельмана (Богем.) о пигмеяхъ въ Швейцаріи и г. Гутмана—о пигмеяхъ въ Нижнемъ Эльзасѣ.—**1476.** Литовская народная драма. Со словъ „Спб. Вѣд." приводится сообщеніе объ успѣхѣ литовскихъ вечеровъ въ Петербургѣ.—**1479.** Новооткрытое племя въ Мексикѣ. Извѣстный путешественникъ Карлъ Лумгольцъ въ Сѣв.-Зап. Мексикѣ въ ущельѣ Сера-Мадре открылъ странныхъ первобытныхъ людей „Гуихольсъ" (около 4000 чел.). Огонь они добываютъ тревіемъ. Хлѣбъ сѣютъ, втыкая въ землю острую палку . У нихъ богатый символизмъ. Есть легенда о потопѣ и ковчегѣ, близкая къ библейскому. Коллекція символич. предметовъ выставлена сейчасъ въ Естественномъ Музеѣ въ Нью-Іоркѣ. Легенда о Ковчегѣ играетъ большую роль при молитвахъ о дождѣ (для плодородія земли). „Ковчегъ" дѣлается изъ обрубка дерева; крышка—въ видѣ оленьихъ роговъ; бока—въ символич. рисункахъ. Въ Ковчегѣ деревянное изображеніе предка „Гуихольсовъ", собака и нѣсколько тыквъ. Важнѣйшій праздникъ—„Хикули" (Потребленіе растенія Хикули вызываетъ видѣнія): это сборъ Хикули въ постѣ и молитвѣ. По возвращеніи со сбора, устраиваютъ танцы, раскрашиваютъ лица въ желтый цвѣтъ (цвѣтъ бога огня). Нѣкоторые этнологи, въ томъ числѣ и Повелль Румали, находятъ, что это племя—остатки писателей (жителей?) доисторическаго города Мапароссе, построившихъ большой храмъ гіероглифовъ и дворцы Юкатана и средней Америки. — **1480.** Дѣтоубійство въ Восточной Африкѣ. Туземцы убиваютъ дѣтей съ физическими недостатками изъ суевѣрія, на которое не имѣетъ вліянія даже магометанство.—**1484.** Ткани изъ крапивы. Этимъ занимаются остяки Тобольской губерніи. (Сообщеніе *г. Скалозубова*).—**1508.** Библіографія: отзывъ на книгу проф. Погодина „Религія Зороастра" и проф. Джаксона „Жизнь Зороастра".

Уралецъ. 1903, 1. *Отставной.* Воспоминанія о введеніи новаго положенія. II. Невольные „уходцы". Разсказывается о высылкѣ казаковъ, отказавшихся подписаться подъ „новымъ положеніемъ", независимо отъ того—принимали они это положеніе или отвергали его. Подпись они считали, „антихристовой печатью", изъ-за которой угодишь къ нечистому, наоборотъ, пострадаешь—получишь „вѣнецъ" (святого). Больше всего этотъ фанатизмъ стараго времени поддерживался женщинами, особенно старухами.—**2.** Къ вопросу о составленіи исторіи казачьихъ войскъ. Авторъ статьи въ „Вѣстникѣ казачьихъ войскъ" высказывается за предоставленіе полной самостоятельности авторамъ отдѣльныхъ монографій, установку вознагражденія и разныхъ сроковъ и порученіе работы лицамъ, совершенно свободнымъ отъ другихъ занятій.—**3.** *Ширвановъ.* Можно ли и слѣдуетъ ли татарамъ знакомиться съ европейскими писателями? Авторъ доказываетъ, что это знакомство не противно исламу, никогда не препятствовавшему наукѣ и прогрессу.—**5.** *Ф. С.* Памятная Книжка и адресъ-календарь Уральской области на 1903 годъ. Авторъ относится критически къ напечатаннымъ въ ней статистическимъ и другимъ матеріаламъ.—**8.** Новый миссіонер-

скій журналъ для борьбы съ расколомъ. („Православный Путеводитель"). **20.** *Агафоновъ, Ив.* Изъ разсказовъ моего собесѣдника. Сообщается преданіе о Стенькѣ Разинѣ, записанное въ Мухраповской станицѣ и расходящееся съ поволжскими преданіями. „Илья Муромецъ-то", говорилъ между прочимъ старикъ-собесѣдникъ: „мало того, что богатырь, по знай—и святой человѣкъ. Самъ Господь благословилъ ему силушку-то богатырскую, давши ему напиться меда сладкаго". Перейдя къ Разину, онъ сказалъ, что Разинъ не казненъ (это ученые врутъ), а Разинъ живъ еще и теперь; онъ мучится за грѣхи. Слышалъ онъ это „отъ знакомаго хорошаго человѣка, видѣвшаго его въ мѣстѣ мученій". Человѣкъ этотъ былъ матросомъ, плавалъ „по океану", попалъ на островъ, гдѣ живутъ подобные ему русскіе люди, побратски встрѣтившіе его и его товарищей хлѣбомъ-солью. Это были *некрасовцы* *). Пробывъ у нихъ три дня, они пустились дальше и пристали къ большому острову. На островѣ былъ большой длинный дворецъ. Они высадились, пошли во дворецъ. Въ первой комнатѣ были человѣческія головы, которыя глядѣли какъ живыя; во второй комнатѣ на серебряной кровати лежалъ Степанъ Разинъ, длинными желѣзными цѣпями привязанный по рукамъ и по ногамъ. Онъ разсказалъ имъ о себѣ. За всѣ свои злодѣянія предъ Русью и предъ царемъ Господь наложилъ на него эпитимію. Въ урочное время прилетаетъ шестиглавый змѣй и сосетъ его кровь; они видятъ только его скелетъ, но онъ живъ и страдаетъ. Проситъ онъ ихъ, вернувшись на Русь, помолиться за него святымъ иконамъ, которыхъ онъ много разбивалъ. Около него была куча золота. Только ушли моряки отъ него, какъ прилетѣлъ змѣй, и они слышали стоны Разина. На томъ же островѣ есть деревянная безъ верха изба; одинъ матросъ спустился туда и увидѣлъ большой зеленый лѣсъ и чудныхъ птицъ, распѣвавшихъ сладкія пѣсни и многое другое чего не въ силахъ объяснить; онъ впалъ въ забытье, и, какъ вышелъ оттуда, не помнитъ. Всѣ догадались, что это былъ *рай*, скрытый отъ недостойныхъ человѣческихъ взоровъ.

---

*) См. „Этн. Обозр." Кн. 53: У русскихъ подданныхъ султана. *В. Ѳ. Минорскаго* Кн. 55: Къ вопросу о некрасовцахъ чоршамбинцахъ. *Б. В. Миллера.*

Новости этнографической литературы.

Алексѣевъ, С. Г. Мѣстное самоуправленіе русскихъ крестьянъ XVIII-го и XIX-го в. 1902.

Альбомъ Мейерберга. Виды и бытовыя картины Россіи XVII вѣка. 62 листа (140 рисунковъ и 1 карта) in folio и объяснительныя примѣчанія къ рисункамъ. X+189 стр. 8⁰. Изданіе А. С. Суворина. 1903. Ц. 15 р.

Антоновичъ, В. Б. Археологическая карта Волынской губ. М. 1900. Ц. 3 р.

Ашмаринъ, Н. И. Болгары и чуваши (съ 2 таблицами). Каз. 1902. 8⁰ 132 стр. („Изв. О-ва Истор. Археол. и Этногр.", XVIII, 1, 2 и 3).

Ашмаринъ, Н. Очеркъ литературной дѣятельности казанскихъ татаръ. Подъ ред. *А. Крымскаго.* М 1901. 8⁰. Ц. 75 к. („Труды по востоковѣдѣнію", вып. 4).

Барвинокъ, Ганна. Оповидання зъ народныхъ устъ. Кіевъ 1902. г. Ц. 1 р.

Березинъ, Н. И. Природа и люди Олонецкаго края. Спб. 1903. Ц. 1 р. 30 к.

Брамловскій, С. К. Тазы или Yduhé (съ 8-ю рисунками). Опытъ Этнографическаго изслѣдованія. (Оттискъ изъ „Жив. Старины" за 1901 г.). Спб. 1902. 8⁰ 223 стр.

Буддійскій катехизисъ. Перев. съ монгольскаго. Спб. 1902 г. Ц. 30 коп.

Бунятовъ, Григ. свящ. Бытъ русскихъ крестьянъ Лорійскаго участка, Борчалинскаго уѣзда, Тиф. губ. Тиф. 1902. 8⁰ стр. съ 97 по 145. („Сборн. мат. д. о. м. и п. Кавк." XXXI)

Бѣлозерскій, Н. Справочная книга для коллекціонеровъ памятниковъ старины въ Россіи (преимущественно монетъ). Спб. 1903 г. Ц. 80 к.

Васильевъ, Л. Языкъ „Бѣломорскихъ былинъ". Спб. 1902. 8⁰ 42 стр. („Изв. Отдѣл. р. я. и сл." 1902. VII, 4).

Вишневскій, Д. К. Описаніе рукописныхъ собраній, находящихся въ гор. Смоленскѣ. Вып. I. См. 1902. Ц. 75 к.

Владимірскій-Будановъ, М. Ф. Судебникъ 1589 года. Его значеніе и источники. Кіевъ 1902 г. Ц. 50 к.

Волланъ-де, гр. Въ странѣ восходящаго солнца. Очерки и замѣтки объ Японіи. Спб. 1903.

Врадій, В. Краткій каталогъ этнографической выставки. Пятигорскъ. 1902 г. Ц. 10 к.

Ганъ, К. Ѳ. Путешествіе въ Кахетію и Дагестанъ лѣтомъ 1898 года. Тиф. 1902, стр. съ 49 по 96. („Сборн. матеріал. для опис. м. и пл. К.", XXXI).

Гаффаровъ, Абдулла, Мирза. Образчики персидской письменности съ X вѣка до нашего времени. Ч. I. Проза. М. 1902. 8⁰. Ц. 2 р. 50 к. („Труды по востоковѣдѣнію", вып. 10-й).

Гессе-Вартегъ-фонъ, Эрнестъ Японія и японцы. Жизнь нравы и обычаи современной Японіи. Пер. съ нѣм. Спб. 1902 г. Ц, въ пер. 4 руб. 50 к.

Гессенъ, Ю. И. Евреи въ масонствѣ. Спб. 1903. Ц. 40 к.

Глаголевъ, С. Очерки по исторіи религій. Часть I. Религія древнѣйшихъ культурныхъ народовъ. Св. Троицкая Сергіева Лавра. 1902. Ц. 1 руб. 30 к.

Глейе, Е. О мѣстѣ армянскаго языка среди аріо-европейскихъ языковъ. II. Аріо-европейскіе языки, и въ частности иллирійскіе элементы въ грузинскомъ языкѣ. Тиф. 1902. 8⁰. 20 стр. („Сборн. мат. д. о. м. и пл. Кавк.", XXXI).

Головнина, Ю. Д. На Памирахъ. М. 1902. Ц. 1 р. 50 к.

Горталовъ, Н. К. Отчетъ Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи при Императорскомъ Каз. Университетѣ за 1901 годъ, списокъ изданій Общества и списокъ членовъ Общества. (Изв. О-ва, XVIII, 1, 2 и 3).

Готтенротъ, Ф. Исторія внѣшней культуры. Одежда, домашняя утварь, полевыя и военныя орудія народовъ древнихъ и новыхъ временъ. 210 великолѣпныхъ хромолитографированныхъ картинъ, 80 листовъ описательнаго текста, со многими политипажами. Русскій переводъ. С. Клячко. Два большихъ тома in 4⁰. Ц. 20 руб.

Грушевскій, А. С. Очеркъ исторіи Турово-Пинскаго княжества въ составѣ Литовско-Русскаго государства XIV — XVI в. (съ картами). Кіевъ. 1902. 8⁰. 192 тр. („Унив. Изв.).

Державинъ, Н. Звуковыя особенности говора болгаръ-поселенцевъ Бердянскаго уѣзда, Таврической губерніи. Спб. 1902. 8⁰. 15 стр. (Изъ „Изв. Отд. Р. Я. и Сл.“).

Державинъ Н. Свадьба у гурійцевъ-мусульманъ въ окрестностяхъ Батума. (Оттискъ изъ „XXXI вып. „Сборникъ матеріал. для опис. мѣст. и пл. Кавказа“).

Державинъ, Н. С. „Степенная книга“, какъ литературный памятникъ. Опытъ изслѣдованія литературнаго состава „Степенной книги“ Г. Миллера. Батумъ. 1902. 8⁰. IV+144+IV. Ц. 1 р.

Джаксонъ, проф. Жизнь Зороастра. Религія Зороастра. Пер. А. Л. Погодина. Изд. О. Н. Поповой. (Образ. Библ. Серія V. № 2-й). 1902 г. Стр. 146. Ц. 60 к.

Джанашвили, М. Картвельскій языкъ и славяно-русскій. Точки соприкосновенія между этими языками. Тифл. 1902. 8⁰. 36 стр. („Сборн. матер. д. о. м. и пл. Кавк.“ XXXI).

Древности Приднѣпровья Эпоха славянская (VI—XIII в.). Собраніе Б. И. и В. И. Ханенко. Вып. V. Кіевъ. 1902. Ц. 6 руб.

Дьячковъ-Тарасовъ. Абадзехи (историко-этнографическій очеркъ). Тифл. 1902. (Зап. Кавк. О. И. Р. Г. О кн XXII, вып. 4).

Жидъ, П. Гражданское положеніе женщины съ древнѣйшихъ временъ. Перев. съ франц. подъ ред. и съ предисловіемъ проф. Ю. Гамбарова.

Жуковскій, В. Образцы персидскаго народнаго творчества. Спб. 1902 г. Ц. ~~3. руб.~~

Зеленинъ, Д. Пѣсни деревенской молодежи. (Записаны въ Вятской губерніи). Вятка. 1903. 8⁰. 88 стр. Ц. 50 коп.

Ивановскій, В. Святочные обычаи „ряженье“ и „гаданье“ въ Вощажниковской волости, Ростов. у., Ярослав. губ. М. 1902. Ц. 15 к.

Изъ исторіи русско-шведской борьбы изъ-за Кареліи. II. Къ исторіи управленія Кареліи. Гельсингфорсъ. 1902. Ц. 25 к.

Канадѣевъ, И. Н. Очерки закавказской жизни. Т. I. Спб. 1902 г. Ц. 2 руб.

Каривинъ, Ю. Разсказы о пѣсняхъ и пѣвцахъ. Очерки изъ исторіи литературы. Саратовъ. 1902 г. Ц. 15 к.

Кафарова Палладія, архимандрита. Комментарій на путешествіе Марко Поло по сѣверному Китаю. Съ предисловіемъ Н. И. Веселовскаго. Спб. 1902. Ц. 60 к.

Кіясбековъ, Агаларъ. Свадебные обряды у мусульманъ Нухинскаго уѣзда. Тиф. 1902. 8⁰, стр. со 117 по 182. („Сборн. мат. д. оп. м. и пл. Кавк.“, XXXI).

Клингеръ, В. П. Сказочные мотивы въ исторіи Геродота. Кіевъ. 1902. 8⁰. 109 стр (Унив. Извѣстія“, 1902, 11).

Князьковъ. Какъ начался расколъ русской церкви. Историческій очеркъ. М. 1902. 131 стр. Ц. 35 к.

Крживицкій, Людвигъ. Психическія расы. Опытъ психологіи народовъ. Перев. съ польскаго. Спб. 1902. Ц. 1 руб. 50 к.

Крымскій, А. Исторія мусульманства. Ч. I и II а: а) Мохаммедъ. б) Коранъ и Сонна. в) Система вѣроученія и культъ. г) Исламъ и арабское общество. М, 1903. 8⁰. 166+128 стр. Ц. 2 р. 75 к. („Труды по востоковѣдѣнію“, вып. 12-й.

Крымскій, А. Источники для исторіи Мохаммеда и литература о немъ. I. Отъ Орды до ибнъ-Исхака съ ибнъ-Хишамомъ. М. 1902. 8⁰. Ц. 50 к. („Труды по востоковѣдѣнію“, вып. 13-й, стр. съ 89 по 144).

Кузнецовъ, В. К Кустарные промыслы крестьянъ Каргопольскаго уѣзда, Олонецкой губерніи. Вып. I. Профессіональныя таблицы и описаніе отдѣльныхъ промысловъ. П. 1902. Ц. 2 р. (Статист. бюро О. Г. Земства).

Куликовскій, Г. И. Указатель къ „Этнографическому Обозрѣнію": кн .I—XV, 1889—1892 г. (при книгѣ XVIII-ой „Этн. Об.". Ц. 1 р. 50 к.) 8⁰. 51 стр.;кн. XVI—XXXI, 1893—1896 г. (отдѣльной брошюрой, ц. 75 коп.), 8⁰. 67 стр.; кн. XXXII—LI, 1897—1901 гг. (при книгѣ LV-ой. Ц 1 р. 50 к.; отдѣльно 50 к.), 8⁰. 53 стр.

Левицкій, Ор. Очерки народной жизни въ Малороссіи во второй половинѣ XVII ст. Кіевъ. 1902 г. Ц 2 руб.

Лемке, М. К. Указатель статей въ 27 русскихъ періодическихъ изданіяхъ второй половины XIX столѣтія. (12 отдѣловъ: религія, философія, соціологія, исторія литературы, искусство, географія и этнографія и др.). Печатается.

Лесевичъ, В. **В.** Буддійскія легенды. Одесса. 1902 г. Ц. 25 к.

Липскій, В. И. Горная Бухара. Результаты 3-хъ лѣтнихъ путешествій въ Среднюю Азію въ 1896, 1897 и 1899 год. Часть I. Гиссарская экспедиція 1896 г. Спб. 1902 г. Ц. 3 руб.

Лопатинскій, Л. Суффиксы русскаго языка. Вліяніе кавказскихъ языковъ на ихъ образованіе. Тифл. 1902. 8⁰. стр. съ 37 по 51. („Сборн. мат. д. о. м. и пл. Кавк.", XXXI).

Лѣтопись Великоустюжская XIII—XX в. М. 1903. 8⁰. IX+81. (К. Н. Брагинъ издалъ эту лѣтопись, дополнивъ ее событіями XVIII—XX в.).

Маевскій, И. А. инж. Условія орошенія, хозяйства и колонизаціи на Мугани и на Куроараксной равнинѣ вообще. („Извѣстія Кавк. Отд. И. Р. Г. О." 1902. № 2.).

Маевскій, И. А. Городища и курганы Куроараксной равнины. (Тамъ же).

Маллицкій, Н. Г. Мусульманскій сонникъ. Казань. 1902. 8⁰. 36 стр.

Маловъ, Е. А. Древнія грамоты и разные документы (матеріалы для исторіи Казанской Епархіи). Каз. 1902. 8⁰. 54 стр. (И. О. И. А. и Э., XVIII, 1, 2 и 3).

Миллеръ, Вс. (переводъ и примѣчанія). Дигорскія сказанія по записямъ дигорцевъ И. Т. Собіева, К. С. Гарданова и С. А. Туккаева. М. 1902. 8⁰. Ц. 1 р. („Труды по востоковѣдѣнію", вып. 11-й).

Мтавріевъ, Ѳ. Простонародная свадьба въ Кахетіи. Тифл. 1902. 8⁰. Стр. съ 149 по 160. („Сборн. мат. для оп. м. и п. Кавк.", XXXI).

Невзоровъ, А. С. Изъ быта села Птичьяго, Челябинскаго уѣзда, Оренбург. губ. Юрьевъ. 1902.

Нельдеке, Т. (въ обработкѣ *А. Крымскаго*). Семитскіе языки и народы. I. О семитскихъ языкахъ вообще. II. Языки еврейскій и арамейскій. М. 1903. Ц. 1 р. 50 к. („Труды по востоковѣдѣнію", вып. 5).

Ннжерадзе, И. Сванетскіе тексты. (Образцы народной поэзіи въ подлинникѣ и въ переводѣ). Тифл. 1902. 8⁰. 110 стр. („Сборн. Матер. д. о. м. и пл. Кавк.", XXXI).

Никольскій, Н. Ближайшія задачи изученія древне-русской письменности. Спб. 1902. Памятники древней письменности и искусства, вып. 247).

Отчеты о дѣятельности Западно-Сибирскаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества за 1898, 1899, 1900 и 1901 гг. Омскъ. 1902.

Паркеръ, К. Л. Австралійскія легенды. Сказки нунгабурровъ, разсказываемыя ихъ дѣтямъ. Съ илл., сдѣланными туземнымъ художникомъ. Пер. С. Русовой Изд. В. И. Яковенко. Стр. 122. Ц. 60 к.

Первовъ, П. Д. Жители крайняго сѣвера. Эскимосы. М. 1903. 8⁰. 43 стр. Ц. 15 коп.

Первое столѣтіе Иркутска. Сборникъ матеріаловъ для исторіи города съ „Введеніемъ" и заключительной статьей П. М. Головачева. „Составъ населенія и экономическій бытъ Иркутска до 40-хъ годовъ XVIII в.", съ приложеніемъ 4 видовъ и 3 плановъ стариннаго Иркутска. Въ память 50-лѣтія Иркутска. Спб. 1902. Ц. 2 руб.

Переферковичъ, Н. Талмудъ. Прибавл. къ IV тому. Спб. 1903. Ц. 1 р.

Погодинъ, А. Къ вопросу о вліяніи индо-европейскихъ языковъ на кавказскіе. Тифл. 1902. 8⁰. стр. съ 52 по 56. („Сборн. матер. д. о. м. и пл. Кавк.", XXXI).

Погодинъ, А. Къ вопросу о геродотовскихъ неврахъ. Спб. 1903. 8⁰. со стр. 346 по 353. (Изв. Отд. р. я. и сл.", VII. 4).

Покровскій, И. М. Къ исторіи Казанскихъ монастырей до 1764 года. Приложеніе: Описаніе 29 мужскихъ и 12 женскихъ монастырей. Каз. 1902. 8⁰. 80+XXV стр. (И. О. И., А. и Э. при Имп. Каз. Ун., XVIII, 1, 2 и 3).

Попруженко, М. Г. Матеріалы для исторіи славянскихъ колоній въ Россіи. Одесса. 1902. 40 стр.

Рожковъ, Н А. Городъ и деревня въ русской исторіи. Краткій очеркъ экономической исторіи Россіи. Спб. 1902. Ц. 40 коп.

Романовскій, В. Е. Очерки изъ исторіи Грузіи. (Приложеніе: Развитіе учебнаго дѣла на Кавказѣ и въ бывшемъ царствѣ грузинскомъ въ XIX вѣкѣ). Тифлисъ. 1902. 8⁰. II+461+69 стр.

Россіевъ, П. Сѣверная Русь. Очерки и картинки. Съ 16-ю рисунк. М. 1903. 16⁰. 144 стр. Ц. 20 к.

Салингена-ванъ Симона. Русскіе въ Лапландіи въ XVI в. Донесеніе 1591 г. Пер. съ нѣм. Спб. 1901. Ц. 25 к.

Сборникъ старинныхъ бумагъ, хранящихся въ Музеѣ П. И. Щукина. Вып. 10-й. М. 1902. 4⁰. 521 стр.

Свѣдѣнія арабскихъ писателей о Кавказѣ, Арменіи и Адербейджанѣ. II. Ибн-ал-Факих. (Писанъ около 903 г. по Р. Х.). Переводъ и примѣчанія Н. А. Караулова. Тифл. 1902. 8⁰. 57 стр. („Сборникъ матеріаловъ для опис. мѣст. и плем. Кавказа", XXXI).

Случевскій, К. Нѣсколько картинокъ культуръ и искусствъ разныхъ народовъ. Спб. 1902.

Сумцовъ, Н. Ѳ., проф. Очерки народнаго быта. Изъ этнографической экскурсіи 1901 г. по Ахтырскому уѣзду Харьковской губ. Харьковъ 1902.

Токайшвили, Е. С. Описаніе рукописей библіотеки Общества распространенія грамотности среди грузинскаго населенія. Тифл. 1902. 202 стр. („Сборникъ матер. д. о. м. и п. Кавк.", XXXI).

Труды Общества изслѣдователей Волыни. Т. I. II литограф. Житомир. 1902. 8⁰. 83+173 стр.

Тураевъ, Б. Изслѣдованія въ области агіологическихъ источниковъ исторіи Эѳіопіи. Спб. 1902. Ц. 2 р.

Улановъ, Н. Буддійско-Ламайское духовенство донскихъ Калмыковъ, его современное положеніе. Спб. 1902. Ц. 20 к.

Указатель къ XXI—XXX выпускамъ „Сборника матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа" 1896—1902. Тифл. 1902. 8⁰. 60 стр.

Харламповичъ, К. В. Къ вопросу о просвѣщеніи на Руси въ домонгольскій періодъ. Львовъ. 1902. 24 стр.

Харузинъ, Ал. Крестьянинъ Австрійской Крайны и его постройки. Спб. 1902. Ц. 3 руб.

Харузинъ, Николай. Этнографія. Лекціи, читанныя въ Имп. Моск. Университетѣ. Изданіе посмертное. Подъ редакціей *Вѣры Харузиной*. Вып. II. Семья и родъ. Спб. 1903. 8⁰. 340 стр. Ц. 2 р. Печатаются: вып. III. Собственность и первобытное государство, вып. IV. Вѣрованія. (Все изданіе, четыре выпуска. по подпискѣ 5 руб., въ продажѣ 7 руб.).

Хахановъ, А. (издалъ). Балѣваръ и Іодасафъ. Груз. текстъ по рукописи XI—XII вв., съ переводомъ и предисловіемъ. М. 1902. 8⁰. Ц. 60 к. („Труды по востоковѣдѣнію", вып. 9-й).

Энгельмейеръ, А. По русскому и скандинавскому сѣверу. М. 1902. Ц. 1 р. („Описыв.: Норвегія, Швеція, Данія, Вологда, Архангельскъ, Соловки и пр.).

Эструпъ, І. (переводъ. *Т. Ланге*). Изслѣдованія по исторіи 1001 ночи („Труды по востоковѣдѣнію", вып. 8-й, печатается).

Юмъ, Давидъ. Изслѣдованія человѣческаго разумѣнія. 1902. Ц. 1 р.

Яворскій, Ю. А. Изъ этнографической тетрадки 1830-хъ годъ. Львовъ 1902. 15 стр. (Колядки и щедровки въ записяхъ I. Левицкаго).

Яковенко, В. Австралійскія легенды. Спб. 1903. Ц. 60 к.

Ясевичъ-Бородаевская, В. И. Сектантство въ Кіевской губ. Баптисты и Малевановцы. Спб. 1902.

Baumgartner, A. Jisland u. die Färöer. Freiburg i. B. 1902.

Benndorf, P. Die sächsische Volkskunde als Lehrstoff in der Volksschule. Leipzig, Brandstetter. 1902.

Bérard, V. Les Phéniciens et l'Odyssée. I. Paris, Colin, 1902.

Boeck, K. Durch Indien ins verschlossene Land Nepal. Ethnographische u. photographische Studien. Leipzig, Hirt, 1903.

Bücher, Karl, d-r. Arbeit und Rhytmus Leipzig. 1902.

Bugiel, V., d-r. Mickiewiez et la littérature populaire". Paris. 1902.

Bugiel, V. La demonologie du peuple polonais. („Annales du Musée Guimet". P. 1902).

Cannstatt, O. Kritisches Repertorium der deutsch-brasilianischen Litteratur. Berlin, Reimer, 1902.

Congrès international des traditions populaires de 1900. Paris, Leroux, Maisonneuve, 1902.

Driesmanns, H. Rasse u. Milieu. Berlin, Räde. 1902.

Fischberg, M. The comparative pathology of the Jews. („N. Y. Med. Journ.", 1901. March-April.").

Fityner, R. Anatolien. Wirtschaftsgeographie. B. Paetel, 1902.

Гнатюк, Володимир. Угроруськи духовни вірші. У Львові. 1902. 272 стр. 2. 50 кор.

Hagen, K. Museum fur Völkerkunde zu Hamburg. Bericht für das Jahr 1901. Hamburg, 1902.

Helmolt, H. Weltgeschichte. B. II Ostasien u. Oceanien. Der Indische Ocean. Leipz. Bibl. In. 1902.

Hiller, H. a. Furness, W. Notes of a trip to the Veddahs of Ceylon. Philadelphia, 1902. Spou.

Hobley, C. Eastern Uganda an ethnological survey. London, Austr. Inst. 1902.

Jacob, G. Oestliche Kulturelemente im Abendlande. Berlin. Mayer u. Müller, 1902. Брош.

Iankowsky, R. Das Samland u. seine Bevölkerung. Königsberg, 1902.

Judt, J. M. d-r. Żydzi jako rasa fizyczna. Analiza z dziedziny antropologii. Z 24 rysunkami, mapą i tablicami w tekscie. Warszawa. 1902.

Keller, C. Die Abstammung der ältesten Haustiere. Zürich Amberger, 1902.

Knorty, K. Streifzüge auf d. Gebiete amerikanischer Volkskunde. Leipzig. Wartig (Hoppe), 1902.

Lampert, D-r. K. Die Völker der Erde. Eine Schilderung der Lebensweise, der Sitten, Gebräuche, Feste und Zeremonien aller lebenden Völker. Band I. 8⁰. 384 S.

Leger, Louis. La mythologie slave. Paris. 1901.

Lejeal, L. Les antiquités mexicaines. Bibl. de Bibliographies critiques. Paris, Picard, 1902.

Lynch, H. F. B. Armenia Travels and Studies. In two volumes. London. 1901.

Majewski, Erazm. Pochodzenie maku (papaver somniferum L.) i jego nazwisk. Родина мака. Доисторическое и современное его существованіе. Названія мака съ точки зрѣнія лингвистической, доисторической и этнологической. Словарь для слова макъ у разныхъ народовъ. („Wisła", 1903, 1).

Milewska, Jadwiga. Sposoby zabawiania dzieci i ich zabawy w Ciechanowskiem. („Wisła", 1903, 1.).

Nedderich, W. Wirtschaftsgeographische Verhältnisse, Ansiedelungen u

Bevölkerungsverteilung im ostfälischen Hügel-u. Tieflande. Stuttg. Engelhorn, 1902.

Neufeld, C. Illustrierter Führer durch Bosnien u. die Herzegowina. Wien, Hartleben, 1903.

Nikolay, F. Histoire des croyances, superstitions, moeurs et usages. 3 vn. Paris, Retaux.

Paasonen, H. Ueber die türkischen Lehnwörter im Ostjakischen. („Finnisch-Ugrische Forschungen". 1902. B. II, H. II).

Pedersen, H. Durch den Indischen Archipel. Prachtwerk. Stuttgart. 1902 (?).

Peters, C. Im Goldland des Altertums. Forschungen zwischen Sambesi u. Sabi. München, Lehmann, 1902.

Quigstad, J. Einige nordische Lehnwörter im Lappischen. („Finn.-Ugr. Forsch." 1902. II, II).

Richard, Gaston. L'idée de l'Evolution dans la Nature et l'Histoire.

Rumpelt, A. Sizilien u. die Sizilianer. Berlin. 1902.

Ruppien, Arthur. Die socialen Verhältnisse der Juden in Preussen und Deutschland. Statistisch dargestellt. (Русс. перев. см. въ кн. „Восхода", IV и IX).

Saint-Clair, G. Myths of Greece explained a. dated. London, Williams a. Norgate, 1902.

Saxen, Ralf. Прошлое шведской пародности въ Финляндіи въ свѣтѣ топографическихъ названій. (на шведскомъ яз.) (Труды Финск. Археол. О-ва. 1901. т. XXI).

Schany, M. Westafrika. B. Süsserott, 1903.

Schrader, Otto. Reallexicon der indogermanischen Altertumskunde. Grundzüge einer Kultur-und Völkergeschichte Alteuropas. Strassburg. 1901. 8⁰. XI+1048 S.

Schück, A. Die Stabkarten d. Marschall Insulaner. Hamburg. 1902.

Schulze, F. Balthasar Springers Indienfahrt 1505—1506. Wissenschaftliche Würdigung der Berichte Springers. Strassburg. Heitz, 1902.

Seidel, A. Systematisches Wörterbuch d. nordchinesischen Umgangssprache. Oldenburg u. Leipzig. Schworts. Года нѣтъ.

Seler, Ed. Codex Vaticanus № 3773 (Cod. Vatic. B). Berlin, MDCCCC II. (Древняя мексиканская рукопись).

Seler, E. Gesammelte Abhandlungen z. amerikanischen Sprach-u. Alterthumskunde. Berlin, Aster, 1902.

Setälä, E. N. Zur etymologie von Sampo. („Finn.-Ugr. Forsch". 1902, II, II).

Sievers, W. u. Kükenthal, W. Australien, Oceanien u. Polarländer. (Allgemeine Länderkunde) Lpz. Bibl. Inst. 1902.

Starr, Fr. Notes upon the Ethnography of Southern Mexico. Davenport, 1902.

Starr, Fr. The Physical Characters of the Indians of Southern Mexico. Chicago, 1902.

Stockvis, A. Führer durch Ostfriesland. Emden, Schwalbe.

Stratz, C. H Die Körperformen in Kunst u. Leben der Japaner. Stuttgart, Enke, 1902.

The White World. Life a. adventures within the arctic circle portrayed by famous living explorers. Collect. a. arrang. by R. Kersting. New-Jork. 1902. (Статьи Middleton Smith, Dr. Bean u Dr. Rob. Stein объ эскимосахъ).

Thilenius, G. Ethnographische Ergebnisse aus Melanesien. Th. 1. Holle t. d. S. 1902.

Thomson, B. Savage Island. An account of a sejourn in Niué a. Tonga. London, Murray 1902.

Wettstein, E. Zur Anthropologie u. Ethnographie des Kreises Disentis (Graubünden) Zürich, 1902.

Wilutzky, P. Vorgeschichte des Rechts. 1 Th. Die Eheverfassungen. Breslau, Trewendt, 1903.

Цвиjитичь, J. д-р. Насеља српских земаља. Расправе и грађа. Книга I. Београд. 1902. 8⁰. CCXXXVI+497 стр. Ц. 5 динар.

ХРОНИКА.

Этнографія Орловской губерніи обѣщаетъ быть весьма интересной и подробно-обставленной на предстоящей лѣтомъ нынѣшняго года областной сельско-хозяйственной выставкѣ. Какъ сообщаютъ «Русскія Вѣдомости», комиссія, организующая этнографическій отдѣлъ этой выставки, обратилась ко всѣмъ лицамъ, сочувствующимъ дѣлу, съ просьбой помочь ей въ собираньи матеріала по довольно обширной программѣ, а именно:

Собраніе мѣстныхъ этнографическихъ изслѣдованій, картъ и т. п.; изображенія и планы селеній отдѣльныхъ дворовъ, построекъ и ихъ частей; модели типичнаго положенія поселенія и его отношеніе къ рѣкѣ. Модели и изображенія повозокъ, саней, лодокъ, орудій труда, промысловыхъ инструментовъ, разныхъ производствъ съ описаніемъ производствъ и связанныхъ съ ними обычаевъ и повѣрій. Народная механика, приспособленія для работъ, взвѣшиванія и т. п. Народная медицина и ветеринарія; лѣчебныя средства. Пища; ея мѣстныя особенности. Наиболѣе характерные предметы домашней обстановки крестьянина: одежда, особенно женская (украшенія, гребни, серьги, кольца и т. п.); обувь, платки, ковры, скатерти и другія издѣлія изъ шерсти, золота и т. п.; домашняя утварь; праздничные предметы; игрушки. Предметы кустарнаго производства, а также орудія и приспособленія для ихъ выработки. Особенности мѣстнаго нарѣчія; тексты и напѣвы народныхъ пѣсенъ; обычаи, сказки, сказанія, легенды. Фотографическіе снимки какъ съ разныхъ вышеуказанныхъ предметовъ, такъ и съ самого населенія въ разные моменты его жизни: работы, свадебъ, хороводовъ и т. п. Предметы просятъ доставить до 1-го іюля, рукописи— до 15-го іюля въ Орелъ, д. Богословскаго, вице-предсѣдателю комиссіи кн. К. В. Кекаутову.

Работы по организаціи этнографическаго отдѣла при Русскомъ Музеѣ Императора Александра III, начавшіяся еще съ января 1902 года, значительно подвигаются. Отдѣлъ будетъ помѣщаться въ обширномъ, спеціально строющемся зданіи на принадлежащей Русскому Музею землѣ, съ фасадомъ, обращеннымъ къ Садовой улицѣ, противъ Инженернаго замка, Въ кругъ вѣдѣнія Этнографическаго Отдѣла Музея входитъ этнографія всѣхъ племенъ и народовъ, населяющихъ Россійскую Имперію, а также странъ, входящихъ вообще въ сферу культурнополитическаго вліянія Россіи, славянъ въ особенности. Организуемый отдѣлъ уже имѣетъ въ своемъ распоряженіи богатыя коллекціи предметовъ культа (буддійская коллекція кн. Э. Э. Ухтомскаго), матеріальнаго быта, костюмовъ, укра-

шеній, утвари, моделей, частью пріобрѣтенныя путемъ покупки, частью принесенныя въ даръ, частью же доставленныя коллекторами Музея. Обязанности коллекторовъ для будущаго Музея приняли на себя, между прочимъ: Е. Р. Романовъ (восточная Бѣлоруссія), И. Н. Смирновъ (чуваши, черемисы, мордва), Е. Э. Линева и др. Въ теченіе минувшаго лѣта хранители-этнографы Музея совершили экскурсіи, съ цѣлью пріобрѣтенія коллекцій и отысканія мѣстныхъ коллекторовъ въ предѣлахъ Новгородской, Псковской, Минской, Виленской и въ центральныхъ губерніяхъ.

При Отдѣлѣ устраивается этнографическая библіотека, которая будетъ открыта для широкаго пользованія всѣхъ лицъ, интересующихся этнографіей. Предполагается также печатать свои изданія, которыми Музей имѣетъ въ виду обмѣниваться съ учрежденіями и лицами, жертвующими въ библіотеку научные труды.

XIII археологическій съѣздъ въ Екатеринославѣ состоится въ 1905 году съ 15-го по 27-е августа. Программа съѣзда приблизительно та же, что и на харьковскомъ (XII-омъ). Предполагается устроить археологическую и этнографическую выставку и организовать экскуріи для ознакомленія съ древностями края. Депутатъ харьковскаго университета Д. И. Багалѣй на засѣданіи предварительного комитета выразилъ мнѣніе, что при опредѣленіи работъ предстоящаго съѣзда необходимо имѣть въ виду: 1) продолженіе работъ предшествовавшаго харьковскаго съѣзда, 2) спеціальныя задачи екатеринославскаго съѣзда. Къ прежнему району Слободской и Лѣвобережной Украйны слѣдуетъ прибавить Екатеринославскую и Херсонскую губерніи, въ частности—продолжить нѣкоторыя раскопки въ Харьковской губерніи (въ Салтавѣ), по рѣкѣ Донцу и проч. и произвести изслѣдованія по Днѣпру, Орели, Кальміусу, сѣверному побережью Азовскаго моря, составить археологическую карту Екатеринославской губерніи, собрать свѣдѣнія о каменныхъ бабахъ въ этой, Херсонской, и Таврической губ. и Донской области, озаботиться собираніемъ памятниковъ запорожской старины, сдѣлать обзоры документовъ, находящихся въ различныхъ архивахъ и касающихся Запорожья и Новороссійскаго края, собрать коллекціи старинныхъ картъ района и составить карту заселенія Новороссіи въ XVII—XVIII ст., наконецъ, собрать памятники мѣстной церковной старины. Другими было предложено обратить вниманіе на изысканія «печенѣжскихъ» кургановъ и «готскихъ» могилъ, высказана желательность: отысканія слѣдовъ культурнаго вліянія италіанскихъ факторій, бывшихъ въ южной Россіи въ XIV вѣкѣ, этнографическія наблюденія въ типѣ и культурѣ населенія, опредѣленіе юго-восточной границы до-монгольской Руси XIII вѣка, выясненіе типовъ погребенія печенѣговъ, торковъ, половцевъ и татаръ XIV в. (для послѣдняго вопроса желательно привлеченіе мадьярскихъ археологовъ). Въ различныхъ городахъ работаютъ предварительные комитеты во главѣ съ московскимъ.

(„Рус. Вѣд.“).

Музей имени А. Н. Поля въ Екатеринославѣ, по принятому проекту устава, преслѣдуетъ слѣдующія цѣли: музей есть образовательное учрежденіе, содержитъ коллекціи и библіотеку, имѣетъ отдѣлы историческій (съ подраздѣленіями), археологическій, нумизматическій, промышленный и др., естественно-историческій (съ подраздѣленіями: этнографическій, и др.); въ залѣ музея собираются засѣданія научнаго общества, а равно и обществъ, преслѣдующихъ близкія этому обществу цѣли въ смыслѣ изученія края.

(„Придньпр. Край“).

Украйновѣдѣніе въ Кіевской городской публичной библіотекѣ явилось значительнымъ отдѣломъ, благодаря пожертвованію покойнаго историка А. М. Лазаревскаго, завѣщавшаго библіотекѣ всѣ свои книги, имѣющія надпись на корешкахъ—«украинскія» или «малорусскія», малороссійскіе сборники, коихъ насчитывается свыше 180 томовъ; кромѣ того—5 сборниковъ картъ, наклеенныхъ на бумагѣ, подъ общимъ заглавіемъ: «Живописная Украйна», рукопись съ картинами Деля Флизя, заключающая въ себѣ описаніе Кіевской губерніи, и мѣстныя «Губернскія Вѣдомости». *(„Спб. Вѣд.“ и „Кіев. Сл.“).*

Ученыя работы И. Е. Забѣлина сосредоточены сейчасъ на трехъ темахъ : 1) обработкѣ 2-ой части сочиненія «Бытъ русскихъ царей и царицъ» (между прочимъ царская одежда); 2) второй томъ «Исторіи г. Москвы» 3) продолженіе своей «Исторіи русской жизни». Маститому историку сейчасъ 83 года. *(„Рус. Вѣд.“)*

«Возникновеніе одежды» Подъ такимъ заглавіемъ выпущена Б. Ѳ. Адлеромъ брошюра (84 стр., 48 рис.), въ которой популярно разсмотрѣнъ вопросъ объ эволюціи первобытнаго костюма, причемъ описывается окрашиваніе тѣла, татуировка, уродованіе частей тѣла, украшенія, матеріалъ для одежды, варіація ея формъ въ различныхъ странахъ и т. д.

(„Рус. Вѣд.“).

«Русская свадьба въ XVI вѣкѣ» пьеса П. П. Сухонина впервые была поставлена на сценѣ 50 лѣтъ назадъ. Заключая въ себѣ хотя и нѣсколько сочиненную бытовую обстановку, «Русская свадьба» гораздо обстоятельнѣе извѣстныхъ «малороссійскихъ драмъ» (тоже сочиненныхъ) воспроизводитъ обрядовую сторону и народныя пѣсни. Къ тому же, какъ теперь выясняется, цензура, по самымъ курьезнымъ и наивнымъ поводамъ, производила съ пьесой разныя урѣзки, измѣненія и проч.; не мало портили ее и исполнители-артисты, отказываясь, напр., исполнять причитаніе невѣсты по незнакомству съ тоническимъ стихомъ.

(„Нов. Врем.“ 9385).

Жизнеописанія молодыхъ солдатъ, т. е. описанія ихъ жизни до вступленія ихъ въ части войскъ, составляются съ прошлаго года въ

войскахъ харьковскаго гарнизона: каждый новобранецъ на 3-й, 4-й день по прибытіи въ полкъ долженъ дать такое описаніе, пока еще находится подъ живымъ впечатлѣніемъ деревни. Грамотные пишутъ сами; неграмотные диктуютъ. Эти жизнеописанія хранятся въ ротѣ во все время службы солдата. Было бы полезно, чтобы они, какъ интересный этнографическій матеріалъ, по окончаніи службы передавались въ какое-нибудь ученое учрежденіе или архивъ. *(„Спб. Вѣд.“ и „Южн. Кр.“).*

Для борьбы съ расколомъ сталъ выходить новый миссіонерскій журналъ «Православный Путеводитель». Журналъ рѣшилъ стоять на научныхъ принципахъ, такъ какъ и расколъ «прилагаетъ старанія, чтобы научно обосновать свое внѣцерковное положеніе». *(„Уралецъ“).*

Этнографія и географія разныхъ странъ стараго и новаго свѣта составитъ содержаніе иллюстрированной географической библіотеки, которую предпринимаетъ книгоиздательство Н. П. Гершунина и К°. Вышедшія въ свѣтъ изданія для библіотеки составлены Н. Рубакинымъ.

(„Міръ Божій“).

Открытіе Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества стоитъ на очереди, и вопросъ этотъ, по предложенію Г. Н. Потанина и В. А. Обручева, въ настоящее время разсматривается.

(„Вост. Обозр.“).

Награды за труды по этнографіи въ Императорскомъ Русскомъ Географическомъ Обществѣ за 1902-ой годъ были присуждены слѣдующія: Большая золотая медаль отдѣленія этнографіи—одна проф. В. А. Жуковскому за сочиненіе «Образцы персидскаго народнаго творчества, пѣсни пѣвцовъ, музыкантовъ, пѣсни свадебныя, пѣсни колыбельныя, загадки, образцы разнаго содержанія»; другая—В. Н. Перетцу за труды въ области русской этнографіи. Малая серебряная медаль: А. Н. Чеснокову за труды по собиранію этнографическаго матеріала въ Орловской губ., В. Н. Останчеку за присланный имъ сборникъ малорусскихъ народныхъ пѣсенъ, записанныхъ въ Люблинской и Сѣдлецкой губерніяхъ, В. М. Яневичу за рукопись «Русскіе дикари».

Всеславянская художественно-промышленная выставка организуется Славянскимъ Обществомъ при участіи Общества содѣйствія торговлѣ и промышленности. Въ программу выставки входятъ, между прочимъ, современный бытъ, племенныя особенности и хозяйственное положеніе всѣхъ славянскихъ народностей; выставка будетъ имѣть громадные размѣры, одна Чехія займетъ до 5 десятинъ (раньше намѣчался для выставки Таврическій дворецъ). Всѣ славянскія земли принимаютъ живѣйшее участіе.

Игры, игрушки, эстетика игръ явились въ послѣднее время темой нѣсколькихъ цѣнныхъ работъ, разсматривающихъ предметъ съ историко-этнографической точки зрѣнія. M. Henry d'Allemagne какъ сообщаетъ «Міръ Божій» выпустилъ «Исторію игрушекъ» (Histoire de Jouets)—здѣсь устанавливается связь между тѣми видами промышленности, которые имѣютъ отношеніе къ изготовленію игрушекъ, и общею исторіею нравовъ и политики. Gaston Vuillier въ своихъ «Plaisirs et jeux depuis les origines» («Удовольствія и игры съ древнѣйшихъ временъ») представляетъ историческій очеркъ человѣческой жизни, выражающейся въ играхъ и удовольствіяхъ со временъ глубокой древности. (Есть иллюстраціи). Наконецъ проф. karl Gross, авторъ книгъ «Игры животныхъ» и «Игры людей», въ книгѣ «Эстетическое наслажденіе» («Der ästhetische Genuss») изслѣдуетъ природу эстетическаго наслажденія и сравниваетъ его съ игрой. Врожденные инстинкты побуждаютъ къ дѣятельности; вызывается упражненіе функцій, поддерживающихъ жизнь; испытывается радость жизни, наслажденіе. Настоящее эстетическое наслажденіе возможно только при взаимодѣйствіи чувственныхъ и духовныхъ факторовъ. Въ «North Queensland Ethnography Bulletin», № 4 (за 1902 г.) появилась интересная статья Walter E. Roth'a объ играхъ туземцевъ Нов. Квинсленда. Авторъ замѣтки объ этой статьѣ въ Globus'ѣ Thilenius справедливо указываетъ, что до сихъ поръ играмъ и удовольствіямъ отдѣльныхъ племенъ и народовъ этнографы удѣляли сравнительно мало вниманія, несмотря на важность ихъ, какъ матеріала для нѣкоторыхъ выводовъ этнографіи. Среди описанныхъ Roth'омъ игръ интересъ представляютъ игры съ завязанной веревочкой, изъ разнообразныхъ сплетеній которой, не спуская ея съ рукъ, стараются получить различныя фигуры—въ Австраліи, напримѣръ, птицъ сидящихъ, летящихъ и т. д. (у насъ дѣти изображаютъ зеркало, ножницы и др.). Тиленіусъ указываетъ на возможность извѣстнаго взаимодѣйствія этой игры съ орнаментикой: и тутъ и тамъ фигуры получаются конечно приблизительныя, представляющія лишь намекъ на желательную фигуру. Интересна библіографическая замѣтка Тиленіуса по литературѣ объ игрѣ съ завязанной веревочкой, наиболѣе распространенной, по мнѣнію Андрэ, у народовъ малайской расы и полинезійцевъ. Andree, R. Ethnogr. Parallelen, Neue Folge, 1889.—Codrington, The Malanesians, 1891.—Boas въ Mitth. d. Anthrop. Ges. in Wien, 1888.—Ehrenreich, Veröffentl. d. Mus. f. Völkerkunde in Berlin, II, 1891.

Нѣкоторыя детальныя изслѣдованія по матеріальной культурѣ. Иностраннымъ работникамъ на обширной нивѣ этнографическихъ изысканій нельзя не отдать полной справедливости. Наряду съ крупными изслѣдователями широкихъ вопросовъ науки этнографіи, дарящихъ этнографическую литературу цѣнными вкладами, новыми теоріями, рядъ болѣе или менѣе скромныхъ тружениковъ той же науки посвящаетъ свои силы детальной разработкѣ кажущихся иногда на первый взглядъ весьма мелкими вопросовъ. Но общія усилія въ изысканіяхъ во всѣхъ

областяхъ жизни матеріальной и духовной большихъ и меньшихъ народныхъ и племенныхъ группъ даютъ возможность дѣлать болѣе широкія обобщенія, ставить новыя положенія и выводы. Нельзя поэтому не цѣнить разработку всевозможныхъ мелочей этнографіи и не пожелать, чтобы и въ Россіи предпринимались подобныя работы. Именно мелочи особенно въ матеріальной культурѣ народа часто ускользаютъ отъ вниманія и къ сожалѣнію иногда исчезаютъ безслѣдно, становясь и въ будущемъ недоступными для научнаго изслѣдованія. Въ № 20 B. LXXXII Globus'а за 1902 г. проф. Schuchardt изъ Граца помѣстилъ шесть рисунковъ различныхъ способовъ связыванія веревокъ при плетеніи рыболовныхъ сѣтей. Почтенный профессоръ сдѣлалъ предметомъ своего изслѣдованія вопросъ о разныхъ типахъ узловъ на сѣтяхъ у разныхъ народовъ. Онъ обращается къ читателямъ Globus'а съ просьбой о посильномъ содѣйствіи его труду присылкой матеріала: описаній, рисунковъ, образцовъ различнаго рода плетеній по адресу: Graz, Prof. H. Schuchardt.— Другой нѣмецкій этнографъ K. Hörmann изъ Нюренберга занялся изслѣдованіемъ типовъ особаго рода прибора, т. н. Schellenbogen, Kanfen, Kamfen и др.—дуги для ношенія колокольцевъ, надѣваемой на шею скоту. Эти дуги изготовляются и орнаментируются обыкновенно самими пастухами. Тщательное собираніе матеріала дало ему возможность составить монографію: Der Schellenbogen. Eine Monographie der Hirtengeräthe des Fränkischen Juras u. anderen Gegenden. Съ нѣкоторыми изъ своихъ выводовъ онъ знакомитъ читателей Globus'а (B. LXXXIII, № 1, 1903). Гёрманъ прослѣдилъ различные типы Schellenbogen, который обыкновенно состоитъ изъ деревянной изогнутой плоской дуги, оба конца которой связаны ремнями подъ шеей; колокольцы привязываются къ этимъ ремнямъ. Орнаментъ дугъ, вырѣзанный ножомъ или написанный красками, мѣнялся и мѣняется сообразно мѣстностямъ, времени и модѣ. Гёрманъ изучилъ орнаментъ этихъ дугъ. Въ немъ, съ одной стороны, часто встрѣчается стилизованное изображеніе тюльпана (вошедшее въ моду въ Германіи къ XVII ст. вмѣстѣ съ распространеніемъ самаго цвѣтка изъ Голландіи) и андреевскій крестъ (Гёрманъ приписываетъ ему чисто нѣмецкое происхожденіе), съ другой—кругъ съ разнообразными фигурами внутри его — чисто славянскій орнаментъ. Изучивъ области распространенія этихъ орнаментовъ, причемъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ случается видѣть на извѣстныхъ частяхъ дуги орнаментъ германскій, на другихъ частяхъ—славянскій, Гёрманъ выводитъ остроумное заключеніе о взаимодѣйствіи германскихъ и славянскихъ элементовъ въ нѣкоторыхъ частяхъ Германіи. Интересны также указанія Гёрмана на большую древность подобныхъ приборовъ для ношенія колокольцевъ и на два главныхъ типа ихъ. Гёрманъ обѣщаетъ въ ближайшемъ будущемъ представить статью о разныхъ типахъ пастушескихъ колокольцевъ.

Энгарманіумъ Аппуна демонстрировался въ засѣданіи Этнографическаго Отдѣла И. О. Л. Е., А. и Э. и его Музыкально-Этнографичес-

кой Комиссіи 9 ноября 1902 г. г. Самойловымъ. Этотъ «инструментъ съ нормальнымъ строемъ» былъ спеціально сдѣланъ для московскихъ клиникъ и, по мнѣнію докладчика, можетъ служить для музыкально-этнографическихъ цѣлей. Энгармоніумъ имѣетъ четыре клавіатуры, построенныхъ каждая по пиѳагоровской системѣ (по чистымъ квинтамъ); въ каждой клавіатурѣ свой исходный пунктъ. Благодаря этому, народныя мелодіи съ большей или меньшей точностью могутъ быть воспроизведены на Энгармоніумѣ въ ихъ нормальномъ видѣ. Однако бѣглая игра, вслѣдствіе сложности звукорядовъ, весьма затруднительна.

[illegible]уды финскихъ изслѣдователей. Finnisch Ugrische Forschungen сообщаютъ о богатомъ матеріалѣ, собранномъ д-ромъ Paasonen во время его четырехлѣтней научной командировки, совершенной на средства и по порученію Финно-Угрскаго Общества. Dr Paasonen провелъ девять мѣсяцевъ среди мордовскаго населенія въ губ. Самарской, Саратовской, Пензенской, Симбирской, Нижегородской, Казанской и Тамбовской; 3 мѣсяца среди черемисъ Уфимской губ., 10 мѣсяцевъ среди остяковъ Тобольской губ., 3 мѣс. среди чувашей Самарской и Казанской губ. и 1 мѣс. среди татаръ губ. Казанской и Самарской. Къ труду собиранія этнографическихъ свѣдѣній онъ сумѣлъ привлечь какъ нѣкоторыхъ инородцевъ, такъ и нѣсколькихъ представителей мѣстной интеллигенціи. Такъ, учитель сельской школы г. Школьниковъ, уже раньше направившій въ Финно-Угрское Общество цѣнный этнографическій матеріалъ, собранный среди мордвы-эрзя Пензенской губ. Городищенскаго уѣз., въ настоящее время представилъ 40 пѣсенъ и причитаній, записанныхъ въ Петровск. уѣз. Саратовской губ. Учитель сельскаго училища г. Чигикъ посвятилъ мѣсяцъ на собираніе этнографическихъ свѣдѣній въ незатронутой еще области Темниковскаго уѣз. Тамбовской губ. Паасоненъ провелъ нѣсколько мѣсяцевъ въ Казани, гдѣ занимался приведеніемъ въ порядокъ своего матеріала, а затѣмъ осенью прошлаго года вернулся въ Гельсингфорсъ.

Осенью же 1902 г. вернулся изъ своей научной поѣздки, также увѣнчавшейся значительнымъ успѣхомъ, д-ръ Wichmann. Вихманъ въ началѣ года отправился въ Усть-Сысольскъ и здѣсь съ помощью удорскаго зырянина изучалъ вычегодскія и удорскія нарѣчія зырянскаго языка. Въ апрѣлѣ онъ выѣхалъ въ дер. Визингу для изученія сысольскаго нарѣчія и затѣмъ въ селеніе Ношуль для изысканій въ области лузскаго нарѣчія. Въ іюнѣ Вихманъ совершилъ поѣздку къ зырянамъ Пермской губ. Соликамскаго уѣз. Результатомъ трудовъ Вихмана являются пять пространныхъ словарей по нарѣчіямъ зырянскаго языка на Удори, средн. теченіи Вычегды (Усть-Сысольскъ), Сысолѣ, Лузѣ и на пермяцкомъ и три меньшихъ словаря нарѣчій на Печорѣ, Леткѣ и нижнемъ теченіи Вычегды. Кромѣ того, имъ записаны 60 сказокъ, 36 дѣтскихъ присказокъ, 43 пѣсни, 15 причитаній, 191 пословица и 278 загадокъ на зырянскомъ языкѣ. Болѣе подробный отчетъ о поѣздкѣ Вихмана можно прочесть въ Journal de la Soc. finno-ougr. XXI, 3.—По указанію

пр. Вихмана, Финно-Угрское Общество выдало небольшую денежную субсидію сельскому учителю г. Семберу, природному зырянину, для совершенія поѣздки въ Усть-Сысольскій уѣзд. Сембером собранъ большой матеріалъ по нарѣчію данной мѣстности, кромѣ того 12 зырянскихъ сказокъ, 4 пѣсни, 13 причитаній, 30 загадокъ.

Богатый матеріалъ удалось собрать г. Karjalainen'у, проведшему 4 года среди остяковъ, живущихъ близъ Березова, Обдорска и по р. Иртышу. Г. Карьялайненъ изслѣдовалъ различныя нарѣчія остяцкаго яз. и религіозныя воззрѣнія остяковъ. Имъ записаны посредствомъ графофона остяцкія народныя пѣсни, снято множество фотографій, собраны копіи съ остяцкихъ рукописей. Въ церковныхъ книгахъ онъ собралъ множество данныхъ, имѣющихъ интересъ для статистики народонаселенія данныхъ областей. Карьялайненъ занимался тоже изслѣдованіемъ экономической жизни остяковъ. Имъ уже написана статья о рыболовствѣ остяковъ Тобольской губ.

F. Kannisto продолжалъ научныя розысканія среди вогуловъ. Имъ составлено 6 словарей различныхъ нарѣчій вогульскаго языка, собраны произведенія народнаго творчества вогуловъ (медвѣжьи пѣсни, сказки, загадки и пр.) и матеріалъ по религіознымъ вѣрованьямъ ихъ.

T. Schvindt совершилъ поѣздку въ Лапландію съ цѣлью закупки этнографическихъ предметовъ. Попутно имъ собраны данныя по этнографіи лопарей и изучены музеи въ Тромзӧ и Христіаніи, преимущественно отдѣлы, имѣющіе отношенія къ этнографіи и археологіи Лапландіи.

Г. Гейкель совершилъ двухмѣсячную поѣздку къ православнымъ эстамъ Псковской губ., также къ эстамъ, живущимъ близъ Феллина въ Лифляндіи и на о. Руно. Имъ привезена этнографическая коллекція приблизительно въ 900 предметовъ.

Въ Н. 2 В. II Finnisch-Ugrische Forschungen г. К. Кронъ знакомитъ читателя съ интереснымъ изданіемъ г. M. J. Eisen'а эстонскихъ сказокъ. Сказокъ, записанныхъ изъ устъ народа среди эстонцевъ, оказывается въ одномъ архивѣ Ученаго Эстонскаго Общества свыше 20000 нумеровъ. Кронъ справедливо отмѣчаетъ трудности съ матеріальной стороны изданія такого богатаго матеріала. Обыкновенно собранія народнаго творчества въ виду стоимости изданія, остаются неизданными и недоступными большинству изслѣдователей, образуя часто огромное и цѣнное рукописное достояніе ученыхъ обществъ. Г. Эйзену пришла счастливая мысль издать собранныя большею частью самими крестьянами эстонцами сказки въ видѣ дешевыхъ народныхъ книжекъ отъ 5—40 коп. за экземпляръ. Дѣйствительно, его книжки находятъ хорошій сбытъ среди эстонскаго крестьянства. Такая форма издательства дала возможность г. Эйзену издать 1761 номеръ народныхъ сказокъ, преданій и т. п., За научную цѣнность его изданій ручается рецензентъ «Finnisch Ugrische Forschungen». Хотя языкъ сказокъ нѣсколько обработанъ, а орѳографія общепринятая, но въ содержаніи не сдѣлано никакихъ измѣненій издателемъ, который послѣ каждой сказки указываетъ лицо, записавшее ее, и мѣстность, гдѣ она была записана. Не разбирая, насколько вообще

удачна мысль соединить въ одномъ изданіи и научныя цѣли и попытку дать полезное чтеніе народу, насколько практически трудно въ нѣкоторыхъ случаяхъ такое совмѣщеніе и какого научно добросовѣстнаго отношенія къ своей задачѣ требуетъ ея выполненіе, замѣтимъ, вмѣстѣ съ г. Крономъ, что собраніе Эйзена было бы интереснымъ пріобрѣтеніемъ для всякой этнографической библіотеки. Это тѣмъ болѣе, что книжки быстро расходятся и нѣкоторыя изъ нихъ уже трудно достать въ продажѣ. Сказки снабжены примѣчаніями Эйзена. Эйзенъ же выпустилъ самый большой изъ всѣхъ извѣстныхъ сборниковъ эстонскихъ загадокъ: Eesti rahva mõistatused. Dorp. 1890.

Результатомъ лингвистическихъ изслѣдованій г. Карьялайнена среди остяковъ оказались слѣдующія данныя. Остяцкій языкъ дѣлится на семь нарѣчій; представители одной діалектической группы съ трудомъ понимаютъ своихъ сосѣдей остяковъ. 1) Нарѣчіе иртышскихъ остяковъ; область распространеніе его: рр. Иртышъ, Демьянка, Салымъ и Обь между Самаровымъ и Салымомъ; на немъ говорятъ 2.700 душъ. 2) Кондское нарѣчіе по Оби между Самаровымъ и Березовымъ; 2.300 душъ. 3) Березовское нарѣчіе—на Казымѣ, Вогулкѣ и по Оби отъ Березова до дер. Мушъ; 3.300 д. 4) Обдорское нарѣчіе—по Оби и ея притокамъ къ сѣверу отъ дер. Мушъ; 3.500 д. 5) Сургутское нарѣчіе—отъ устья Салыма къ югу до 250 в. прибл. къ востоку отъ Сургута и на рр. Пымъ, Юганъ, Аганъ, Тремюганъ; 2.300 д. 6) Нарѣчіе вахскихъ остяковъ—по Ваху и Оби между Вахомъ и селеніемъ Верхне-Лумпокольемъ; 2.600 д. 7) Верхнеобское нарѣчіе по Оби отъ В.-Лумпоколья до границы Томской губ. и на Васьюганѣ; 1.300 д. Общее число остяковъ по исчисленію 1890 г. равнялось такимъ образомъ 18000 душъ. За послѣднія 50 л. оно возрасло на 6%.

Атласъ финноугрскихъ народностей. Въ одномъ изъ засѣданій Финно-Угрск. общества проф. Сетэлэ выступилъ съ предложеніемъ заняться приготовительными работами по составленію атласа мѣстностей, въ настоящее время занятыхъ финноугрскими народностями. Общество приняло предложеніе и рѣшило поручить командированнымъ имъ лицамъ, между прочимъ, заняться собираніемъ матеріала для такого атласа. (Finn. Ugr. For.).

Къ изученію финскихъ танцевъ. Въ Гельсингфорсѣ составился кружокъ Suomalaisen Kansantanssin ystävät. Цѣль его — собираніе національныхъ финскихъ танцевъ и записыванье плясовыхъ мотивовъ. Предсѣдателемъ кружка избранъ R. Tigerstedt, секретаремъ Dr Th. Schvindt. (Ugr. F.).

Армянская выставка въ Берлинѣ устраивается лѣтомъ 1903 года. Цѣль ея—показать ходъ культурнаго развитія армянскаго народа. Знатокъ армянской жизни д-ръ Пауль Рарбахъ принимаетъ ближайшее участіе въ организаціи выставки. Въ программѣ выставки, между про-

чимъ, имѣются слѣдующіе отдѣлы: 1) Кустарое искусство (ковры, вышивки, ювелирное искусство), 2) древнее и современное искусство— архитектура, скульптура, живопись, мозаика, 3) этнографія, фольклоръ и народная поэзія, 4) древности и др. *(„Русс. Вѣд.")*.

Модель храма Соломона выставлена въ Ковнѣ жителемъ м. Плунгянъ Ш. Г. Гарб'омъ. Это вѣрнѣе храмъ Ирода, уже реставрированный. Постоянное препирательство евреевъ по поводу этой постройки натолкнуло г. Гарб'а на мысль устроить модель храма. Обстоятельно изучивъ литературу, онъ восемь лѣтъ строилъ модель изъ дерева и картона въ масштабѣ 1:80. Храмъ освѣщенъ; граммофонъ исполняетъ божественную пѣснь и рѣчи священнослужителей; механически передвигаются куклы, изображающія духовенство и музыкантовъ. Модель будетъ демонстрироваться въ другихъ городахъ Россіи и за границей. *(„Вил. Вѣстн.")*.

Къ этнографіи бурятъ-буддистовъ. Выставка этюдовъ лейтенанта Ѳ. М. Бѣлкина, происходившая 4—30 ноября 1902 г. въ Иркутскѣ, заключала въ 8 отдѣлахъ 178 номеровъ, изображающихъ различные виды по Сѣв. Ледовитому океану, Онежскому озеру, озеру Байкалу, Забайкалью, Кавказу, Крыму и другимъ мѣстностямъ, причемъ весь 4-й отдѣлъ посвященъ религіознымъ вѣрованіямъ бурятъ-буддистовъ: Гусиноозерскій дацанъ; Свящ. пляска Цамъ; Ворота въ данамъ; Субурганы; Ламы; Богослужебные музыкальные инструменты (13 этюдовъ). Въ каталогѣ выставки даны краткія указанія о буддистахъ и содержаніи этюдовъ; между прочимъ, описаны: дацаны, ламы, субурганы (надгробные памятники), «труба-корова», кадильница для куренія благовоній и праздникъ Цамъ. Судя по присланному въ Этнографическій Отдѣлъ экземпляру каталога (съ припиской синимъ карандашомъ), вся серія этюдовъ IV-го отдѣла, т. е. 20 этюдовъ, продается за 200 рублей. Желательно было бы, чтобы или музей Императора Александра III-го, или Академія Наукъ, или Румянцовскій Музей пріобрѣли эту коллекцію.

Посѣщеніе однимъ монгольскимъ ламой халга-багутовскаго хурула. Вѣсть о его пріѣздѣ разлетѣлась по всей калмыцкой степи еще задолго до дня пріѣзда. Калмыковъ въ этотъ день собралось до 1,700 человѣкъ. Были также и русскіе, пріѣхавшіе изъ любопытства посмотрѣть ламу и его служеніе, потому что калмыки очень хвалились его моленіемъ. И вотъ что они разсказываютъ. Предъ хуруломъ былъ устроенъ шатеръ; лама пріѣхалъ въ хурулъ около 10 часовъ утра. Встрѣтило его калмыцкое духовенство съ хурульною музыкою. Одежда на ламѣ была обыкновеннаго гелюнга, только побогаче. При входѣ его въ хурулъ музыка прекратилась. Минутъ черезъ 5 послышался изъ хурула звонъ мѣдныхъ барабанныхъ тарелокъ и изъ хурула выбѣжали до 10 манджиковъ, которые бѣгомъ побѣжали подъ шатеръ, гдѣ и усѣлись кружкомъ. Затѣмъ изъ хурула вышелъ гелюнгъ съ палкою и началъ усаживать калмыковъ

на колѣни для того, чтобы образовалась просторная площадь. Усадивъ ихъ, онъ ушелъ въ хурулъ. Воцарилась тишина. Наконецъ послышалось какое-то шипѣніе, и изъ хурула показалась фигура, которая шла задомъ. Это былъ самъ лама, но уже въ другой одеждѣ. На головѣ у него былъ надѣтъ зубчатый вѣнецъ, съ придѣланными къ нему шестью рогами, на которыхъ было прикрѣплено множество разноцвѣтныхъ флажковъ. Надѣтъ на немъ былъ широкій халатъ изъ шелка. Затѣмъ лама въ согбенномъ положеніи, съ вытянутыми руками, съ трясеніемъ головы и съ поворачиваніемъ глазъ, началъ дѣлать большіе прыжки и съ удивительною быстротою и ловкостью вбѣжалъ подъ шатеръ, откуда тотчасъ, выйдя тѣми же прыжками и дѣланіемъ круга на мѣстѣ, онъ сталъ бѣгать около калмыковъ и разбрасывать какія-то зерна. Добѣжавъ до конца площадки, онъ вдругъ остановился, быстро изъ-подъ халата вынулъ лукъ и стрѣлу. Натянувъ лукъ, онъ пустилъ стрѣлу черезъ калмыковъ. Стрѣла пролетѣла и воткнулась въ землю. Стрѣлу эту тотчасъ же принесъ манджикъ ламѣ; послѣ чего лама тѣмъ же путемъ вошелъ въ хурулъ, откуда вышелъ въ прежней одеждѣ и пошелъ въ домъ бакши. Калмыки встали и направились тоже къ дому бакши. Кто былъ побогаче и познатнѣе, тѣхъ впускали въ домъ бакши. Лама клалъ въ (?) голову каждаго руку и получалъ за это подарокъ деньгами. Для сбора же денегъ со всѣхъ калмыковъ ходили избранные калмыки и собирали деньги въ шапки. Клали всѣ безъ исключенія,—и клали не мѣдныя, а золотыя и серебряныя деньги. При ламѣ находился переводчикъ, который былъ одѣтъ въ бѣлое платье. Своими движеніями и шипѣніемъ лама произвелъ такое сильное впечатлѣніе, что иные калмыки впали въ истерику, и не мало было труда привести ихъ въ чувство.

Между прочимъ, когда ожидали пріѣзда ламы, калмыки просили русскихъ стать на такое разстояніе, чтобы лама ихъ не могъ видѣть.— «Да почему же вы запрещаете? У насъ, когда бываетъ нашъ лама, мы никого не гоняемъ?» «Да потому,—говорятъ калмыки,—что лама, какъ увидитъ васъ, то сильно разсердится и тогда, какъ дунетъ на васъ, такъ вы и кончалъ».—«Ну и пусть его дуетъ, а мы все-таки дальше не уйдемъ». Сколько ни просили, ни угрожали, а русскіе поставили на своемъ. Калмыки называли ламу бурханомъ, живымъ богомъ и святымъ человѣкомъ. Ламѣ же это посѣщеніе, вѣроятно, было очень пріятно, потому что онъ вывезъ очень много денегъ.

(„Астр. Лист.“ и „С.-Пб. Вѣд.“).

Трактатъ индійскаго философа Нагарджуны, основателя буддійской школы Махаллы, былъ недавно (30 января) предметомъ доклада Ф. И. Щербитскаго въ Отдѣленіи Восточной Археологіи И. Р. Арх. О-ва. Трактатъ изложенъ въ полемической формѣ и заключаетъ рядъ блестящихъ и остроумныхъ возраженій буддиста противъ признанія единобожія и противъ воззрѣнія, что Вишну—единственный творецъ всего міра.

(„Спб. Вѣд.“).

Религіи въ Индіи по свѣдѣніямъ, приводимымъ Парижской газетой «Mouvement Géographique», имѣютъ нѣкоторое интересное перемѣщеніе въ количествѣ своихъ послѣдователей. По послѣднимъ статистическимъ даннымъ,—говоритъ газета,—число послѣдователей браманизма уменьшилось съ 207.689,000 въ 1891 г. до 207.075,000 въ 1901 г. Уменьшеніе это стоитъ въ прямой зависимости отъ голода, который свирѣпствовалъ въ Индіи въ послѣднее десятилѣтіе. Интересно, что въ англійскихъ провинціяхъ число индусовъ-браманистовъ увеличилось на 3.400,000, несмотря на уменьшеніе ихъ въ Бомбеѣ и въ центральныхъ провинціяхъ, гдѣ свирѣпствовалъ голодъ, на 1.120,000. Въ самостоятельныхъ провинціяхъ уменьшилось въ общемъ число послѣдователей браманизма на 4.013,000.

Другая распространенная въ Индіи религія—магометанство,—составляетъ разительный контрастъ съ браманизмомъ. Число мусульманъ увеличилось съ 57.321.000 до 62.458,000, т. е. на 9 проц.

Увеличеніе числа магометанъ зависитъ отчасти отъ сравнительнаго благосостоянія тѣхъ мѣстностей, гдѣ они живутъ. Сильное увеличеніе населенія въ Бирмѣ сопровождалось еще болѣе значительнымъ увеличеніемъ буддистовъ, число которыхъ увеличилось съ 6.888,000 до 9.184,000, т. е. болѣе чѣмъ на 33 проц. Число христіанъ въ Индіи—2.923,000. Число парсовъ увеличилось съ 89,900 до 94,200, численность евреевъ поднялась съ 17,194 до 18,228.

«Въ результатѣ браманизмъ, несмотря на уменьшеніе въ послѣднее десятилѣтіе, все же остается преобладающей религіей. Число его послѣдователей составляетъ 70 проц. всего населенія».

Изслѣдованіе буддизма въ Центральной Азіи. Австрійская газета «Silesia» сообщаетъ, что цѣлая археологическая экспедиція, состоящая изъ семи японцевъ, недавно снарядилась въ глубь материка. Цѣль этой экспедиціи—прослѣдить слѣды буддизма въ Средней Азіи, Индіи и Китаѣ и на основаніи этихъ изысканій,—насколько это будетъ возможно,—установить постепенное распространеніе буддизма отъ мѣста его возникновенія на сѣверъ и востокъ до Японіи. Во главѣ этой экспедиціи стоятъ графъ Отани Козни и Ватанабе Тетсушинъ. Передъ отъѣздомъ въ Закаспійскій край графъ Отани (молодой еще человѣкъ, занимающій видное положеніе въ буддійскомъ мірѣ Кіото) посѣтилъ Петербургъ. Помимо научныхъ цѣлей экспедиція, конечно, не лишена политическаго значенія.

Буддійское искусство въ Японіи было на дняхъ предметомъ лекціи г. Raymond Koechlin'a. Европа знакома обыкновенно съ японскимъ искусствомъ XIX вѣка и отчасти XVIII-го; о болѣе раннемъ искусствѣ свѣдѣнія европейцевъ скудны. Въ японскомъ павильонѣ на Всемірной Выставкѣ 1900 г. были впервые представлены Европѣ предметы японскаго искусства древней эпохи, которая продолжается до XV-го и XVI-го вв. и замѣчательна гл. обр. архитектурой и скульптурой. XVI вѣкъ

есть время возрожденія; XVII—XVIII вв. періодъ относительнаго затишья, (но есть великіе художники, особенно пейзажисты). Искусство сильно поддерживалось японскимъ дворянствомъ. Въ настоящее время японское искусство находится въ періодѣ упадка, и въ этой именно стадіи своей эволюціи оно стало впервые извѣстно Европѣ, которая, тѣмъ не менѣе, отнеслась къ нему съ восторгомъ.

Интересно также, что японское искусство возникло благодаря совмѣстному вліянію буддійской Индіи и Китая; но первыми художниками, создавшими формы боговъ буддійскаго пантеона, были греки. Позже японскіе художники ставятъ своей цѣлью вѣрное подражаніе природѣ и японское искусство принимаетъ реалистическое направленіе.

Всѣ эти свѣдѣнія, заимствуемыя изъ «Спб. Вѣдомостей», очень важны и въ вопросахъ этнографіи, особенно, когда, пользуясь сравнительнымъ методомъ, этнографъ сопоставляетъ народныя произведенія искусства, и въ томъ числѣ японскаго, не имѣя о послѣднемъ яснаго представленія.

Слѣды буддизма въ Мексикѣ. Въ итальянской газетѣ «Stampa» сообщаются любопытныя свѣдѣнія о слѣдахъ буддизма въ центральной Америкѣ еще за 1000 лѣтъ до Колумба. Трудами Шупе Сонниди, начальника японской буддійской миссіи въ Санъ-Франциско, въ китайскихъ лѣтописяхъ династіи Ліангъ, найденъ разсказъ о буддійскомъ жрецѣ Уп-шенѣ, родомъ изъ Кабула, вернувшемся изъ Фузанги (китайское названіе Америки) въ 499 г. нашей эры. Императоръ Ву-ти приказалъ одному изъ князей Ю-кіе разспросить монаха и записать его разсказъ, оригинальный текстъ котораго, безъ сомнѣнія, сохраняется и до настоящаго времени. Изъ разсказа видно, что еще раньше, въ 458 г., пять буддійскихъ монаховъ, также изъ Кабула, были въ той странѣ и проповѣдывали съ успѣхомъ буддизмъ. Уп-шенъ съ такой подробностью описываетъ страну, свойственныя ей растенія,—какъ мексиканскія агавы, — обычаи обитателей, отсутствіе солдатъ и оружія, погребальныя церемоніи и пр., что все это можетъ относиться не къ какой-либо другой странѣ на берегахъ Тихаго океана, а лишь только къ Мексикѣ. Въ туземныхъ мексиканскихъ преданіяхъ до сихъ поръ сохраняется разсказъ о странномъ бѣлокожемъ человѣкѣ въ длинномъ одѣяніи, который училъ народъ воздерживаться отъ зла, жить сообразно съ справедливостью, трезво и мирно. Онъ подвергся преслѣдованію и бѣжалъ. На высокой скалѣ, подлѣ селенія Магдалены до сихъ поръ сохраняется статуя, воздвигнутая въ память его; она называлась Ви-ши-пекока, въ чемъ не трудно узнать Уп-шен-бикшу (монаха). Мѣстное преданіе упоминаетъ и о другомъ подобномъ проповѣдникѣ, пришедшемъ въ Мексику съ сѣвера, въ сопровожденіи нѣсколькихъ лицъ. Кромѣ лѣтописнаго сказанія и народныхъ преданій, памятники архитектуры и искусства, календарь и различные предметы, найденные испанцами при завоеваніи Мексики, показываютъ странную связь съ цивилизаціей Азіи. Имя Гаутама сохранилось въ названіи страны Гватемалы (Іа по санскритски значитъ

страна), Гватемозинъ (великій жрецъ). На изображеніи Будды въ Паленке читается имя Шау-Моль (Сакья-Муни). Мексиканскіе жрецы назывались lama (лама). Великій жрецъ, жившій, по преданію, на островкѣ подлѣ устья Колорадо, назывался Квату-Сакка (комбинація именъ Гаутама и Сакья). Среди мексиканскихъ древностей постоянно встрѣчаются изображенія, орнаменты, которые могутъ быть приписаны только буддизму: напр., въ Гампеаки найдено большое изображеніе буддійскаго жреца въ его костюмѣ, въ Паленке — Будда со скрещенными ногами на сѣдалищѣ изъ двухъ львовъ; фигуры Будды со скрещенными ногами съ ореоломъ кругомъ головы помѣщены въ большомъ количествѣ въ нишахъ храмовъ Паленке, Усмаля и др. Голова слона, обычный символъ Будды въ Азіи, также нерѣдко встрѣчается въ мексиканскихъ древностяхъ, — а слонъ, какъ извѣстно, нигдѣ въ Америкѣ не существовалъ.

Французскій изслѣдователь, Ле Плужонъ, недавно замѣтилъ, что цѣлая треть словъ туземнаго мексиканскаго народа майя — почти чисто греческія слова. Это явленіе можно объяснить вліяніемъ санскрита, отъ котораго произошелъ греческій языкъ и; слѣдовательно, это опять говоритъ въ пользу распространенія буддизма въ древней Мексикѣ. Но это странное явленіе еще можно поставить въ связь съ древнимъ вліяніемъ на Мексику погрузившагося, по преданію, въ море цѣлаго материка — Атлантиды. Ле-Плужону удалось разобрать древній и таинственный мексиканскій манускриптъ, извѣстный подъ именемъ манускрипта Троано; въ немъ говорится о погруженіи въ море какого-то континента. Будучи самъ весьма древнимъ, манускриптъ передаетъ о катастрофѣ, случившейся за 8060 лѣтъ. По этому документу, соединенное дѣйствіе землетрясенія и наводненія въ одинъ день и одну ночь разрушило обширный континентъ, причемъ погибло 64,000,000 человѣкъ. (*„Спб. Вѣд“*).

Описаніе храма Боро-Будуръ на Явѣ. Извѣстный ученый Эрнстъ Гексли выпустилъ въ свѣтъ чрезвычайно интересную книгу «Aus Insulinde». Новый томикъ является продолженіемъ его «малайскихъ писемъ», возбудившихъ общій интересъ. Книга даетъ очень много интереснаго матеріала въ талантливомъ изложеніи. Обращаютъ на себя вниманіе описанія храма Боро-Будуръ, самаго большого и замѣчательнаго среди многочисленныхъ развалинъ храмовъ на Явѣ, которые остались здѣсь со времени колонизаціи индусовъ въ 8—9 вѣкѣ по Р. Х.

Развалины этого храма лежатъ вблизи г. Магелангъ. Храмъ расположенъ на вершинѣ холма, который возвышается надъ цвѣтущей долиной болѣе чѣмъ на 50 метровъ; издали онъ кажется старой крѣпостью, съ высокими полуразрушенными стѣнами и многочисленными башнями, стѣны главнаго квадратнаго основанія 150 метровъ длиною, имѣютъ высоту отъ 30 до 36 метровъ; четыре боковыхъ стѣны раздѣлены на семь террасъ и украшены поразительными лѣпными работами. Центральной частью этого храма является пирамидальный земляной холмъ, который возвышается на 40 метровъ надъ лежащимъ ниже большимъ холмомъ.

Пять высокихъ террасъ образуютъ галлереи, въ которыхъ внутренняя стѣна каждой террасы образуетъ внѣшнюю балюстраду ближайшей верхней террасы.

Стѣны галлерей и нижнихъ террасъ покрыты тысячами необыкновенно хорошо исполненыхъ каменныхъ фигуръ; эти скульптурныя произведенія представляютъ всю буддійскую миѳологію въ сотняхъ группъ; въ скульптурныхъ произведеніяхъ передъ нами проходитъ вся жизнь, вся исторія Будды, затѣмъ слѣдуютъ изображенія всѣхъ животныхъ, игравшихъ роль въ буддійской миѳологіи. Въ нишахъ находится много статуй Будды.

Три верхнія террасы заканчиваются колоколообразными куполами (Dagobas), а въ каждомъ внутри помѣщается колоссальная статуя «учителя».

Надъ всѣмъ этимъ возвышается большой куполъ, въ которомъ находится гигантская статуя Будды. Съ четырехъ сторонъ пирамиды находятся боковыя ворота, откуда лѣстница ведетъ въ галлереи.

О колоссальныхъ размѣрахъ этого гигантскаго храма можно составить себѣ представленіе по слѣдующимъ даннымъ. Въ одной только южной галлереѣ находится 408 барельефовъ; почти каждый состоитъ изъ группы въ семь лицъ (одной средней сидящей фигуры и трехъ стоящихъ съ каждой стороны съ цвѣтами лотоса и вѣерами). Внутреннія стѣны слѣдующихъ галлерей содержатъ 470 барельефовъ съ нѣсколькими тысячами фигуръ. Въ общемъ всего въ храмѣ 1504 барельефа, изъ нихъ 988 сохранились болѣе или менѣе хорошо. Всѣхъ сохранившихся статуй — 441. Всѣ онѣ изображаютъ Будду большею частью сидящимъ, мѣняется только положеніе рукъ и пальцевъ.

На южной сторонѣ Будда изображенъ какъ учитель, на восточной— какъ мыслитель, на сѣверной—какъ пророкъ, на западной—принимающимъ жертвы.

На верхнихъ галлереяхъ мы видимъ его изображенія какъ пророка и какъ мудреца, познающаго истину. Дивное спокойствіе, разлитое въ выраженіи лица, предсказываетъ скорое погруженіе въ вѣчный сонъ Нирваны.

Несмотря на неблагодарный матеріалъ (твердый, вулканическаго происхожденія сѣрый гранитъ), художественное исполненіе этихъ многочисленныхъ каменныхъ фигуръ поразительно. Не менѣе удивляетъ насъ и техническая сторона постройки: это колоссальное зданіе могло бы простоять еще столѣтія, если бы не землетрясенія, нѣсколько разъ колебавшія храмъ. О геніальныхъ создателяхъ этого и многихъ другихъ храмовъ на Явѣ, о многочисленныхъ художникахъ, которые въ теченіе многихъ лѣтъ работали надъ украшеніемъ стѣнъ его—ничего не извѣстно. Можно лишь съ увѣренностью сказать, что это—не работа мѣстныхъ уроженцевъ-малайцевъ, но выходцевъ изъ Индіи, которые въ VIII в. по Р. Х. явились въ архипелагъ и здѣсь основали государство съ буддійской культурой. Объ этомъ замѣчательномъ вторженіи ихъ извѣстно очень мало въ исторіи; только нѣкоторыя надписи доказываютъ, что было время, когда заморскій народъ принесъ высшую культуру дикому малайскому

населенію. Этотъ цвѣтущій періодъ длился очень недолго, и малайцы настоящаго времени удивляются развалинамъ чудныхъ храмовъ, какъ свидѣтельству о воздѣйствіи какихъ-то божественныхъ духовъ, и не могутъ повѣрить, чтобы все это могло быть создано человѣческими руками. *(„С.-Пб. Вѣд.“).*

Галласы—народъ, населяющій Абиссинію—до сихъ поръ еще недостаточно изучены. Одна изъ гипотезъ объ ихъ происхожденіи, именно, что они происходятъ отъ галловъ, высказана недавно миссіонеромъ Martial de Salviac, выпустившимъ 2-ое изданіе своей книги: «Un peuple antique. Au pays de Ménélik. Les Galla grande nation africaine (Ц. 7 fr. 50). Въ книгѣ имѣются интересныя описанія страны, нравовъ и обычаевъ населенія, политическихъ учрежденій. Есть иллюстраціи. *(„Міръ Божій“).*

Абдулъ-Кайюмъ Насыровъ, татарскій писатель, лингвистъ и этнологъ, скончался недавно въ Казани на 77-мъ году отъ роду. Всѣ сочиненія его напечатаны въ 37 отдѣльныхъ книжкахъ. Въ оставшихся послѣ него рукописяхъ имѣются записи татарскихъ легендъ, сказокъ, пѣсенъ, причитаній, которыя онъ собиралъ въ теченіе 50 лѣтъ. Умеръ онъ въ бѣдности, послѣ продолжительной болѣзни.

(„Волж. Вѣстн.“ и „С.-Пб. Вѣд.“).

Д-ръ В. А. Петтеръ (Савасисъ) скончался 20 сентября 1902 года въ г. Устюжнѣ Новг. губ. Кромѣ беллетристическихъ, у покойнаго были сочиненія научныя; онъ, между прочимъ, интересовался доисторическимъ прошлымъ Литвы. Въ изданной брошюрѣ «Литовцы въ доисторическое время» (Lituviai gludumuose amziu) онъ высказалъ нѣсколько смѣлыхъ предположеній о томъ, что въ доисторическое время литовское племя жило въ сосѣдствѣ пеласговъ и этрусковъ. Кромѣ того, въ рядѣ полемическихъ статей имъ разбирались труды, написанные поляками объ исторіи Литвы. Особенно нападалъ онъ на Мержинскаго, автора «Mythologiae lituanicae monumenta», «Romowe» и др. Викентій Антоновичъ извѣстенъ также какъ авторъ многихъ оригинальныхъ разсказовъ изъ литовскаго быта. Въ рукописяхъ у него осталась историческая повѣсть «Литовцы XIII вѣка» и «Похожденіе и смерть лисы по литовскимъ народнымъ сказаніямъ». *(„С.-Пб. Вѣд.“).*